

Гнездилов А. В. Авторская сказкотерапия

Дым старинного камина. Сказки доктора Балу

Посвящение Её Королевскому Высочеству, маленькой принцессе Алине от ее старинного приятеля и тайного советника господина Балу с любовью.

[Глава 1. Сказки о любви](#)

[Глава 2. Познание себя: разрешение внутренних противоречий](#)

[Глава 3. Терапия потерь](#)

[Глава 4. Экологические сказки](#)

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Еще раз о пользе сказок и сказкотерапии

Любите ли Вы сказки, дорогой Читатель? Хотели бы Вы почитать их не только для своего любимого ребенка, но и ДЛЯ СЕБЯ? Если это так, то книга, оказавшаяся у Вас в руках, — для Вас.

А может быть, Вы — профессиональный психолог или педагог, который ищет новые пути помощи детям, подросткам и взрослым? Тогда эта книга — для Вас.

А может, Вы — тот, кто ищет свой собственный Путь, в соответствии с интуитивно ощущаемым предназначением? Тогда эта книга ответит на многие Ваши вопросы.

Дорогие друзья, кто бы ни держал в руках эту книгу, — он найдет в ней что-то важное и полезное для себя. Это произойдет потому, что в этой книге — СКАЗКИ. Добрые и волшебные, светлые и грустные, адресованные душе юной и мудрой.

Доктор Балу (Андрей Владимирович Гнездилов) — настоящий петербургский Сказочник, сохранивший традиции Добрых Волшебников. Кроме того, Андрей Гнездилов — доктор медицинских наук, профессор, почитаемый учеными разных стран. Андрей Гнездилов — подвижник и общественный деятель, организовавший первый хоспис. Андрей Гнездилов — неутомимый исследователь и «генератор» новых методов в психотерапии: сказкотерапии, имидж-терапии, терапии колокольным звоном и пр.

Психотерапевтическая сказка Андрея Гнездилова — это бережное прикосновение к Душе человека, поддержка его на Пути, мягкая форма приобщения к духовному знанию. Взгляд Сказочника — это взгляд человека, способного понять и принять тайные стороны внутренних процессов, поддержать в добрых и духовных поисках, разделить боль и подарить радость.

Если спросить наших соотечественников, в чем они нуждаются более всего, часто можно услышать ответ — в деньгах. Удовлетворение этой потребности порождает особый стиль жизни, оставляя в ней все меньше места сказочному. И кажется, что сегодня уж точно «не до сказок». Думая так, мы можем действительно забыть о том,

что об этой ситуации есть немало сказочных историй... Однако подобный стиль жизни и взаимоотношений несообразен внутренней природе человека и поэтому приводит к стрессу. Неудача, потеря, разочарование либо озлобляют человека, либо заставляют задуматься о том, чему раньше уделялось лишь незначительное внимание. И здесь на помощь взрослому и подростку приходит психотерапевтическая сказка. Она несет в себе живое человеческое УЧАСТИЕ и МУДРОСТЬ. И это то, в чем на самом деле больше всего нуждается человек.

Именно такие сказки вы найдете в этой книге. Они адресованы, в большей степени, взрослым и подросткам.

Как строится процесс сказкотерапии в данном случае? Читая сказку, размышляя о ней, человек, пока на бессознательно-символическом уровне, «запускает» собственные созидающие процессы. Пройдет некоторое время (у каждого в свой срок), и начнет положительно меняться состояние, отношение к себе и окружающему миру; актуализируются творческие возможности и силы, конструктивно изменяющие жизнь.

Психотерапевтические сказки помогут в период кризиса и станут мощным психопрофилактическим и развивающим средством.

Сказкотерапия как направление современной практической психологии

Есть еще немало людей, у которых термин «сказкотерапия» вызывает улыбку и отношение как несерьезному, «детскому» методу. Но, познакомившись со сказкотерапией поближе, большинство из них изменяют свое мнение. Сказкотерапия самый древний в человеческой цивилизации метод практической психологии и один из самых молодых методов в современной научной практике.

Несмотря на то, что сказкотерапия не имеет возрастных ограничений и множество разработок адресовано взрослым, существует «миф» о том, что этот метод является «детским». Каковы его истоки?

Известно, что примерно до 10-12 лет у детей преобладает «правополушарный» тип мышления. Следовательно, наиболее важная для их развития и социализации информация должна быть передана через яркие образы. Именно поэтому сказочные и мифологические истории являются лучшим способом передачи ребенку знаний о Мире. Если первое десятилетие жизни в этом отношении складывалось у ребенка благополучно (заботливые родители и педагоги читали, рассказывали сказочные истории, совместно их обсуждали), то в бессознательном маленьком человека формируется своеобразный «банк» жизненных ситуаций. То есть набор знаний о динамике внутренних процессов, способов взаимоотношений между людьми, возможностях самореализации, устройстве Мира и пр. Если сказочные и мифологические истории не обсуждались с ребенком, а просто читались или рассказывались, этот «банк», эти знания находятся в ПАССИВНОМ состоянии. Это тоже прекрасно, ибо РЕСУРС успешной социализации в любом случае у ребенка имеется.

Если же взрослые нашли в себе силы и мудрость обсуждать с ребенком сказочные истории, осмыслять ЖИЗНЕННЫЕ УРОКИ, ища параллели с реальными явлениями, то «банк» знаний о Мире переходит в АКТИВНОЕ состояние. Что это значит? Ребенок естественным путем формирует способность осознанно действовать, видеть причинно-следственные связи между событиями; размышляет о своем ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ,

исследуя собственные способности и возможности; осознанно и неосознанно проявляет созидательные ипостаси души.

Важно ли это для ребенка? Не рано ли ему задумываться о таких «серьезных» вещах? Важно и не рано. Более того, позже может быть уже поздно. Если мы оглянемся вокруг, то увидим, к чему привели разрушительные действия взрослого человека, одержимого иллюзией собственной безнаказанности, отрицающего «сказочные» законы взаимодействия с Миром. Может быть, сказки это и «пустяки» и «несерьезность», однако они не разрушают окружающий мир, а взывают к светлым созидательным сторонам души человека. Поэтому сказкотерапия с детьми, подростками и взрослыми сегодня особенно актуальна. Хотя бы потому, что необходимо остановить лавину разрушений, производимых человеком. А сделать это возможно только когда человек возвращается к своему изначальному, «сказочному» восприятию мира.

Это восприятие намного старше первобытного строя, оно свободно от страха перед силами Природы и гневом разнообразных божеств. Сказочное восприятие мира характеризуется ощущением гармонии и радости, которое вспоминает человек, когда ему удается «вырваться на природу». И только неся в себе энергию этого ощущения, человек может проявить себя как созидатель и творец. Похоже, вступив в новое тысячелетие, взрослый готов вспоминать... И поможет ему сделать это — Ребенок, у которого «сказочное» восприятие Мира еще не забылось и ищет подтверждения своей «правильности».

Эти соображения дают основания определить предмет сказкотерапии, как процесс воспитания Внутреннего Ребенка, развития души, повышение уровня осознанности событий, приобретение знаний о законах жизни и способах социального проявления созидающей творческой силы. И конечно, сказкотерапия - это еще и процесс «вспоминания» и возвращения подростку и взрослому гармоничного мироощущения. Что, в свою очередь, станет основой для созидательных действий по отношению к себе, близким, окружающему Миру.

Для того чтобы стать направлением в практической психологии, сказкотерапия прошла большой путь. Она была и продолжает быть средством передачи опыта и знаний «из уст в уста». Она была и продолжает быть предметом исследований различных специалистов (ведь надо же кому-то «расшифровать» древние послания!). Она служила и продолжает верно служить многим психологам, психотерапевтам и педагогам как техника психологической помощи и обучения. И, наконец, ее признали как особое явление в человеческой культуре, как мультидисциплинарную систему, как носителя важнейшей информации.

Особенностью работы в системе сказкотерапии является взаимодействие с клиентом на ценностном уровне. Психологические, культуральные, педагогические проблемы прорабатываются благодаря опоре на нравственные ориентиры, духовные ценности и личностные потенциалы. Ведущими идеями сказкотерапии являются:

осознание своих потенциалов, возможностей и ценности собственной жизни;

понимание причинно-следственных связей событий и поступков;

познание разных стилей мироощущения;

осмысленное созидательное взаимодействие с окружающим миром;

внутреннее ощущение силы и гармонии.

Может возникнуть мысль: а не уводят ли занятия сказкотерапией от реальности? Легче всего ответить: нет, не уводят, а наоборот, приводят. Однако это было бы не совсем верно. Многое зависит от возраста. Детей, безусловно, занятия сказкотерапией не уводят от реальности. Каждое занятие сказкотерапевт завершает, обсуждая с ребятами ответы на вопрос: чему научила нас сказка и как мы эти знания и опыт будем использовать в ситуациях нашей жизни? Таким образом, путешествуя по сказке, ребята «мудреют», познают жизнь, приобретают социальные навыки.

А подростки, ведь у них (при нормальном развитии) в этом возрасте активно «включается» левое полушарие? Действительно, аура «сказочности» при работе с подростками и взрослыми должна быть «дозированной». Для подростков и взрослых эмоциональный аспект сказкотерапии («вспоминание» сказочного мироощущения) является дверью к их личностному ресурсу. Погружаясь в сказку, подростки и взрослые могут накопить силы, открыть новые возможности для творческого конструктивного изменения реальной ситуации. И, открыв в себе ресурс, подросток и взрослый переключаются на события своей жизни, немного иначе осмысляют их и приступают к конструктивному социальному моделированию.

Для подростков и взрослых особенно важны когнитивный и творческий аспекты сказкотерапии. Анализ сказок (когнитивный аспект) позволит изменить или существенно обогатить взгляд на привычные ситуации, соприкоснуться с духовными ценностями. Сочинение, рисование, изготовление кукол, драматизации сказок (творческий аспект) позволят высвободить творческую энергию воображения. Все это силы, которые помогут подростку и взрослому конструктивно изменять свою жизнь.

Сказкотерапия как направление практической психологии привлекательно еще и тем, что имеет немного ограничений по сравнению с другими подходами. Так, например, у нее нет возрастных границ: в каждом возрасте своя сказка, миф, притча, легенда, басня, баллада, песня и т. д. Не выявлено ограничений и по шкале «нормальное — отклоняющееся развитие»: сказкотерапия «работает» и с «нормально развивающимися», и с «альтернативно развивающимися» людьми (имеются в виду особенности интеллектуального, психофизического и сенсорного развития). Однако имеются особенности применения сказкотерапии в области дефектологии. Сказкотерапия применяется для разрешения самых разнообразных проблем: от трудностей в обучении до острых жизненных кризисов. Но... в каждом случае свои комбинации, акценты, «посылы».

Может показаться, что сказкотерапия универсальный метод. В контексте осмысления жизненного опыта, возможно. Но, как известно, универсальных методов не бывает, и в этом большое завоевание современной практической психологии.

Современная сказкотерапия «трехлика». Она имеет «лик» диагностический (арсенал проективных методик для исследования человека); «лик» воздействующий и «лик» профилактический (или развивающий).

Сказкотерапевтическое воздействие осуществляется с помощью пяти видов сказок: художественных, дидактических, психокоррекционных, психотерапевтических и медитативных. Для каждой ситуации, случая консультирования либо подбираются, либо специально сочиняются соответствующие сказки. И это является темой обучения сказкотерапевтов. Разнообразные сказки «подаются» клиенту под различными

«соусами»: анализ сказки, рассказывание, сочинение, изготовление кукол, драматизации, рисования, игры, медитации и многое другое. Весь арсенал техник отнесен к разделу «направления сказкотерапии». Это также является предметом изучения будущих сказкотерапевтов. Поэтому подготовка сказкотерапевтов процесс творческий, увлекательный, но не простой.

И еще один секрет метода состоит в следующем: в сказкотерапии важно действие, но еще более важно ПОСЛЕДЕЙСТВИЕ. Именно последействие сказкотерапии является мощной силой, стимулирующий развитие клиента. Развитие, не зависящее от психолога. Собственное РАЗВИТИЕ.

Как работать с авторскими психотерапевтическими сказками

Психотерапевтические сказки, к которым относятся авторские сказки, библейские и суфийские притчи и другие истории, особенно полезны, если есть необходимость:

- передать клиенту важные знания о порядке вещей и законах окружающего мира в ненавязчивой форме;
- посмотреть на сложную ситуацию «со стороны» — в этом случае сказкотерапевт пересказывает историю клиента, зашифровывая ее в сказку;
- поговорить об «истинной сущности» клиента, его созидательных потенциалах;
- поддержать клиента в период переоценки ценностей и переосмысливания жизненного опыта.

Часто сказкотерапевт пишет сам «сказку для клиента». Но то, что было полезно одному, нередко становится полезным и другому. Таким образом, пополняется «банк» психотерапевтических сказок.

Функции психотерапевтических сказок:

- Сказка восполняет пробелы индивидуальной истории клиента и дополняет ее общечеловеческой информацией.
- Сказка позволяет актуализировать вытесняемые клиентом моменты личной истории.
- Сказка позволяет сформировать новый взгляд на ситуацию и перейти на новый уровень ее осознания, моделируя более конструктивное отношение и поведение.
- Сказка отображает внутренний конфликт клиента и дает возможность размышлять над ним.
- Сказка является символическим «буфером» между клиентом и сказкотерапевтом. Благодаря этому сопротивление клиента сглаживается и энергия направляется на размышление.
- Сказка служит альтернативной концепцией восприятия неоднозначных жизненных ситуаций.

— Сказка формирует Веру в позитивное разрешение проблемы (правда, для того чтобы это увидеть, часто требуется отойти от стереотипов обыденного сознания).

Будем помнить о том, что не всегда взрослый человек сразу готов к занятиям сказкотерапией. Поэтому психотерапевтические сказки на первых этапах работы целесообразно «вставлять» как бы ненароком, как бы «к слову». Обычно сказкотерапевт аргументирует рассказывание сказки собственной «неожиданной» ассоциацией с историей клиента. Возникающий при этом «эффект неожиданности» часто положительно мотивирует клиента.

При использовании психотерапевтических сказок важно помнить о трех вещах:

— **уместность:**

— **искренность:**

— **дозированность**

Как бы ни любил психолог сказки, их использование должно быть уместным. В противном случае можно исказить всю идею. Первую психотерапевтическую сказку уместно использовать лишь тогда, когда она наиболее ярко и образно иллюстрирует основную мысль психолога при формулировании «обратной связи» клиенту.

Рассказывание психотерапевтической сказки — это всегда сокращение «дистанции» с клиентом. Следовательно, от сказкотерапевта требуется проявление открытости и искренности.

Психотерапевтические сказки побуждают к размышлению. Часто это процесс длительный. Поэтому нельзя «перегружать» клиента сказками, чтобы он не утратил к ним чувствительность.

Сказки, приведенные в данном практикуме, объединены в четыре главы. Подобное разделение довольно условно: ведь сказка одновременно охватывает множество тем и процессов.

Первая глава «Сказки о любви» содержит психотерапевтические сказки для семейного консультирования. Их основная идея — отражение многообразия взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Эти сказки позволяют партнерам

понять друг друга, разрешить конфликтные взаимоотношения, изменить взгляд на себя и партнера.

Вторая глава «Познание себя: разрешение внутренних противоречий» содержит сказки для индивидуального консультирования в кризисных ситуациях. В это время происходит переоценка ценностей, новое понимание причинно-следственных связей между событиями и поступками людей, переосмысление жизненного опыта, осознание своего предназначения, исследование альтернативных форм отношения к жизни.

Третья глава «Терапия потерь» содержит сказки, облегчающие переживание горя, утраты, предчувствия ухода.

Четвертую главу «Экологические сказки» составляют истории о деревьях, камнях, цветах, лесных и водных духах. Их основное назначение — гармонизация взаимоотношений человека и Природы, осознание природной первоосновы.

Психотерапевтические сказки Андрея Гнездилова могут стать настольной книгой и гармонизировать взаимодействие с самим собой и окружающим миром.

Глава 1. СКАЗКИ О ЛЮБВИ.

СЕМЕЙНОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

По каким удивительным законам возникает притяжение и чувства между мужчиной и женщиной? По каким неведомым законам они расстаются? Что есть Любовь? Как найти СВОЕГО партнера? Какие стили взаимоотношений складываются между мужчиной и женщиной? Об этих и других «вечных» вопросах будет размышлять читатель этих сказок.

Психолог может использовать приведенные в этой главе истории в процессе консультирования юношей и девушек, мужчин и женщин, решавших для себя вопрос гармоничных отношений с партнером.

Часто собранные в первой главе сказки оказывают помощь, если речь идет:

- поиске партнера, формировании образа партнера;**
- «кризисе» семейных взаимоотношений;**
- проблеме измены;**
- «проверке чувств» партнера или своих собственных;**
- понимании тайны взаимоотношений мужчины и женщины.**

В зависимости от ситуации и динамики консультирования можно обсуждать сказки или оставить клиентов с вопросом.

Вопросы для размышлении и обсуждения:

- Какой отклик в вашей душе вызвала эта сказка?
- Как вы думаете, к чему стремились главные герои?
- Как вы думаете, почему именно с этими героями произошли эти события?
- Каков, по-вашему, конец этой сказки?
- Может ли подобная ситуация произойти в реальной жизни или этот сюжет только для сказки? Если может, то приходилось ли вам наблюдать или участвовать в подобной ситуации?

— Если предположить, что каждая сказка несет в себе некоторую важную для нас информацию, то что бы вы «взяли для себя» из этой сказки (идею, мысль, образ, ощущение, стиль взаимоотношений, «урок», и пр.)?

P03A

Каждому сердцу открывается мир по-своему, и трудно перечесть, сколько солнц озаряет землю, как и сказать, сколько существ населяет ее. В достопамятные времена, когда приходила пора весны в горные страны и любовь пробуждала спящие души, житель гор, рискуя жизнью, взбирался на неприступны скалы. Там отыскивал он цветы эдельвейса на альпийских лугах, чтобы принести их своему кумиру. Свершив подвиг, он начинал танцевать, описывая движениями свой трудный путь, опасности, которые его подстерегали и свое чувство что вело его к победе. И возлюбленная, захваченная порывом юноши, включилась в танец, который становился символом их общей жизни. Ведь именно ее образ был тем светом в конце пути, к которому стремился ее избранник.

А в это же время житель лесов забирался в непроходимые дебри, чтобы отыскать заповедные озера и, сорвав белоснежную лилию, нес ее своей любимой, распевая песню, рождавшуюся в его сердце. И эхо несло его голос к подруге. Она отвечала ему песней, которая помогала юноше отыскать обратную дорогу среди дикого и сурового леса.

Житель прерий скакал во мраке, чтобы добыть для своей любимой сказочный цветок — Царицу ночи, что распускается при заходе солнца, светится в темноте и умирает при первых солнечных лучах. Коротко время, чтобы найти в необъятных просторах среди колючих кактусов тот цветок, что зацветет в эту ночь, и успеть принести его к ногам возлюбленной. Быстрый скакун приходил на помощь человеку, но чтобы еще звонче стучали его копыта, возлюбленная его брала гитару и кастаньеты. И вместе они вершили подвиг любви.

А в пустынях под палящим зноем юноша верхом на верблюде, замирая на долгие часы, а иногда и дни, ожидал первого и, может, единственного весеннего дождя. Падали драгоценные капли и тут же появлялись алые маки, волшебным ковром покрывающие землю. И звучала свирель, и дурманящий дымок извивался над огненными цветами. С тихим звоном, сверкая золотыми украшениями, подобно раскачивающемуся деревцу, танцевала девушка, и грезы самых сладких сновидений не могли сравниться с ней.

Где-то на широких листах Виктории Регии юноши проносили своих возлюбленных через водопад, где-то... Впрочем, всего не перечислить. Все это происходило, пока не появился на земле один садовник. Он писал стихи и считал звезды, занимался медициной и выращивал цветы. Однажды он создал Розу и подарил ее людям. Воистину, она оказалась королевой цветов. Не было на свете ни одной страны, где бы ее не признали и не поставили на первое место.

Теперь многие и многие стали забывать о своих прежних обычаях, и символом любви всюду стала Роза. Но вместе с ней пришла в мир путаница. Юноша приносил розы своей возлюбленной, она отдавала ему сердце и ждала, что он будет танцевать, а он вдруг начинал петь, и она не понимала его. А иной, вместо того чтобы застыть в созерцании, начинал демонстрировать свою силу и ловкость. Так, поддавшись чарам розы, люди не могли увидеть и понять друг друга и вместе с восторгами поползли слухи, что Роза — великая искусиательница, цветок иллюзий и обмана.

И жила на свете одна Принцесса. Конечно же, была она так прекрасна, что родители и подданные прозвали ее Розой. Как на чудо съезжались посмотреть на нее бесчисленные гости, и слава о ней неслась из страны в страну.

И вот, многие юноши, принцы, покинув свои края, прибыли ко двору, чтобы попробовать завоевать ее сердце. И все они приносили к ее ногам розы. Отдав свои Дары, одни принцы начинали танцевать, и Принцесса умела повторить их танец так, что бедные юноши совсем теряли голову, другие принцы пели, и в ответ им звучали столь же прекрасные песни, третьи стреляли из луков, четвертые играли на гитарах, пятые скакали со скоростью ветра, но всюду Принцесса могла ответить им на их призыв, ни в чем не уступая. Вот только ни одному из них она не захотела отдать своего сердца. С разбитыми надеждами очарованные женихи разъезжались по домам. Воистину, любовь заставила их испить не сладость счастья, а горечь печали. Но, верно, мало кто из осуждавших Принцессу подумал о том, что и ее уделом оказалось разочарование. Ведь она так же ждала и хотела найти того, кто смог бы подарить ей счастье. Ее ли вина была в том, что она искала совершенство?

И тогда Принцесса сама отправилась странствовать по земле. Много земель посетила она, и всюду скрывала свое лицо под чадрой, чтобы не будить в людях напрасных надежд. Однажды она прибыла в страну, где был погребен Великий Садовник, принесший в мир Розу. Чудесный оазис из цветущих деревьев окружал овальное озеро в беломраморных берегах. В водах его, глубоких, как небо, и спокойных, как зеркало, застыло отражение чудесного мавзолея. Стройные резные минареты, легкие изящные арки меж голубых узорчатых колонн, белые и розовые купола в оправе бирюзовых лепнин были подобны руке, унизанной драгоценными кольцами. Вся эта соразмерность и красота заставляли сердце сжиматься с трепетом. Но, подняв глаза от озера, Принцесса не обнаружила самого мавзолея. На его месте было пустое пространство, поросшее кустами прекрасных роз. Чудо живого отражения, оставшегося от исчезнувшего мавзолея, потрясло девушку. Она села на берегу, и слезы потекли по ее щекам. «Неужели наш удел — видеть только отражение Истины, а не ее саму? Что же тогда значит твоя Роза, о Учитель? Любовь или ее отражение? Почему так много иллюзий поселяет она среди людей и вместо радости дарит слезы? Или вся жизнь — всего лишь сон? Подует ветер, исчезнет дворец на поверхности воды и так же пройдут наша любовь и жизнь?»

Так шептала она, и в косых лучах заходящего солнца ее фигура казалась поникшим, увядающим цветком. Внезапно вспыхнул яркий свет, и вместе с ним явился ее взору чудесный мавзолей, бывший дотоле лишь отражением. С глубоким гармоничным аккордом открылись золотые решетчатые двери, и из них выступил прекрасный юноша в белом тюрбане, украшенном бриллиантами.

«Мир тебе, о Принцесса! — произнес он. — Моя любовь ждала тебя столько столетий, и ты наконец пришла. Знай же, что Роза — это не мечта и не иллюзия, хотя способна отражаться в сердцах, как этот мавзолей в водах озера. В лепестках Розы собраны все чувства любви и их выражения, какие только существуют на земле. Но смысл их в том выборе, который обычно делает человек. Он в том, чтобы пробудить в каждом любовь ко всему сущему! Принять весь мир, не делая различий, ибо улыбка Бога принадлежит каждому, кого он сотворил.

Ты, дитя, способна вместить это чувство и можешь войти во дворец вместе со мной. Пусть твой пример останется другим людям. Любовь ждет каждого».

ЧАС

Как холодно и бездушно время, отмечаемое цифрами один, два, три... двенадцать, и опять сначала, и так каждый день. Зато на Востоке вы просыпаетесь в час ласточки, обедаете в час оленя. В час обезьяны встречаетесь с другом, созерцаете красоту дня в час дракона. В час жабы возвращаетесь домой. В час летучей мыши ложитесь спать... И самое интересное, что название каждого часа не выдумано. Тонкая наблюдательность нашла и связала кусочки дня с жизнью природы.

Время не равнозначно. И все, что существует на свете, имеет свой час. «И из разнообразия рождается прекраснейшая гармония... — как говорил Гераклит. —

И все бывает благодаря распре...» А какая же распра в часах? Верно, когда они пересекаются и пути идущих по ним соприкасаются друг с другом.

Незадолго перед Новым годом два молодых человека сошлись в Петербурге за бильярдным столом. Игра затянулась, не давая перевеса ни одному из них. Наступила ночь, а они все не могли разойтись. Часы пробили одиннадцать. «Ну, теперь берегись, — сказал Гаспар, — это мой час. Не было еще случая, чтобы мне не повезло в нем». Каждому из игроков достаточно было забить один шар, чтобы добиться победы. «Я верю только в случай, — ответил его приятель, — но мне нужен стимул. Когда я становлюсь на грань, всегда что-то происходит, что вызывает меня. Давай заключим пари. Проигравший выполнит любое желание победителя». — «Идет». И они кивнули друг другу. Два кия скрестились над зеленым полем. Через несколько минут Кирилл, так звали фаталиста, допустил неточность, и шар буквально повис над лункой. Достаточно было дуновенья, чтобы забить его. Гаспар улыбнулся: «Твой случай споткнулся о мой час». «Бей», — тихо шепнул партнер. Раздался удар, и его шар перелетел через борт. Кирилл вытер лоб, выставил новый шар и загнал оба в лунку. «*Fortuna non grata...* Счастье неприкосновенно», — молвил он, перефразируя известное выражение. Сильный порыв ветра бросил горсть снега в окно, и в щелях протяжно засвистело. Белый пушистый ком покатился вместе с вы沟ой, догоняя свет качнувшегося фонаря. На одно мгновение два зеленоватых огонька зажглись в нем и тотчас потухли. У Гаспера перехватило горло, и странное томительное чувство скользнуло в груди, чуть не вызвав слезы. Время замерло, а затем стрелки переместились в обратную сторону. Ну да, он еще не нанес своего удара. Вот тот выигрышный шар ожидает в воротах лунки. Но где второй, по которому он должен бить? «Где шар?» — спросил он громко, и реальность происходящего вернулась к нему. Кирилл не заметил его состояния. «Действительно, куда же он делся? Здесь выскоцил за борт и... Ты знаешь, я не слышал, как он упал». — «Может, он вылетел в окно?» — предположил Гаспар. «Шутник! Если бы разбилось стекло, мы были бы уже по колено в снегу. Взгляни, какая пурга на улице». — «Да, да. Но, знаешь, мне за эту минуту столько привиделось. Будто я еще и не был, и за окном какой-то большой белый шар с глазами». Кирилл подышал на стекло и затем покачал головой: «Там только сугроб и на нем кошачьи следы. Пошли домой. Уже поздно даже для мистических размышлений о пропавшем шаре. Завтра он где-нибудь найдется». «Подожди, — остановил его Гаспар. — А как с моим проигрышем? Я не хочу тащить с собой долги в Новый год». — «Ты говоришь всерьез?» «Разумеется. Загадывай свой желание. Если оно в моих силах, я выполню его». Кирилл рассмеялся: «Горе тебе, о несчастный! Ибо надлежит тебе добыть розы в канун Нового года и отправиться с ними на Невский проспект и вручить самой красивой женщине, которую ты встретишь». Дверь за ним захлопнулась. «Доверяю твоему вкусу», —

донесся уже с улицы его голос. Гаспар задумался: «Конечно, это шутка. Но все, что произошло в этот вечер, серьезней. Найду шар — тогда не буду придавать значение словам Кирилла». Он обшарил всю комнату, но поиски оказались напрасными. Теперь наступила очередь роз.

Несколько дней молодой человек колесил по всему городу, по всем магазинам, садоводствам, теплицам, в поисках роз. На него смотрели, как на сумасшедшего, или сердились, принимая за шутника. «Во всяком случае, я сделал все, что мог», — сказал себе Гаспар, видя безнадежность своих стремлений.

У него оставалось еще несколько адресов, он выбрал наудачу один, данный ему случайным прохожим, и решил на нем закончить мытарства. 31 декабря он поехал в Лахту, где должен был жить какой-то старичик-садовник, торговавший цветами на рынке. Короткий пасмурный день подходил к концу, когда юноша постучался в неприметный домик, стоявший на окраине леса у самого залива. Маленький опрятный стариk открыл ему дверь и засуетился, приглашая сесть за стол. Он был необыкновенно подвижен, многословен и казался удивительно радушным, но две неприятные особенности бросались в глаза. Желтоватая, необычайно бледная кожа и совершеннейшее отсутствие растительности. Он был настолько лыс, что не имел даже ресниц и бровей. Руки без единого волоска тоже выглядели голыми и неестественными, словно одетыми в резиновые перчатки, если бы не длинные отполированные ногти, которым могла бы позавидовать любая женщина. Услышав цель визита своего гостя, садовник закатился довольным смехом. «Попал, попал прямо в лунку». Оттирая с глаз слезы ослепительно белым платочком, он поманил Гаспара в следующую комнату. Там у стен и на полках стояли цветы в горшках и множество засушенных растений свисало с потолка. И среди этих джунглей перед громадным зеркалом на этажерке царствовал куст алых роз, распустившихся очевидно не далее, как утром. Тонкий аромат незримыми волнами проплыval по комнате, рождая трепет, какой бывает при восходе солнца.

Не веря своим глазам, Гаспар обернулся к старику. Тот продолжал пребывать в восторженном состоянии. «Ну, конечно, я продам эти цветы. Вы молоды. Вам они нужнее. А вы мне подарите свою удачу». Юноша невольно взглянул на часы и вспомнил проигрыш: «Она мне изменяет». «Как знать, как знать», — отвечал садовник, потирая руки.

Почти вся стипендия, лежавшая в кармане Гаспера, перекочевала в кошелек старика. Они пожали руки и собирались расстатьсяся, когда садовник вдруг опять побежал в соседнюю комнату. Вернулся он с белым бутоном. «Вы купили все мои красные розы. Возьмите и его в придачу. Я больше не буду ухаживать за цветами». Заметив нерешительность юноши, он захлопал в ладоши, как ребенок. «Без денег, без денег. Каприз на каприз». Нераспустившаяся белая роза явно не подходила к букету, и Гаспар, обернув ее платком, осторожно положил в нагрудный карман. Надо было спешить в город.

Праздничный Петербург словно затаил дыхание в предчувствий Нового года. УЛИЦЫ опустели, в окнах горели цветные фонарики и виднелись разукрашенные елки. Но по Невскому по-прежнему стремительно двигалась веселая шумная толпа, а с неба медленно падали крупные хлопья снега. Они с неохотой ложились под ноги людям и зачастую повисали в воздухе, выбирая, на ком бы лучше примоститься, чтобы продлить свое путешествие. Было совсем не холодно, и Гаспар прикрыл свой букет только прозрачной целлофановой бумагой. Он остановился против Городской Думы и стал

всматриваться в проходящих. Немедленно его окружили люди. «Где вы достали розы?» «Вот чудеса!» «Продайте!» «Кому вы их подарите?» Молодой человек улыбался, отшучивался, но затем, не в силах противостоять любопытству толпы, заявил, что розы предназначены самой красивой женщине, которую он увидит. Тут уж его обступили кольцом те, кто назначил в этом месте свидание со своими друзьями. Каждая проходящая женщина подвергалась немедленной оценке. Сыпались советы, реплики, возражения. В тот вечер немало петербургских красавиц, скрывая улыбку, а иной раз и досаду, прошли мимо юноши с розами. А он все чего-то медлил с выбором. Наконец толпа поредела. И вот глаза Гаспара нашли девушку, которую втайне ожидало его сердце. Ей, видимо, некуда было спешить. Она шла и ловила ртом снежинки. Трудно сказать, чем она отличалась от остальных. Верно, детской готовностью к чуду... Высоко поднятые брови придавали лицу выражение удивленности™. Она глядела по сторонам и в то же время жила какой-то своей внутренней жизнью, которую явно наполняли мечты и фантазии. На языке Гаспара это означало сказочность. И вот он сделал шаг ей навстречу и протянул свой букет. Волнение его было столь велико, что он не мог выговорить ни слова. Она остановилась, почти с ужасом взирая на цветы, не веря ему и не смея принять его подарок. Какие-то люди — окружили их, смеясь и что-то говоря, но они не слышали их. Вдруг голоса смолкли, и толпа расступилась. Узкая рука с необыкновенно длинными пальцами протянулась к Гаспару и вырвала букет. Он повернулся, перед ним стояла женщина в меховой шубе, столь плотно облегавшей тело, что, казалось, заменяла ей кожу. Красота ее была поразительна, и тщетны были любые попытки передать ее в сравнениях. Но вместе с тем в ней заключалось что-то страшное. Она не вызывала в душе восторга или жажды обладания, она не ожидала признания и поклонения. Она подавляла и требовала рабской покорности своей власти. На лице ее скользила улыбка, то появляясь, то исчезая. Ее глаза мерцали вместе с ней, но излучали холод затянутой льдом проруби. Она заговорила низким бархатным голосом, и трудно было поверить, что этот голос принадлежит ей. «Надеюсь, никто не будет оспаривать, что я самая красивая и цветы по праву принадлежат мне?». «Да. Да. Это правда, цветы ее. Она самая красивая», — зашумела толпа.

Боль, как будто ее ударили, отразилась на лице девушки, она повернулась и хотела бежать, но Гаспар схватил ее за руку. «Умоляю вас, постойте. Я действительно должен отдать букет... Это мое пари, долг. Но вот возьмите мой цветок. За него ничего не заплачено... Он только вам... потому что для меня... Вы... одна...» Он вытащил из кармана свой белый бутон. И случилось чудо. То ли от долгого нахождения на горячей груди юноши, то ли оттого, что это была новогодняя ночь, но бутон, попав на воздух, вдруг распустился. И весь букет алых роз, чей цвет терялся в освещении ночных фонарей, не стоил одной этой белой розы. Она казалась сотканной из снежинок, пронизанной звездными лучами, рожденной из северного сияния! Девушка вколола ее в волосы, и восхищенная публика отвернулась от страшной красавицы. А та медленно пошла прочь. Движения ее были неестественно мягкими и бесшумными, как у зверя. Она словно кралась. Сворачивая за угол, она оглянулась и погрозила Гаспару букетом. Но он не видел ее. Он смотрел на белую розу и на ту, в ком она нашла второе рождение. Так они стояли друг против друга. А толпа исчезла. Невский в одно мгновение обезлюдел, и Гаспар не мог понять, куда же все делись, пока не услышал, как на башне часы пробили двенадцать. Наступил Новый год. И уж воистину им некуда было больше спешить. Они нашли друг друга.

Прошло еще двенадцать месяцев, и в канун следующего года Гаспар и Настенька, как звали его подругу, крепко обнявшись сидели перед елкой. Они снимали мансарду в большом старинном доме. Вот догорела последняя свеча и комната озарялась только углами из самовара, который был чуть ли не самым большим сокровищем их

обстановки. «Взгляни, что там?» — спросила Настенька. Из мансарды на чердак вела маленькая дверца, и оттуда сквозь щель проникал какой-то свет. Гаспар, осторожно ступая, подошел и прильнул к щели. Среди хлама, загромождавшего чердак, стояло старое кресло на трех ножках. На нем перед ярко горевшим канделябром восседала белоснежная ангорская кошка. Вокруг размещалось с десяток других кошек и котов, неподвижно глядевших на пламя свечей. Настенька тоже заглянула в щель и вскрикнула. Кошки бросились врассыпную, Гаспар толкнул дверцу и вошел на чердак. На опустевшем кресле лежал букет алых роз, тех самых, с которыми год назад он явился на Невский. Они были так же свежи. Рядом с ними находился костяной бильярдный шар. «Настенька! — сказал Гаспар. — Теперь я знаю, как называется мой час. После одиннадцати наступает час кошки».

СИЛА ЛЮБВИ

В рыцарские времена люди часто давали друг другу прозвища. Особенно это распространялось на королей. Кто не слышал о Генрихе Красивом, Людовике Великолепном, Карле Смелом!

Но вот в одной стране жил король, которому никак не могли подобрать прозвище. Стоило ему дать название, как он менялся, проявляя совершенно новые, порой противоположные качества. Начать хотя бы с того, что при восшествии на престол его прозвали Слабым. Случилось это так. В этой стране существовал такой обычай: королевы наследовали трон, а затем сами выбирали себе мужей. По рыцарским традициям созывался турнир и самого сильного королева делала своим избранником. Но в то время на престоле оказалась королева Палла. Ее называли Прекрасной, но, кроме того, она еще обладала своеобразным характером, и никто не мог угадать, как она поступит. И вот на турнире, где сильнейшие рыцари сражались за честь занять трон, королева выбрала не победителя, а самого слабого рыцаря. Звали его Рич, и, с кем бы он не пытался сражаться, его тут же вышибали из седла. Какой же скандал случился, когда Палла, сойдя с трона, надела золотой венец на его голову! Однако с королевой спорить не приходилось. Зато король Рич сразу получил кличку Слабого. И конечно же, оскорбленные вассалы отказались ему повиноваться. Они объединили силы и решили свергнуть Рича, а королеве дать супруга, которого бы они уважали, войска их окружили столицу и потребовали низложить короля. Тогда король и королева выехали за ворота, и Палла сказала, что если найдется хоть один из воинов, способный победить короля, то она согласится уступить требованиям своих подданных. И вот случилось чудо. Самые сильные рыцари сшибались со слабым королем, и ни один из них не усидел в седле. Пристыженные рыцари вынуждены были покориться. Никто не понимал, как произошло, что Рич вышел победителем из всех схваток.

— Может быть, здесь замешано колдовство?

— Да, колдовство, — ответила королева Палла, когда до нее дошли слухи о подозрениях подданных. — И имя ему — моя любовь. Она способна превратить слабого в сильного.

И короля Рича с той поры стали звать Сильным. Однажды страну постиг неурожай и голод. Люди были готовы отдать за кусок хлеба самые дорогие вещи. И вот откуда-то в королевство хлынули торговцы. Они везли хлеб, но за него брали непомерные цены, так что, когда бедствие с хлебом кончилось, жители ощутили еще худшее несчастье — зависимость и рабство. Почти половина жителей страны оказались в долгах. Власть короля Рича пошатнулась. Его подданные служили теперь не ему, а хитрым и жадным

ростовщикам. Тогда король объявил, что намерен выплатить все долги жителей своей страны, но с тем условием, чтобы торговцы покинули ее. Нехотя собрались в столицу чужеземцы. Они вовсе не хотели уходить из королевства, где им жилось столь богато и привольно. И вот они придумали хитрость. Громадные весы изготовили им кузнецы, и на одну из чашек их рабы положили каменные валуны, сверху покрытые тонким слоем золота. Довольно потирали руки торговцы, зная, что у короля не хватит сокровищ, которые смогли бы перевесить другую чашу. И правда, когда все золото королевской казны легло на весы, они даже не дрогнули.

— Ваше величество! Даже если вы сами со всей своей доблестью взойдете на весы, они вряд ли сумеют перевесить долги! — ехидно заявили торговцы.

И тут король снял корону, сошел с трона и стал на чашу весов. Они не двинулись. Рич взглянул на королеву, и она улыбнулась ему. В то же мгновение чаша весов с королем опустилась и коснулась земли. Изумленные ростовщики не верили своим глазам, а король стал сбрасывать золото с чаши. Наконец, он один остался на весах, а чаша с позолоченными камнями все еще висела в воздухе.

— Я не собираюсь торговаться. — сказал Рич. — Потому предлагаю себя за долги своих подданных. Вы видите, что весы не лгут.

Злобно зашипели торгаши. «На что нам нужен этот король без его сокровищ и страны. На нем даже нет короны. Он никто!»

— Тогда убирайтесь вон! — гневно воскликнул король. — И если хоть один останется на моей земле до завтрашнего утра, его казнят!

— Но мы не успеем собрать свое добро! — закричали торговцы.

— Вот ваше добро, которое вы положили на весы! Забирайте его с собой! — отвечал Рич. И толпа ростовщиков, боясь, что раскроется их обман и они поплатятся головами, потащили свои камни прочь от столицы.

— Сколько же вы весите, Ваше Величество? — смеясь, спросила королева.

— Столько же, сколько Ваше колдовство, — ответил король, которого тут же прозвали Тяжелым.

Прошло немного времени, и новые события обрушились на Рича и Паллу. С самой дальней окраины страны, где высились неприступные горы, ко двору прибыла леди Кора Глон. Прекрасна была королева, но невольно пришлось ей отвести глаза, когда жгучий взор новой красавицы медленно скользнул по восхищенной толпе вельмож, а затем дерзко остановился на королеве. Воистину это была опасная соперница. Ее смелые наряды, попирающие стыдливость, разжигали сердца мужчин. Она танцевала с такой страстью, словно испытывала глубочайшие чувства к каждому, кто был с ней в паре. Она могла, не зная усталости, скакать на коне с утра и до поздней ночи. Она стреляла из лука без промаха. Но самое главное, что ее окружала тайна. Никто не знал прежде о существовании замка Глон, никто не мог понять полностью очарования Коры, ослеплявшей своим богатством и свободой обращения. Никому не ведомы были дурманящие ароматы ее духов. Как видно, они кружили голову, рождая самые бесстыдные грэзы. И наконец, кто ей был нужен? Она, казалось, разом хотела всего и всех.

И вот, словно безумие вошло вместе с леди Глон. Пылкие юноши и суровые мужчины, забыв о своих прежних возлюбленных, тянулись к одной лишь Коре. Жестокие споры, дикая ревность, смертельные поединки охватили придворных. Слезы и отчаянье, страсть и гнев бесконечным шлейфом тянулись за леди Глон, а она словно не замечала ничего. Смехом, пением, танцами она звала к себе, обещая себя каждому, кто покорится ей одной. Без скипетра и короны она стала царствовать при дворе, и бедная Палла должна была делить с ней власть. Бал за балом, праздник за праздником следовали безостановочно, а леди Глон была неистощима, как и ее богатства, которые она щедро бросала на пиры и удовольствия. Время от времени она приближала к себе того или иного поклонника. Но недолгим было его счастье, и вскоре он куда-то исчезал. Обвинить Кору никто не решался, ибо новая жертва сама рвалась на смену сопернику.

Король Рич принимал участие во всех развлечениях, но никто из придворных не мог обвинить его в измене. Многие думали, что Кора заинтересована в нем, постепенно вовлекая короля в свою западню, и предупреждали Паллу. Но она не могла преодолеть своей гордости и требовать объяснений от своей подданной или просить короля остановить этот разгул.

Но однажды король не вернулся с охоты. Напрасно ждала его королева, напрасно егеря обшаривали весь лес. Ни следа не осталось от короля Рича. И злые языки тотчас переименовали его из Тяжелого в Легкого.

Недолго грустила по исчезнувшему королю леди Глон и, нарушив траур, вновь устроила пышный бал. Королева пыталась призвать своих подданных к порядку, но те отказались ей подчиниться.

— Дайте нам нового короля, Ваше Величество, и мы повинуемся! — отвечали вельможи, подученные Корой.

Но Палла наотрез отказалась. Покинув дворец, королева, чтобы не слышать шума веселья, отправилась в лес. Ночь подходила к концу, когда Палла услышала топот копыт. Кавалькада разряженных всадников с факелами в руках неслась по лесу. Это были опьяневшие гости, решившие охотой закончить пир. Но добычей им служили не звери. Они мчались вслед Коре Глон.

Вот веселая ватага рассыпалась по лесу, и лишь отдаленные голоса и смех будили тишину. Королева хотела продолжать путь, но вдруг остановилась на краю поляны, посреди которой она увидела знакомого всадника. Он напряженно взглядался в темноту, опустив догорающий факел. Кусты раздвинулись, и навстречу ему появилась верхом на коне леди Глон. Она была обнажена и лишь буйные длинные волосы спускались по ее белым плечам. Свора молчащих собак выбежала на поляну и окружила рыцаря.

Кора повелительно подняла руку, и он, тронув поводья, приблизился к ней. Как змея обвила леди рыцаря и впилась в его губы, а собаки вцепились в его лошадь. Со сдавленным печальным криком исчез всадник, а на его месте, поджав хвост, оказался новый пес. Леди пришпорила своего коня и свора собак последовала за нею. В ужасе вернулась Палла во дворец, поняв, что Кора Глон колдунья и борьба с ней бессмысленна. Она не могла опереться ни на одного из своих подданных. А вокруг нее уже зреял заговор. И вот на исходе года вновь придворные собрались во дворце и подступили к королеве с требованием выбрать нового короля.

— Нет, — ответила Палла. — Я выбираю только раз, и мой выбор вы знаете — король Рич!

— Но он изменил вам и королевству! — раздались злобные голоса.

— Может, и так, но он не изменил моей любви! — ответила Палла.

— Пора сделать новый выбор, королева! — проговорила леди Глон и приблизилась к трону.

Торжествующая усмешка кривила ее губы. С десяток заговорщиков окружили королеву и сорвали с нее корону.

— Я дарую тебе жизнь, Палла! — воскликнула, смеясь, Кора Глон. — Но только затем, чтобы ты разделила ее с моим шутом. Он остался верен тебе и потому лишился короны. Я надену ее на более достойного.

Толпа раздвинулась. Закованный в цепи, в шутовском наряде перед Паллой появился король Рич.

— Теперь вы будете вдвоем потешать меня, — заявила колдунья. Твердыми шагами она поднялась по ступенькам трона и водрузила на свою голову корону Паллы.

В то же мгновенье ее голова превратилась в страшную собачью морду. Тело съежилось и покрылось шерстью. Вместо слов из пасти ее вырвался хриплый лай. Рыцари схватились за оружие, с диким воем колдунья выпрыгнула в окно и разбилась о камни.

— Кто же смог победить колдунью, Ваше Величество? — спросил Рич Паллу.

— Не я! — ответила она. — Но моя любовь и Ваша верность! С тех пор короля Рича прозвали Верным.

ПИЦЦА

Случай занес меня в небольшую итальянскую пиццерию. Уже перед входом пара ребятишек старалась завлечь в нее проходящих мимо людей, очевидно, получая за это какую-либо награду от хозяина. Вывеска коротко обозначала название пиццерии — «У Натали». Внутри было достаточно опрятно и светло, хотя в каждом углу стояли стеклянные консоли, отражавшие явную безвкусицу хозяина, там было все — от хрустальных бокалов, графинов до курительных трубок и игрушечных карет. С потолка свисали цветы и грубо размалеванные куклы. Вероятно, добрую половину помещения занимала печь, в которой потрескивали поленья, и теплый воздух вместе с запахом пекущейся пиццы приятно щекотал ноздри. Хозяин был весьма примечателен — упитанный, с круглой физиономией, на которой, словно наклеенная, висела мушкетерская улыбка и топорщились бравые усы. Зычный голос, масляные глазки и ловкость движений, с которыми он то ставил очередную пиццу в печку, то доставал ее оттуда, довершали картину. Чувствовалось, как он гордится своей умелой работой и доволен достатком, который он так усердно афишировал. Пожалуй, более гротескную, нелепую фигуру трудно было представить. Его толщина противоречила движениям, добродушная физиономия — свирепому выражению лица, когда он обращался к работе, откровенное хвастовство явно шло вразрез с невежеством. Одним словом, его претенциозность была смешна. Однако мои поспешные умозаключения отошли в

сторону, когда я увидел еще двоих людей, работающих в пиццерии. Один — высокий, очень худой, если не сказать тощий, юноша. Бледное лицо его не уступало белизне длинного фартука и поварского колпака. Лицо было трагически печально, и длинный нос нависал над тонкими губами, словно скорбя над собственным молчанием.

Третей была молоденькая девушка, приятной наружности, с выющимися длинными волосами. Кокетливость проглядывала в каждом ее движении. Она, верно, знала себе цену, и, чувствуя на себе заинтересованные взгляды посетителей, не без оснований считала, что играет здесь главную роль. Когда хозяин окликнул ее, посыпая к очередному посетителю за заказом, я уверился в справедливости своих наблюдений. Девушку звали Натали.

Погода была ненастная, и я пробыл в пиццерии почти целый день. Посетителей было немного, и любопытный хозяин из кожи вон лез, чтобы узнать, кто я и откуда. Между тем, задавая вопросы, он почти не ожидал ответа, а сразу переводил разговор на себя. Так что вскоре я знал всю его подноготную. Выяснив, что я имею отношение к медицине, он тотчас вывалил на меня кучу жалоб, из которых основной была жалоба на кошмарные сны. Слушая и наблюдая за всей этой троицей, я вдруг пришел к очень простому заключению, — они словно повторяли сюжет из итальянской комедии масок. И если сам хозяин играл роль Арлекина, то его помощник был вылитый Пьеро, а девушка, конечно, Коломбиной. Все трое находились в неразрешимой ситуации, и никто не знал, как из нее выйти. Хозяин желал как можно скорее жениться на Натали, хотя и не испытывал к ней особой любви. Просто ее смазливость привлекала в пиццерию посетителей, если не считать его стремления побахвалиться своим достоянием. Дороговизна и обилие вещей, вероятно, включали в себя и красоту Натали. Все вокруг должно было служить славе хозяина. Бедный помощник его и соперник был влюблён в Натали и очень неловко пытался скрыть это. Ясно, что у него не было никаких шансов на успех, но в то же время он ничего не мог поделать с собой. Это раздвоенность делала его особенно неловким. Он либо на что-то натыкался и разбивал, занятый своими мыслями, либо презрительно молчал, слушая очередную ругань хозяина, либо деланно-небрежно обращался к девушке и взамен получал смех вместо ответа.

Сама Натали вела себя исключительно свободно. Очевидная зависимость от нее этих двух людей давала ей ощущение превосходства. Пожалуй, она даже больше симпатизировала своему потерявшему надежду поклоннику, чем хозяину. Однако известный расчет на материальное благополучие явно перевешивал чашу предпочтений в сторону второго персонажа. Что-то постоянно мешало им расставить все по местам. Обстоятельства то с одной, то с другой стороны мешали хозяину жениться, подручному уйти, а Натали не мучить никого своим кокетством. Забавно и грустно было смотреть на всю эту картину, когда они ругались, мирились, спорили, выясняли отношения.

Вечер наступил незаметно, и мне предложили остаться и за умеренную плату переночевать в свободных комнатах. Странный сон приснился мне ночью. Вероятно, впечатления мои сложились в какую-то канву, и я словно явился свидетелем истории, которой не было конца.

Хозяин Арлекин, желая совершить нечто особенное в честь своей помолвки с Коломбиной, поклялся испечь такую огромную пиццу, которой он накормит всю деревню. Стол будет еще полон, когда за ним не останется ни одного человека. И вот, действительно, в день помолвки Арлекин испек гигантскую пиццу, для которой едва

хватало четырех сомкнутых столов. Однако ее приготовление потребовало огромных затрат и ухищрений. Мастер частями протаскивал пиццу через печь и спирально накручивал на уже готовые куски. Веселые односельчане с аппетитом накинулись на вино и на невиданно громадную пиццу. К сожалению, конец застолья оказался не таким удачным, как предполагал Арлекин. Стол оказался пустым, и последние куски пиццы доедал Пьеро. Не было пределов ярости Арлекина и смеху его гостей. Между тем соперник хозяина поплатился за свое обжорство и умер от несварения желудка.

На следующий год вновь Арлекин стал готовить «самую большую пиццу в мире». Опять собирались гости на помолвку. Один за другим отваливались гости от сытного стола. Но опять в конце остался один, который опустошил стол и прикончил Арлекинову пиццу. Когда осоловевшие от вина гости устремили взгляд на героя, то в ужасе попятались. Это оказался Пьеро. Голод любви могла утолить лишь любовь.

Проснувшись, я спустился в гостиную. Мои расспросы подтвердили сновиденье. Да, у хозяина все предки занимались изготавлением пиццы. Да, он слышал, что кто-то из чудаковатых працедов пытался приготовить громадную пиццу, чтобы, как Христос, который накормил толпу пятью хлебами, насытить гостей одной пиццей. Да, что-то расстроило его помолвку, наверное, пришло слишком много гостей и сумели одолеть все угощение. Возможно, что тогда кто-то объелся и умер. Но это, может быть, и сказки. Я прервал его объяснение.

— Хозяин, хотели бы вы спокойно спать всю свою жизнь?

— Конечно, — ответил он.

— Оставьте в покое Натали. Вы достаточно богатый и желанный жених для любой девушки. В ваших силах разорвать ту связь, которая может привести к трагедии...

Он серьезно посмотрел на меня и задумался.

Простились мы довольно прохладно. Через год дошли до меня вести о дальнейшей судьбе этой троицы. Арлекин не сумел победить себя и, затеяв женитьбу, испек «самую большую пиццу в мире». Пьеро одолел пиццу до конца и умер. Свадьбу с Коломбиной отложили на год.

БАЛ НЕСЛУЧИВШИХСЯ ВСТРЕЧ

Б великолепном, богато украшенном королевском дворце отмечали день рождения королевы Глонды. Лучшие музыканты, певцы, поэты и художники съехались на бал, чтобы прославить свою повелительницу, которая всегда покровительствовала искусству и посвятила свою жизнь служению красоте. И разве не счастье жить в стране, где все устремлено к гармонии, и даже печаль или раздоры, потери или сражения должны вписываться в эстетические формы! Каждому вменялось в обязанность всегда и при любых обстоятельствах помнить о красоте и держать свое лицо чистым и ничем не затуманенным.

И вот отзвучали последние ноты прекрасных мелодий, посвященных королеве, последние строчки стихов, картинная галерея пополнилась новыми портретами Глонды и роскошные подарки украсили целую залу дворца.

Королева простилаась с гостями и ушла в свои покои. Любящий взгляд короля и восторженный шепот двора сопровождали ее до самых дверей. Глонда легла в постель, но не могла уснуть. Радостное возбуждение будоражило ее, как девочку, хотя она уже перешагнула четвертый десяток. Все в ее жизни складывалось удачно, и она могла чувствовать себя счастливой. Правда, у нее не было детей, но разве подданные ее не видели от нее каждодневной материнской заботы о себе и, по сути, не считали себя ее детьми? Нет, она не могла себя чувствовать в чем-то ущемленной судьбой. Внезапно странная фантазия заставила ее подняться. Она решила пройтись по спящему дворцу и взглянуть на покой своих приближенных, которые были для нее как родные люди.

Глонда, улыбаясь, вышла из спальни. Вот сейчас она встретит своего верного камергера. Высокий, стройный, всегда подтянутый воин, который давно отошел от бранных дел, но сохранил дух настоящего рыцаря. Королева неизменно читала на его лице ясность, готовность служить ей и оберегать от любых опасностей. Вот и на балу он сказал, что сам станет на часах у опочивальни Глонды, чтобы охранять ее сон.

В полумраке коридора было пусто, зато в небольшой примыкающей комнате с открытой дверью раздавалось шумное дыхание, перемежаемое храпом и всхлипываниями. Королева зажгла свечу и заглянула туда. На узеньком диванчике скорчился жалкий старик. Парадные одежды были отброшены в сторону, и жесткий корсет уже не стягивал фигуры. На лице камергера не было улыбки, там лежала печать страдания. Боль старых ран, недуги тела терзали его, но он не смел в них признаться.

Долго стояла над ним королева и вспоминала, как часто он отказывался от того, чтобы кто-то заменил его хотя бы на время. Верно, он так боялся потерять свое место. В то же время как он радовался, когда сопровождал Глонду в загородный дворец у моря! Там он чувствовал себя много лучше, словно молодость и сила возвращались к нему. Королева вернулась в покой и, написав приказ о назначении камергера главным смотрителем приморского дворца, вложила его в руки спящего.

Была еще глубокая ночь, а сон так и не шел к Глонде. Приглушенный звук трубы раздался у ворот и эхом отозвался во дворце. Верно, никто его не услышал, кроме королевы. Тишина продолжала царить в покоях. Тогда она сама спустилась к воротам. Мальчик паж с серебряным рогом в руках спрыгнул с белого коня и преклонил колено.

— Ваше Величество, в этот свой день рождения вы совершили истинно милосердный поступок, и мой господин Белый король приглашает Вас на бал неслучившихся встреч. Там вы можете встретить тех, кто близок Вашей душе, но чьи пути не пересеклись с вашими!

— Когда же будет бал? — спросила королева. — И как добраться до владений Белого короля?

— Он происходит в эту ночь, и вам достаточно сесть на этого коня, чтобы очутиться тотчас на празднике, — ответил мальчик.

И все произошло в одну минуту, как он и сказал. Глонда оказалась на чудесном балу. В хрустальном дворце, озаренном светом звезд, танцевали разряженные пары, и волшебная музыка позволяла им почти не касаться земли. В буквальном смысле слова они парили над землей, и аромат незнакомых цветов дурманил головы.

— Выберите себе возраст, в котором бы Вы хотели встретить того, кому судьба помешала с Вами встретиться, хотя его душа близка Вашей, — посоветовал паж.

— Семнадцать лет, — шепнула королева.

И вот она уже закружилась с юным кавалером, которого тотчас угадала в толпе гостей. Да, это было настояще волшебство. Глонда не знала его имени, но он читал в ее сердце, и она чувствовала его одним существом с собой. Никогда еще она не испытывала такой любви и радости, как в этом танце, никогда она еще не была так по-настоящему счастлива. Но кончилась ночь, и они расстались. В смутных раздумьях королева вернулась домой. С грустью взглянула она в зеркало и, представив, что ее кавалер, возможно, вернулся в свой возраст с не меньшим разочарованием, подавила тяжелый вздох.

И прошел год. Снова королева не спала в день рождения. Обходя спящий дворец, Глонда столкнулась с нищими, которые вместе с бродячими собаками рылись в помойке.

— Отчего вы не приходите днем? — спросила королева. — Разве я хоть кому-то отказывала в помощи?

— Нам не разрешают даже близко появляться у дворца, так как своей бедной одеждой мы нарушаем правила этикета — соблюдать во всем красоту! — ответили нищие. И, сдерживая слезы, королева вынесла им свои драгоценности, чтобы они могли жить, не прося подаяния и не посещая помойки.

И снова появился мальчик паж и отвел ее на бал неслучившихся встреч. На этот раз Глонда решила остаться в своем возрасте. Однако кавалером ее стал опять юноша. Он был прекрасен, и королева не уставала любоваться им. Он читал ей стихи, пел песни и ей казалось, что роднее его она никого не встречала в своей жизни. И, странно, Глонду нисколько не смущала разница в возрасте. И лишь когда закончился бал, она получила этому объяснение.

— Это был ваш сын! — сказал паж. — Вернее, его душе предназначалось прийти в мир через вас!

И этот праздник оставил глубокий след в ее сердце, и королева не знала, чего больше — радости или печали — получила она на балу.

И снова наступил очередной день рождения королевы. Опять отправилась она по спящему дворцу. Среди ночной тишины услышала она почти беззвучные рыдания. В комнате своей любимой фрейлины, резвой хохотушки и насмешницы, она обнаружила ее, залитую слезами. Возле спящей лежал в колыбели младенец, и даже полумрак не мог скрыть, что он, как две капли воды, был похож на короля. Ребенок горел в лихорадке, и у него не было даже сил, чтобы громко плакать. Мать скрывала его ото всех и в первую очередь от своей королевы, и теперь, видимо, выбилась из сил. Тяжелый сон одолел ее на несколько мгновений.

Острая боль обиды, ревности, негодования пронзила королеву. Не она ли пожертвовала для короля своей молодостью, красотой, наконец, даже судьбой! Ведь она могла дождаться своего истинного возлюбленного, который был на балу неслучившихся встреч! У нее мог быть свой сын! Слезы душили ее, но что-то заставило ее пойти в

королевский тайник. Там было фамильное лекарство, принимаемое в самых крайних случаях и только членами семьи. Теперь лекарства оставалась всего одна ложка. Чувствуя, как сердце ее буквально разрывается, бедная королева могла принять это снадобье сама, но она поступила иначе. Она отнесла лекарство ребенку, а сама вновь оказалась на балу неслучившихся встреч. Опять, как и в первый раз, она приняла возраст своей юности. Она так желала увидеть еще раз того, кто был предназначен ей и с кем танцевала она на первом балу. Но вместо него к ней подошел другой молодой человек. Он казался таким знакомым ей, но она не могла разглядеть его лица. Он словно прятался от нее, и она то тянулась к нему, то отталкивала. Боль и радость, надежда и отчаяние рождались поочередно в ее душе, и опыт страдания делал ее мудрее и совершенней. И когда кончился бал, королева проследила за своим кавалером. Он сел на коня, и его истинный возраст и лицо вернулись к нему. Это был ее собственный супруг.

Недоумевая, Глонда обратилась к пажу за объяснениями.

— Почему на балу неслучившихся встреч оказался король? Разве их встреча могла относиться к неслучившимся?

— Увы, — ответил мальчик. — Истинная встреча всегда происходит в истинной любви, иначе никто не может разглядеть другого.

— А как же те люди, что должны были, но не встретились со мной в этой жизни? — снова спросила королева. — Судьба ведь предназначала им быть моими?

— Нет, — сказал паж. — В мире нет своих или чужих людей. Мы все едины в свете любви. И только она открывает нам глаза сердца, чтобы сделать любую встречу истинной.

БАБОЧКИ

Любой король мира всегда хочет быть чем-нибудь прославлен. Одни используют свои достоинства, другие — красоту своих жен, третьи — храбрость своих воинов. Но вот некогда жил король Денир, которого прославил его шут. Шут обладал удивительным талантом перевоплощения. Десятки, сотни образов создавал он, на лице рождались тысячи выражений, а тело принимало самые гротескные позы, но даже самые наблюдательные, не могли сказать, что он представляет из себя на самом деле. Одни были убеждены, что он горбатый калека, другие считали его колченогим уродом, третьи — трясущимся карликом, четвертые — длинноногим идиотом, но в одном все сходились, что ловкость его и искусство жестов превосходят все мыслимые способности. Кроме того, шут мог в точности подражать любому голосу, будьте человеческий или звериный. О, сколько раз этот негодяй издевался над придворными во время балов, зовя их голосом известных красавиц или знатных особ. И, когда, сломя голову, обманутые шутом, люди прибегали, то натыкались на удивление последних или издевательский смех. Вероятно, и в королевских покоях шут изображал многих царедворцев самым неприглядным образом, ибо чем объяснить, что король едва сдерживался от смеха, встречая их у порога и украдкой поглядывая на деланно равнодушного уродца. Возможно, интриги советников давно бы прекратили нелепые и опасные игры королевского дурака, но, во-первых, владыка благоволил к нему, во-вторых, шут мог изменить любую гнетущую атмосферу во дворце, превратив ее в легкую и веселую, а, в-третьих, у шута были «ключики» даже к самым беспощадным из своих недругов. Он мог заставить их потешаться, изображая слабость их противников.

А кто не хотел бы воспользоваться такой услугой, даже если догадывается, что его враги прибегают к тому же способу, чтобы посмеяться над ним самим? Одним словом, польза от шута была более ощутима, нежели вред. Шут был непревзойденным мастером лицедейства. Вот только одного не могли от него добиться, — чтобы он изобразил себя!

Меж тем шло время. Шут offered королю услугу, которая спасла его жизнь. Как-то враги составили заговор, чтобы убить короля. В глухую ночную пору они пробирались к покоям владыки. Внезапно они услышали его голос и увидели фигуру короля, прыгающего из окна в сад. Заговорщики кинулись в погоню. Почти целую ночь они мчались по пятам. А потом он вдруг исчез. Навстречу им вышел шут и, рыдая, сообщил, что король упал с обрыва в реку и утонул. Заговорщики повернули ко дворцу. На середине пути их встретил сам король во главе отряда верных рыцарей. Только тогда они поняли, что шут обвел их вокруг пальца. Однако, наградив шута, владыку тут же запретил ему изображать себя под страхом казни. Верно, какие-то смутные подозрения шевельнулись в душе короля. В самом деле, если шут так ловко может сыграть роль короля, то не осмелится ли кто ошибиться и подумать об обратном — о владыке, выступающем в роли шута?

Итак, вынужденные сравнения посеяли немилость к шуту. Весь двор заметил это, однако сам виновник, казалось, нимало не смущался. Помимо развлечения двора, где вся жизнь крутилась вокруг его шуток, он любил дворцовый сад и еще больше бабочек и мотыльков, обитавших в нем. Забавно: стоило ему появиться на дорожке, десятки и сотни бабочек самых фантастических расцветок спешили к нему и садились на его колпак, спину, руки так, что он превращался в многоцветный ковер. Это фантастическое зрелище как-то особенно поразило принцессу Дею. Она как раз приехала ко двору Денира, чтобы познакомиться с его сыном, принцем Филиппом, и в скором времени выйти за него замуж. Итак, принцесса, забыв, что ее ждет королевская семья, стояла в саду и глядела на шута, облепленного бабочками. А шут, в свою очередь, забыв, что нужно что-то изображать, предстал перед нею в каком-то чудесном виде. Позднее, извиняясь за задержку, принцесса Дея призналась, что приняла шута за принца. Можно только представить, какие чувства эта ошибка вызвала у наследника престола.

А события меж тем развивались вовсе не так, как им следовало. Принц спешил со свадьбой, но у Деи вдруг появились десятки предлогов, чтобы откладывать и откладывать ее дату. И не надо было обладать догадливостью, чтобы заметить, что принцесса тяготится вниманием жениха, зато общество шута привлекает ее все больше и больше. Самое удивительное, что обычно отзывчивый на любой интерес к себе, шут вдруг стал проявлять строптивость. Трудно представить себе, чтобы он боялся ревности принца, но он непозволительно грубо отказывался забавлять принцессу и порой убегал от нее, даже не спросив на то соизволения. Дея приходила в дурное расположение и вымешала свое недовольство на Филиппе. Тот жаловался королю, и весь двор приходил в раздражение.

И вот однажды шут сбежал. Наверное, никогда не возникало в стране такого переполоха. Ужасно, но вслед за шутом пропала принцесса. Служанки сказали, что она отправилась на розыски шута. Погоня скоро обнаружила шута в дальнем лесу. Он сидел у маленькой хижины и, как обычно, забавлялся бабочками, рядом паслась лошадь принцессы, а она сама спала на лужайке среди цветов.

Оба — и Дея, и шут — были доставлены ко двору, причем шута заковали в цепи. Оправдания принцессы казались правдоподобны. Она действительно увлеклась шутом, так как он предстал перед ней в образе принца. В конце концов, проказник даже переиграл наследника престола, подав его черты еще более выразительными. Самолюбие Филиппа и королевской семьи было удовлетворено, однако шут требовал наказания. Он и получил его сполна, ибо был приговорен к смертной казни. Злые языки утверждали, что на этом решении настаивала сама принцесса.

И вот наступило утро, когда шугу должны были отрубить голову. Из-за гор вставала заря, и зловещий отблеск солнца отражался на широком лезвии меча, который держал палач.

— Есть ли у тебя последнее желание? — спросил король шута. Тот улыбнулся:

— Нет! Я полностью счастлив! — в самом деле, кажется, впервые он никого не изображал и стал самим собой. Стройный и прекрасный юноша с лучистыми солнечными глазами. Ни малейшая тень не омрачала его лица, и бабочки со всех сторон летели к нему вместе с удивленными и восхищенными взорами собравшейся толпы.

— Начинай! — крикнул принц палачу. Шут оглянулся и прощально кивнул Дея. Она внезапно вскочила и бросилась к нему. Еще мгновение — и она встала на колени рядом с шутом, положив голову на плаху.

Принц пришел в дикую ярость.

— Измена! Руби обоих! — крикнул он. Палач хотел взмахнуть мечом, но не смог. Бабочки уселись на орудие казни, и ему не удавалось даже шевельнуть им.

— Руби! — снова закричал принц. На этот раз палачу удалось замахнуться. Но его жертвы внезапно исчезли. Шут и принцесса вдруг сами превратились в двух огромных бабочек — одну бирюзовую, другую перламутровую. Они полетели над садом и вслед им словно поднялись в воздух цветы. Тысячи мотыльков радужным эскортом последовали за ними, и этот небесный сад все удалялся и удалялся от дворца, пока не скрылся вдали.

ЗАМОК НА ОЗЕРЕ

Мог ли представить себе юный поэт Ирроль, что ожидает его, когда собрался в путь?! Устав жить одними фантазиями, он решил накинуть на плечи плащ пилигрима и испытать судьбу странника.

Дорога обещала ему встречи, новые впечатления, и он бодро шагал, забывая об усталости. Однако вскоре непогода и тяготы пути стали остужать его пыл. Близилась зима, сапоги его стоптались, холод все чаще забирался под одежду и желудку доставали больше грезы о сытном обеде. С тайной грустью Ирроль вспоминал о своем тихом доме, который остался далеко позади.

Ожидания обманули его, он чувствовал, что у всех встречающихся им людей есть свои дела и заботы, и он никому не нужен. Стихи и песни не принесли ему ни славы, ни друзей. Лишь жалкие медяки да бесплатный ночлег в придорожных тавернах мог заработать он своим талантом. Но Ирроль продолжал свой путь, очарованный

пустынными холмами, дикой красотой скал, простором неба и звуком своих собственных шагов. Это постоянное движение вовлекало его в какой-то чудесный ритм. Двигались облака, солнце, звезды...

Весь мир куда-то безостановочно шел, и вместе с ним шел Ирроль.

Однажды, поднявшись на гряду высоких холмов, он увидел внизу долину. Крутые склоны покрывала еще зеленая трава, среди которой желтыми и красными островками высились старые деревья. На дне долины овальным зеркалом располагалось озеро, посреди которого на острове стоял небольшой белый замок. Ветер сдувал к берегам только что выпавший снег. Последние поздние цветы вместе с алыми бусинками на кустах барбариса казались драгоценными камнями на белой мантии, окутывающей замок. Вот солнечные лучи пробились сквозь низкие облака и осветили долину. Она словно вспыхнула и приблизилась к путнику. Причудливая архитектура, вдруг слившись с пространством, превратилась из резной шкатулки в фигуру женщины. Затянутая в корсет, с широким белым кринолином, она, подобрав подол платья и слегка откинув гордую голову, двинулась среди серебряных волн озера. И тотчас вся долина запела голосом ветра, шорохом листьев и травы, плеском вод и гомоном птиц, населяющих замок! Но через мгновение солнце спряталось — и чудо исчезло. Перед глазами — печальная картина первых зимних дней, заброшенного замка с высокой башней посередине и тусклой гладью холодного озера... Наступал вечер, и Ирроль спустился в долину.

Узкий подъемный мост от острова был перекинут к берегу, но ворота замка были заперты. На запорошенной снегом дороге виднелись одинокие следы человеческих ног и по сторонам — круглые ямки. Кто-то на костылях обходил замок кругом. Ирроль прошел несколько шагов по следу и увидел в сумерках фигуру, уходящую от него. «Видно, какой-то нищий вроде меня, — подумал юноша. — Если не впустят в замок, то хоть веселее будет коротать ночь».

Он вернулся к воротам, настроил лютнию и, тронув струны, запел. Среди стихнувшей природы голос его звучал сиротливо, однако эхо в сочетании с общим настроением, окружающим замок, создавало особую грустную гармонию, не лишенную красоты и вдохновения. Когда он допел, он почувствовал, как чья-то рука прикоснулась к его плечу. Он обернулся. Укутанная в белый плащ, с монашеским капюшоном на голове, перед ним стояла девушка-калека, опираясь на костили. Она улыбнулась ему.

— Ты неплохо играл, мой мальчик, — молвила она. — Но пора и отдохнуть. Не согласишься ли ты принять мое приглашение и войти в замок?

Ирроль не мог прийти в себя от изумления. Его называет мальчиком бродяжка, которая наверняка моложе его, и затем приглашает его войти в замок! Шутка нищей? Нет, она не шутила.

Хлопнув в ладоши, она направилась к воротам. Заскрипели старые петли, и створки медленно отворились им навстречу. Молчаливая стражи склонила головы перед ними, и они вошли в замок.

Ирроль очутился в роскошно убранной комнате, его странная спутница скрылась во мраке бесконечных зал и галерей. Долго он ждал в одиночестве, разглядывая причудливый интерьер, где изысканность восточной фантазии сочеталась с красотой и ясностью западной мысли. Индийские курильницы, китайские вазы, арабские

светильники заполняли ниши перед огромным камином, сложенным из кирпича и облицованным грубыми камнями. Наконец послышались легкие шаги, и в комнату вошла юная девушка. Ее внешность вначале лишь останавливалась взглядом какой-то сосредоточенной замкнутостью. Затем она начинала раскрываться: легкий поворот головы, задумчивость, тонкий гармоничный профиль, как рисунок в воздухе, оставшийся от быстрого полета ласточки. И вот неуловимая красота, наконец, зачаровывала зрителя. Она то появлялась, то исчезала, и эта игра не была нарочитым кокетством. Так море играет с детьми, то притягивая в свои глубины, где неисчислимые сокровища ждут их, то отбрасывая прочь на берег. Конечно же, это была хозяйка замка, и звали ее леди Астор.

— В этом замке перебывало достаточно рыцарей и трубадуров, вельмож и шутов, — сказала она. — Я устала от тех, кто искал власти надо мной, как и от других, кто мог лишь служить. Мне нужен друг, которому ничего не надо от меня, но который готов сопутствовать мне в моих фантазиях и чувствах. Готов ли ты попробовать себя в этой роли?

Ирроль растерянно улыбнулся и кивнул. Она внимательно взглянула на него.

— Пожалуй, из тебя выйдет паж. Подойди к зеркалу.

Он подчинился. Леди достала краски и кисти. Прямо на зеркале она стала рисовать его отражение. Вскоре на стекле возникло изображение Ирроля в виде подростка с золотистыми кудрями в голубом бархатном камзоле, берете со страусиным пером. Короткая золоченая шпага венчала этот наряд. Леди Астор оценивающе взглянула на портрет и прикоснулась рукой ко лбу Ирроля. Серебряное кольцо с крупным изумрудом слегка укололо его кожу, и в то же мгновение он превратился в юного пажа, изображенного на зеркале.

— Наверное, ты устал, — молвила леди, — но я хочу попросить тебя постеречь мой сон. Возможно, никто не потревожит тебя, и ты сумеешь отдохнуть, но если появятся гости и захотят видеть меня — не пускай их. Я не хочу, чтобы меня будили и тем более видели спящей.

Она отправилась в свои покои, а Ирроль устроился перед дверьми в глубоком кресле, с трудом осознавая, что попал к волшебнице, и не представляя, чем это закончится. Среди ночи холодный ветер ворвался в комнату из внезапно распахнувшейся двери. Вместе с ним вошел высокий рыцарь в запыленном плаще.

— Что ты здесь делаешь, мальчишка? — обратился он к Ирролю. — Жду вас, добрый рыцарь, — ответил паж.

— Ну вот, я пришел, и что дальше? — удивленно промолвил рыцарь.

— Дальше вам придется подождать утра вместе со мной, если вы желаете видеть леди Астор.

— Как ты смеешь так говорить со мной, щенок? Леди Астор — моя жена, и не хочешь ли ты убедить меня, что я уже не хозяин в своем доме?! — завопил рыцарь и выхватил меч.

«Если он нанесет удар, то убьет не меня, а лишь нарисованного пажа», — успел подумать Ирроль и вытащил свою короткую шпагу.

Рыцарь оказался неуклюжим, а меч его был слишком тяжел для быстрых ударов. Паж легко уворачивался от них и пытался рассчитать, кто скорее утомится, пока проснется от шума леди Астор. Первым выдохся рыцарь.

— Ладно, я погорячился, мы не будем будить леди, но я только взгляну на нее, чтобы увериться, что она здесь, а не где-нибудь еще.

— Нет! — сказал паж.

— Я понимаю, ты хороший слуга, но я тебе дам кошель с золотом, и никто не узнает об этом.

— Нет! — твердо ответил паж, заметив, что рыцарь без его позволения не смеет отворить двери в покой леди.

— Ты должен понять меня, — продолжал упрашивать рыцарь. — Год назад я женился на леди Астор. Не знаю, что за блажь возникла в ее голове, но она захотела странствовать. Я отказался, тогда она сбежала от меня. Вот уже год я гоняюсь за ней не зная покоя. Она неуловима. Ее захватывали разбойники, она вырывалась от них. Она садилась на корабль, и судно разбивало шторм. Никто не спасался, лишь она одна. Своими глазами я видел в последний раз, как ее карета полетела в обрыв. Оплакав ее, я возвращаюсь домой, и по дороге решаю заехать в ее замок, чтобы оповестить о ее смерти. И что же? Слуги сообщают мне, что их госпожа, отправившись странствовать, на следующий же день вернулась обратно, и весь этот год не покидала замка. Согласись, что я имею право убедиться, в своем ли я уме? Жива леди Астор или меня водит за нос нечистая сила!

— Нет, — ответил паж.

— А если это некто, выдающий себя за леди Астор?

— Нет!

— Что ж, я подожду до утра, но берегись, мальчишка. Когда я узнаю правду, то тебя повесят на воротах замка, и ты будешь видеть, как сжигают твою госпожу за колдовство.

Он вышел, но паж не успел передохнуть и обдумат свои впечатления. Вновь двери распахнулись. В залу вошла дама в дорожном плаще с глубоким капюшоном на голове. Это был двойник леди Астор. Если бы она не обратилась к Ирролю, он решил бы, что это его госпожа вышла из покоеv другим путем и теперь возвращается.

— Мне нужно видеть леди Астор! — сказала она.

— Подойдите к зеркалу, — ответил паж. Она улыбнулась и, подойдя ближе, положила руки ему на плечи. Но он не почувствовал ее прикосновения.

— Ты видишь, я могу не спрашивать твоего разрешения! — молвила женщина. — Нет! — ответил паж. — Ты должна спросить разрешения у того, кто был

прежде тебя. Это муж леди Астор, и он опередил тебя.

Лицо женщины испуганно искривилось. Она не стала продолжать уговаривать пажа и исчезла. И снова ей на смену явилась новая гостья. Величавы и надменны были ее движения. Роскошный наряд из парчи и бархата оказался под ее темно-серым плащом.

— Доложи леди Астор, что я хочу ее немедленно видеть! — сказала она, посмотрев прямо в глаза пажу.

— Нет, — ответил паж.

— Ты, вероятно, слеп или безумен, мальчишка, — сказала женщина. — Перед тобой королева, и никто еще в этой стране не осмеливался сказать мне «нет».

— Я сказал «нет» не Вам, но Вашему желанию! — промолвил паж.

— Хорошо ли ты подумал? Если я сейчас уйду, завтра этот замок сравняют с землей вместе со всеми его обитателями без исключения.

— Нет! — ответил паж.

— Да, я вижу, что попала в волчье логово, и потому ухожу. Но передай своей госпоже, что первой дамой в королевстве всегда останется королева и у нее никогда не будет соперниц.

Она ушла, и вскоре наступило утро. Леди Астор вышла из покоев.

— Кажется, впервые за много лет я хорошо выспалась. Спасибо тебе, паж! Надеюсь, ночь была для тебя не слишком тяжелой?

Ирроль рассказал ей все, что приключилось. Леди рассмеялась.

— Ты хорошо справился со своими обязанностями. Теперь мой черед послужить тебе. Чего бы ты хотел?

Ирроль с детства любил звуки охотничьих рогов и собачьи своры, но никогда в жизни не принимал участия в охоте.

— Я бы хотел посмотреть охоту, — сказал он.

— А ты можешь и поучаствовать в ней! — сказала леди.

Радость Ирроля, однако, сменил страх, когда волшебница превратила его и себя в пару матерых волков. Долго неслись они за красавцем оленем, пока он не остановился у обрыва над холодной рекой и не встретил их рогами. Долго длилась схватка, наконец, олень повернулся и кинулся с обрыва. Прыжок казался невероятным, он преодолел почти четверть расстояния от одного берега до другого, попал в глубокое место, и через мгновение его гордая голова устремилась к сущему. Повторить этот прыжок волки не решились и, поджав хвосты, повернули прочь. Однако возвращение их оказалось неудачным. На их след напали собаки, и теперь они превратились из охотников в добычу. Ирроль пережил дикий ужас, когда изо всех сил мчался вслед за своей подругой, а сзади неслись, настигая их, своры собак. Волки повернули к лесу, где

глубокий снег давал им возможность снизить темп гонки. Несколько раз их нагоняли, и они, прижавшись спинами друг к другу, отбивались от наседавших собак.

Исполосованные острыми зубами, в полном изнеможении они, наконец, достигли замка. Искусство волшебницы вернуло их в прежний вид.

— Ну, что ты скажешь об охоте? — спросила леди.

— Клянусь, никогда в жизни я больше не стану и помышлять о ней, — ответил паж.

Наступила ночь, и паж опять встал на стражу. Приходили люди, гномы, нищие, рыцари. И опять неведомая власть Ирроля не давала им пройти и нарушить сон леди Астор. Постепенно Ирроль стал постигать фантастическую жизнь волшебницы и принимать в ней участие.

Рожденная калекой, она научилась мечтать и верить в свои мечты.

Однажды нечаянная встреча с друидами одарила ее способностью к волшебству. Великий талант художника воплотился в ней с такой силой, что нарисованные ею картины становились жизнью. Ее вера наделяла их способностью быть не только бездушной декорацией, но иметь собственное существование. Первой, на кого она направила свое искусство, была она сама. Зная власть красоты, она изобразила себя красавицей и вошла в этот образ, как надевают платье.

Все радости и печали этой власти изведала она, и едва ли не большее счастье давало ей возвращение к первоначальному своему виду. Девочка-калека, попавшаяся навстречу Ирролю у замка, и была все той же леди Астор. Потом она научилась распространять свое искусство на других. Устав от нескончаемого потока поклонников, она отдала свою руку одному из лордов, надеясь найти покой в семейной жизни. Однако условности, принятые в обществе, и требования мужа претили ей. Она была наделена слишком богатой душой, чтобы быть счастливой в своей ограниченной жизни. Тогда леди нарисовала своего двойника и, вдохнув в него жизнь, отправила его странствовать. Вслед за ним и по-

гнался славный лорд, предоставив ей возможность жить так, как ей вздумается. И ей вздумалось играть в жизни по-своему. Она перешла дорогу королеве, затмив ее своими нарядами и красотой. На турнирах неизменно побеждали рыцари, провозглашавшие ее Дамой своего сердца. Наконец, сам король признал в ней первую красавицу королевства. Она же, насладившись победой, отбрасывала ее прочь, как надоевшую игрушку.

Новые темы волновали душу художницы. Она насаждала пустынные холмы целыми рощами деревьев, она рисовала легконогих животных, и охотники носились за ними до изнеможения, не в силах поймать их. Их стрелы и копья оказывались бессильны. Зубы собак хватали пустоту вместо живой плоти. Она раздавала беднякам нарисованные богатства, которые представляли угрозу королевской казне. Вскоре источник всей этой путаницы и тревог стал известен. Ее боялись и готовили расправу, хотя никому она не причиняла зла. Наконец, вняв призыву врагов, войско рыцарей двинулось к замку. Им навстречу выступило столь же многочисленное воинство. Понадобилось время, чтобы королевская рать поняла, что перед ними лишь бесплотные видения, а не настоящие рыцари. В конце концов замок леди Астор был осажден. Ирроль с грустью предчувствовал конец и готовился дорого продать жизнь. Он знал, что в любой момент

они могут ускользнуть от врагов, превратившись в птиц или приняв иной образ. Но леди не хотела покидать замок, и он не знал, что за новая фантазия владеет ею. Накануне готовящегося приступа он пришел к леди Астор. Она улыбнулась ему.

— Я ждала тебя, мой паж! Пора нам проститься!

— Почему? — спросил Ирроль, глотая слезы.

— Я не могу сказать это ни тебе, ни самой себе. Я просто знаю, что пришло мое время. Я жила одной верой в то, что я живу. Но, встретив тебя, я поняла, что этого недостаточно. Моя игра потеряла интерес и смысл. Среди своих фантазий я потеряла саму жизнь. Когда ты пришел в замок, я уже не смогла жить только для себя. Ты был хорошим другом, и ты был моим ребенком. Я любила тебя, прощай! Запомни, что завтра ты обретешь свободу, и да помогут тебе мои крылья!

И на следующий день леди Астор сама опустила подъемный мост навстречу осаждавшим. Ирроль был схвачен и привязан к воротам замка, как и обещал суровый рыцарь, муж леди Астор. Пламя костра, на который возвели леди Астор, ослепил глаза Ирроля. Сама же леди улыбалась ему и кивала. Не в силах вынести это, паж рванулся изо всех сил и порвал веревки. Крылья внезапно появились за его плечами, и он метнулся к костру. Навстречу ему вырвалась леди Астор, и они стали подниматься над Изумленной онемевшей толпой.

Все выше и выше летели они, держась за руки. Наконец, она тихо высвободила свою руку.

— Тебе пора возвращаться, а мне лететь еще долго.

Он хотел последовать за ней, но силы его подходили к концу. Он не мог подниматься выше. Леди Астор стала удаляться, пока не превратилась в точку, которая растворилась в солнечных лучах.

Он потерял сознание...

С удивлением Ирроль вновь обнаружил себя у замка. Высокий рыцарь с седыми волосами и бородой тряс его за плечо.

— Наконец-то ты вернулся. Где ты так долго пропадал? Видит небо, я не перестану раскаиваться в том, что посвятил тебя в оруженосцы. Дела призывают меня ко двору государя, и тебе надлежит остаться при моей дочери. Служи ей, пока меня не будет, и помни — от тебя зависит, чтобы ты стал рыцарем!

Вне себя от удивления, двинулся Ирроль к воротам знакомого замка. Была весна, и бесчисленные россыпи цветов струили нежнейшие ароматы. Навстречу ему, танцуя, выскользнула девушка с лицом цветка и глазами оленя. И снова ему пришлось пережить кусок короткой, но яркой жизни, скорее похожей на сновидение.

Девушку звали Элейн и она была единственной дочерью старого крестоносца. К великому огорчению отца и окружающих людей, девушка с детских лет проявляла странности, которые заставляли предполагать в ней безумие. Она постоянно искала какого-то принца, который то ли пригрезился ей во сне, то ли однажды случайно повстречался на пути. Природа одарила Элейн удивительной способностью к танцам.

Чуть ли не круглый день звучала в замке музыка, и девушка, меняя наряды, танцевала. Во всех комнатах были расставлены многочисленные зеркала, отражавшие ее, и всегда казалось, что замок наполнен танцующими людьми. Прихоти хозяйки разделяли интерьеры: стены замка украшали рисунки и гобелены с изображениями праздников и танцев.

— Не ты ли мой принц? — первое, что спросила Элейн у Ирроля, встретив его. Он молчал, и она улыбнулась ему.

— Благодарю, что не говоришь мне «нет», как делают обычно все, кто меня окружает. Нельзя отбирать чужую надежду, если ты ее не знаешь.

Через несколько дней в замке ожидался праздник, который решили отметить маскарадом. Съезжались музыканты, артисты, гости.

Элейн не знала ни минуты покоя, и Ирроль с тревогой замечал, что волнение, которое было для девушки опасно, нарастает с каждым часом. Она уже не спала по ночам, а лишь бродила по залам, играя со своей тенью. Как странно, Элейн ни разу не предложила Ирролю станцевать с ней, а обычно любой человек, появляющийся в замке, должен был пройти через это испытание. И оруженосец с канделябром в руке безмолвно сопровождал свою госпожу в ееочных бдениях.

Наконец наступил праздник. Бесчисленные маски и костюмы заполонили замок, и Элейн затерялась среди них. Веселье разгоралось от обилия роскошных столов с угощениями, крепких вин и забав десятка приглашенных шутов, которые кривлялись, ходили на руках и смешили гостей.

Ирроль не мог разделить это праздничное настроение толпы. Тайный страх за Элейн мучил его, и он все пытался найти ее среди десятка других танцующих масок. Внезапно двое шутов позволили себе самую дерзкую выходку. Один изображал хозяйку замка, другой — кавалера.

— Где мой принц? — возопил первый, заламывая руки.

— Я — здесь! Я — здесь! Я жду тебя. Я твой принц! — отвечал второй, ползая по полу и изображая собаку.

Столпившиеся гости хохотали, когда Ирроль ворвался в круг и несколькими ударами расшвырял нечестивцев. Один из рыцарей, переодетый турком, схватил оруженосца за руку.

— Это мои рабы, и ты не смел трогать их!

— Да, пока они не задели честь хозяйки.

— Шут имеет право на все, что вызывает смех! — заявил рыцарь, — И ты завтра же ответишь мне за свою поспешность.

Толпа внезапно расступилась. Элейн, сняв плащ, растерянно вошла в круг.

— Где мой принц? — обратилась она к людям. — Где? Я слышала, что кто-то нашел его.

Гости отворачивались и молчали.

— Не ты ли мой принц? — опять, как в первый раз, обратилась она к оруженосцу.

Не в силах выдержать ее страдающий взгляд, он кивнул.

— Музыку! — крикнула Элейн, и они закружились в каком-то фантастическом танце. И лишь рассвет остановил их. Элейн поцеловала Ирроля.

— Ты танцуешь почти так же, как он, — сказала она.

— Кто он? — спросил Ирроль.

— Мой принц, — отвечала Элейн с блуждающей улыбкой.

А утром его ждал поединок. С тяжелым чувством он ехал к месту ристалища, где рыцари обычно копьем и мечом решали свои споры. Он еще не имел опыта боя, и противник его не имел права вызывать его. Но поскольку он молчал, схватка должна была состояться. Если бы он заговорил первый, его сочли бы трусом. Каково же было изумление Ирроля, когда он увидел слуг своего противника, которые несли ему навстречу своего бездыханного господина.

— Ты еще раз хочешь насладиться своей победой? — промолвил угрюмо один из сопровождавших.

Осторожно расспросив людей, Ирроль понял, что кто-то в доспехах, назвавшись его именем, опередил его и, явившись на поединок раньше, сразил врага.

Это было маленьким чудом, но рядом с Элейн это происходило часто. Одно ее присутствие приносило людям удачу и счастье. Ирроль с удивлением узнал, что многие крестьяне из окрестных сел специально привозили больных, чтобы леди Элейн коснулась их и они выздоровели. Иные всячески завлекали ее в свои жилища, чтобы ее приход повлиял на немилосердную судьбу. Верно, не зря боялся за дочь старый крестоносец, поручая Ирролю хранить ее. За ней охотились колдуны и цыгане, веря в то, что ее присутствие поможет открыть сокровища. Однажды Элейн все-таки похитили, и Ирроль с трудом отбил ее у шайки разбойников. Опять были маскарады, и по-прежнему она искала принца и снова и снова страдала, что не может найти его. Много раз порывался Ирроль разубедить ее, но лишь встретив ее взгляд, умолкал. «Нет, она не безумна, — думал он. — С такой уверенностью она ищет его и ждет. И раз в жизни она танцевала с ним. Ведь именно в танце она почувствовала его присутствие и в танце пытается снова найти его».

Но не только танцами ограничивалась Элейн. В ненастье, в бурную непогоду, велела она седлать коня и носилась по бездорожью, взывая к неведомому принцу. И однажды безумие ее передалось Ирролю. В невиданную дотоле грозу, когда разъяренные молнии полосовали небо, оруженосец гнал коня, разыскивая Элейн. Наконец, среди раскатов грома, он услышал ее зов.

— Принц! Принц! Где ты?

— Я здесь! — закричал Ирроль, бросаясь ей навстречу. Они встретились и, взявшись за руки, поскакали рядом.

— Наконец-то ты признался. Я так боялась, что никогда не найду тебя. Теперь пора покинуть этот край. Мы едем в твои владения, — торопливо говорила она.

Еще мгновение, и их кони застыли над краем обрыва. Элейн повернула к нему лицо, озаренное счастьем.

— Вперед, мой принц. Да светит нам надежда!

Она стегнула коня, и он с диким ржанием рванулся в бездну. Ирроль не смог последовать за ней. В последний момент ему показалось, что рядом с Элейн, с другого бока, оказался всадник в золотых доспехах и, схватив под уздцы коня девушки, взмыл к разверзшимся тучам.

Страшный удар грома сопроводил их порыв. Не помня себя, не веря своим глазам, оруженосец спустился с обрыва, ожидая найти у подножья тело безумной. Ни коня, ни Элейн он не нашел и повернулся к замку. Мучительное чувство переполняло его. Элейн нашла Принца, но кто он был? Неужели я, или любой, кто признал себя в этом образе?

На склоне холма, у дороги, он встретил старого крестоносца. Ни слова не спросил о дочери владелец замка, но велел Ирролю спешиться. Тяжелый меч

сверкнул в его руках. Опустившись на колени, оруженосец приготовился принять смерть. Но меч лишь ударили его по плечу и затем пал на землю к его ногам.

— Ты посвящен в рыцари! — раздался голос крестоносца. Когда Ирроль поднял голову, светило солнце. Вокруг было пусто. Он вздохнул, взял меч и, сев на коня, стал спускаться к замку.

Что-то неуловимо изменилось в нем. Был первый день июня, — и начало лета. Нежный голос, то обрываясь, то вновь возникая, несся навстречу Ирролю. Он вспомнил, что и сам не чужд этому искусству и, подхватив мелодию, запел ответную песнь. И опять, как прежде, ему навстречу вышла юная женщина. Мнимое спокойствие моря стояло в ее изумрудных глазах. Золотистая копна волос, как корона, венчала голову, высокий лоб перехватывал тонкий золотой обруч. Мягкие нежные черты лица словно растворялись в воздухе, являя собой гармонию, присущую царству изысканных южных растений.

— Ты пел мне, рыцарь? — спросила она.

— Я, — ответил Ирроль.

— Входи в замок и прими его гостеприимство, — вежливо пригласила его леди. Ее звали Найла, и она обладала волшебным голосом. Среди ночи, запев

песнь, она могла разбудить птиц, и те начинали вторить ей, словно наступило утро. Изменив тон, она могла собрать или разогнать волков, повелевать табунами лошадей, управлять другими животными. Никто не осмеливался петь в ее присутствии, зная ее талант. Лишь незнание Ирроля нарушило этот неписанный запрет. Но странно, Найла не рассердилась на него, а скорее обрадовалась.

Много раз она просила петь рыцаря с ней вдвоем, и когда он, как эхо, подхватывал ее мелодии, она улыбалась и посыпала ему благодарные взгляды. Кроме того, ей

нравилось, как он аккомпанирует ей на лютне. В иную же пору он будил ее фантазию, приводя к ручью и прося спеть под его простую мелодию. В непогожие дни леди Найла подражала голосу ветра и плеску волн.

Рядом следи Найлой Ирроль чувствовал свои возможности, которые удваивались от ее присутствия, и были исполнены полноты и гармонии.

Красота звука вела их за собой, и они не замечали, как сгущаются тучи. Меж тем многие знатные рыцари искали руки леди Найлы, и появление Ирроля вызвало целую волну гнева среди его соперников.

Найти предлог для поединка не составляло особого труда, и вот сразу несколько вызовов принесли Ирролю чопорные герольды. Веря в свою судьбу, он уже не боялся и смело выходил на бой. Песни ли Найлы, его удача или твердость руки помогали ему побеждать, только вокруг него стала возникать слава самого сильного рыцаря. К его помощи прибегали все, кто терпел унижения, обиду или несправедливость. И однажды случилось так, что сама королева прибегла к его защите. Ирроль покинул замок и отправился ко двору.

Мужество и благородство его пленяли женские сердца, и они мечтали оставить его при себе. Верный леди Найле, он, однако, каждый раз, выполнив свой долг, спешил обратно в замок. Тогда злая молва попыталась нанести удар по самой леди. Увы, это удалось. Стоном можно было назвать теперь ее песни. Дикая страсть и ревность терзали ее. И хотя она ничего не говорила рыцарю, но изливалась с такой силой, что сама природа не выдерживала и разражалась непогодой и бурями. Трудно рассказать, как любовь Найлы вдруг переходила в ненависть, как она не раз пыталась отравить его или направить на него стаю волков. Но в последнюю минуту она сама выбивала из его рук кубок с ядом и спасала от разъяренных хищников. И однажды она сказала, что больше не любит его и он должен покинуть замок. Ни слова не возразил он леди, и на следующий день ее голос провожал его, пока Ирроль поднимался на холмы. Внезапно голос оборвался на такой высокой ноте, что рыцарь испугался и повернулся коня. Он едва успел принять последний вздох Найлы и ее слова.

— Ты разбудил во мне любовь, и я не смогла вместить ее и справиться с ней. Сердце мое разорвалось, и я умираю, но ты рядом, и я счастлива. Мы вместе пропели самую лучшую песнь на свете.

Как ребенок, рыдал Ирроль над могилой леди и не мог отойти от нее. Наступил вечер, и первые желтые листья закружились в воздухе.

Близилась осень. В задумчивости он подошел к озеру, чтобы омыть лицо. Он наклонился над водой и увидел, что на дне что-то сверкает, озаренное лучами заходящего солнца. Ирроль протянул руку и вытащил золотую корону. Сам не понимая, что делает, он надел ее на голову, и она пришла к нему впору.

— Мой король! Соблаговолите ли Вы войти в замок, чтобы осчастливить его своим присутствием? — раздался тихий женский голос.

Он повернулся. Нет, не было насмешки у прелестной женщины, стоявшей за его спиной. Она не могла ослепить его своей юностью, но в ней была та гармония и спокойствие, которыми владеет лишь мудрость. Темные, с золотым отливом волосы вились по ее плечам,

Удивительная нежность и мягкость, хрупкость и совершенство воплощались в ее грациозной фигуре и бледном, одухотворенном лице.

От нее струилось благоухание цветов, радость окружала ее незримым ореолом, и голос звучал как музыка.

Лиши феи могли принимать подобный облик, и Ирроль склонил перед ней колени.

— Как твое имя, прекрасная леди? — спросил он.

— Меня зовут Глорэль, и хоть я люблю тебя, я не стану вести тебя в свою игру. Ты устал от всего, что пережил, будучи пажом, оруженосцем и рыцарем. Если хочешь, я научу тебя молчанию и покоя. Войдем в замок!

И он снова вошел в старый замок и поразился переменам. Все вокруг цвело и благоухало. Зрелые плоды яблонь, груш, персиков, лимонов свисали с ветвей деревьев. Трели сверчков, пение птиц дополняли эту картину. В круглых водоемах с распустившимися водяными лилиями журчали прозрачные фонтаны.

— Ты видишь, видишь? — молчаливо указывала ему Глорэль, любуясь вместе с ним окружающей их красотой. И всю ночь бродили они, взявшись за руки, по замку. А на рассвете они поднялись на холмы.

— Кто ты? — еще раз спросил Ирроль. — Я не хочу знать твоего имени, ибо ты назвалась, но я чувствую твою связь с этим замком и со всем, что здесь произошло.

— Ты еще не догадался, путник? Я — душа этого замка. Некогда любовь воздвигла его как символ вечной жизни. Строитель задумал передать в нем свои чувства к утраченной возлюбленной. Весь свой талант вложил он в эти камни, и они обрели жизнь. Все, кто проходил через этот замок, переживали утраты, но также обретали понимание вечности. Ты еще не забыл свои чувства и тех, кто их вызвал?

— Но как это все могло произойти со мной? Ведь я встречал людей из разных времен, — снова спрашивал Ирроль.

— Ты встречал лишь отражения, которые хранит это волшебное озеро, — отвечала она.

— Но кто их оживлял? — все не унимался юноша.

— Конечно же, ты сам, твое сердце и мечты!

На его глазах она стала расплыватьсь в воздухе. Вот мгновение, и он увидел перед собой леди Найллу, вслед за тем она превратилась в Элейн, и, наконец, леди Астор. Ветер подул, и Ирроль остался один. Внизу, вокруг замка, шли две фигуры. Он увидел, что одна из них опирается на костили. В другой он узнал себя самого.

Его отражение осталось в замке. Сам же Ирроль вновь побрел по дороге, и в душе его царили покой и радость.

КОРОЛЕВСКИЙ ФАРФОР

Кто бы сказал, какая музыка живет в душе человека? Концерты Юлии не вызывали особого внимания не потому, что игра её была не интересна или не выделялась среди череды других пианистов. Просто было лето, жара, публика предпочитала прогулки по берегу моря и другие курортные радости Тем не менее последнее выступление всколыхнуло чувства. Три чудесных букета с розами, лилиями и орхидеями поднесли ей улыбающиеся капельдинеры под шум аплодисментов. Один из букетов был перехвачен тонким золотым браслетом, второй опоясывало изысканное фарфоровое ожерелье, расписанное нежными красками, на третьем — каждый из стебельков был вдет в резные серебряные колечки. Подарки оказались более чем щедрыми. Листок бумаги, приколотый к розам, содержал всего несколько строк, написанных каллиграфическим почерком: «Ваш талант могут оценить немногие. Если наши скромные дары разбудят Ваш интерес, то мы будем счастливы встретиться с Вами и представиться. Немногие». Юлия еще раз взглянула на подарки. Безусловный вкус и редкое мастерство сделали эти драгоценности и сочетали их с живыми цветами. Она подумала о ценности вещей и решила, что должна их вернуть. Так или иначе, но встреча с незнакомыми почитателями становилась необходимой. Их оказалось трое. Художник, ювелир и коллекционер. Достаточно немолодые, приятные и остроумные люди, они сразу вовлекли Юлию в круг своих интересов, где царил культ красоты. Всевозможные сочетания живой природы с искусством лежали в основе их увлечений. Они создавали живые натюрморты в оправе редких предметов старины, подобно голландским художникам, изображающим фрукты, цветы и прочее в роскошных перламутровых чашах или драгоценных вазах. Добившись нужного эффекта, нынешние эстеты озвучивали свое творение, любуясь им при звуках специально подбранной музыки.

Со смутным чувством интереса и в то же время тревоги Юлия приняла участие в составлении этих живых картин. Ее глазам являлось фантастическое богатство новых знакомых, и это смущало ее. Она не могла быть с ними на равных, хотя они всячески пытались подчеркнуть значимость ее музыки в их занятиях.

— Если бы мы не считали вас другом, то плата за ваши камерные концерты для нашей компании была бы не ниже стоимости этих редкостей, что так смущают вас.

В самом деле, порой Юлии приходилось жертвовать своим сном и глубокой ночью играть на рояле, клавесинах где-нибудь в глубине запущенного сада, в то время как ее приятели ждали восхода луны, чтобы в ее лучах найти гармонию белых водяных лилий с коваными блюдами из серебра и нитями драгоценного жемчуга, развешанного над прудом. В другой раз они обыгрывали мраморные греческие статуи, помещая их за струями водопада, в отблесках солнечных вспышек. Золотые венецианские зеркала, убранные гирляндами цветущих глициний и выюющихся роз, располагались в глубине зеленых гротов и повторяли изображение статуи, наделяя ее живым трепетом падающей воды. Много еще было других мистерий, как называли их новые знакомые Юлии. Меж тем еще трое молодых людей оказались такими же «немногими», что составляли эту компанию. Они также относились к ней с должным уважением и галантностью, хотя какая-то недоговоренность и отчужденность стояла между ними и Юлией. Незримыми нитями эта компания все больше и больше связывала ее. Они предугадывали ее желания,сыпали подарками, не принимая отказов, и вели себя так, словно вся цель их жизни стала в том, чтобы угождать ей и сделать ее счастливой. Полушутя-полусерьезно они величили ее своей королевой и однажды разыграли одну из своих мистерий, посадив ее на трон и явившись к ней облаченными в настоящие рыцарские доспехи. Она сидела во главе длинного стола, украшенного серебряной и золотой посудой. Интерьеры пиршественного зала, найденного в одном из

сохранившихся дворцов, были украшены росписями на сюжеты стаинных баллад. Пламя канделябров отражалось в цветных витражах готических окон, и тени плясали на высоком сводчатом потолке. В глубоком торжественном молчании сидела компания. Шесть рыцарей, по трое с каждой стороны, но на противоположном конце стола стояло пустое кресло. Юлия смотрела на него со страхом и удивлением. Кому оно могло предназначаться? Где-то на башне замковой капеллы стал бить колокол. С последним ударом в зал вошел высокий стройный человек, одетый в королевское одеяние с пурпурной мантией на плечах и шпагой, украшенной зелеными смарагдами. Нет образцов для мужской красоты, но воистину этот вновь вошедший был совершенен. Большие серо-голубые глаза его на удлиненном лице выдавали какой-то печальный ум и смотрели глубоко и выразительно. Черты лица являли странный сплав, где гармония ребенка переходила в юношескую порывистость и разом в отрешенность человека, прожившего невероятно долгую жизнь. Похоже было на то, что этот король соединил в себе прошлое, настоящее и будущее, и жил сразу в трех измерениях. Коллекционер поднялся с места и протянул большой золотой ключ севшему в кресло.

— Ваше Величество, король Август, благоволите разрешить представить Вам королеву Юлию. Орден рыцарей Золотого Ключа свидетельствует в ней свою преданность и верность Заветам.

Король взглянул на Юлию и медленно кивнул. Шестеро рыцарей встали и, вытащив шпаги, отсалютовали королю, а затем вышли.

Король долго сидел молча, опустив голову на сцепленные пальцы. Наконец, вздохнув, встал.

— Здесь мало света. Я хочу видеть Вас, Ваше Величество. Она, подчиняясь власти его голоса, который звучал так глухо и так красиво, что, пожалуй, назвать его стаинным было бы вполне уместно, взяла стоявшие на подоконниках канделябры и зажгла их. В следующий момент Юлия хотела подойти к королю ближе, но он испуганно поднял руку.

— Нет, достаточно! Не приближайтесь ко мне.

Тихими шагами он подошел к органу, стоявшему в конце зала, и сел за него. Глубокие, чистые звуки наполнили пространство, и Юлия чувствовала, что взгляд музыканта устремлен на нее с такой силой и сосредоточенностью, словно он считывает ноты с ее собственной души. И впрямь это было так. В долгиеочные часы ей снилось, что в ней звучит какая-то прекрасная величественная музыка. Утром она просыпалась и с тоской осознавала, что все те мелодии, которые она рождала во сне, увы, исчезали из ее памяти, и она не могла их вспомнить. А сейчас этот царственный музыкант в своей игре возрождает мир ее сновидений. Потрясенная, она уже не замечала, что зала наполнилась людьми. Роскошно одетые кавалеры и дамы входили и начинали танцевать. Лишь рассвет остановил этот волшебный ночной бал. Шестеро молодых людей тихо вошли в пустой зал и предложили Юлии покинуть его:

— Праздник кончился. Ваше Величество!

Она последовала за ними прочь из замка.

— Соблаговолите оставить корону здесь до следующего раза, королева, — промолвил коллекционер.

Она, не понимая, подняла руки к голове. Сверкая сапфирами, изумрудами и бриллиантами, ее венчала тонкая, как нимб, золотая корона. Склонив колени, трое приятелей ее приняли корону на бархатную подушку и унесли вглубь замка. Прошло несколько дней, прежде чем Юлия пришла в себя.

— Что это было? — спросила она у художника, который казался ей более искренним, чем остальные.

— Это была мистерия посвящения! — ответил он. — Вы должны хранить ее в тайне, ибо от этого зависят жизнь и счастье не только ваши, но и всех, кто в ней участвовал. Отныне вы связаны с нами и с тайным королевством, трон которого вы будете занимать!

Больше ничего она не могла добиться от него. Опять потекли странные дни, когда компания Юлии устраивала свои живые картины, а она аккомпанировала им. Миновал месяц. В ночь полнолуния опять они собирались в замке и оставили ее наедине с королем Августом. И опять он играл музыку, звучавшую в ее душе, а призрачная толпа придворных танцевала. И в третий, и в четвертый, и в седьмой раз повторилась эта таинственная мистерия. Юлия чувствовала, что от нее чего-то ждут, но не понимала, чего именно. Меж тем, случай приоткрыл ей завесу тайны, которая ее окружала. Как-то, слушая импровизаций короля, она услышала какую-то новую тему.

— Позвольте, я сыграю сама, Ваше Величество! — обратилась она к королю.

— Вы? Сыграете? — повторил он удивленно. — Разве я не озвучиваю все, что появляется в вашей душе?

— Да. Это так, но я почувствовала, что слышу музыку вашей души! — ответила она.

Лицо его внезапно нахмурилось.

— Этого не может быть! Фарфор не выдает тайны. Фарфор? Так это фарфоровый король? И весь его двор с роскошными нарядами вельмож и красавиц тоже из фарфора? Так вот почему к нему нельзя приближаться. И все-таки Август уступил Юлии, и руки ее коснулись клaviшей органа. Они поменялись ролями. Теперь она играла, глядя на него, а он, стоя в стороне, плакал без слез и каждую секунду мог рассыпаться от жизни, которая пробуждалась в его заснувшей душе.

А за пределами замка шестеро рыцарей Ордена Золотого Ключа в нетерпении ждали Юлию.

— Вы не хотите ничего сказать нам, Ваше Величество? — обратился к ней коллекционер.

— А что я должна сказать? — спросила она.

— Ну, например, не появилось ли у вас желания остаться в королевстве вместе с королем Августом, чтобы навечно сохранить свои молодость, красоту и жизнь?

— Нет! — ответила Юлия. — И более того, я собираюсь проститься с вами и вернуться к своей жизни!

— Это невозможно! — чуть ли не в один голос закричала вся компания. — Подумайте, вы становитесь обладательницей сказочных сокровищ!

— Подумайте, вы освобождаетесь от власти времени!

— Подумайте, вечная красота с вами!

— Вечное счастье!

— Отчего же вы сами не войдете в это королевство, чтобы получить все эти блага? — спросила Юлия.

— Мы — хранители! — ответил за всех коллекционер. — Но вы уже не принадлежите себе, так как приобщились к нашей тайне. Будет ли на то ваша воля или нет, но вы останетесь с нами и каждое полнолунье вас будут отводить в замок короля Августа!

— Так я ваша пленница?

— Вы — королева, но пленница Тайны, которая должна остаться в замке.

Снова Юлия встретилась с королем. Последнее их свидание, когда она играла на органе, что-то изменило в нем. Впервые за все время он подошел к ней близко.

— Вы несете мне смерть, королева Юлия, но и освобождение! Я хочу, чтобы вы снова играли мне. Я буду слушать вас.

И снова она играла, а он плакал. Затем как ребенок бросился к ней, припал к рукам и начал сбивчиво рассказывать о своей жизни.

Да, он родился в королевской семье, обычным человеком и, также, как его предшественники, в свое время взошел на престол и должен был править страной. Однако творения искусства привлекали его больше, нежели власть, а мысли о бренности мира и человеческого бытия отравляли его честолюбие. Ни слава полководца, ни государственное устройство, ни мудрость политического деятеля не могли дать ему счастья. Великое безжалостное Время превращало все усилия в пустые забавы. Лишь творения человеческого духа, воплощенные в искусстве, переживали века, если не сами по себе, то в преданиях народов. Царственный мечтатель, лишенный обычного честолюбия, не искал в своей жизни великих свершений и потому казался непонятным и странным окружающим. Жена предала его и стала готовить заговор, чтобы убрать короля и самой прийти к власти. В это время судьба послала ему встречу с алхимиком, бежавшим от инквизиции. От него король узнал тайну изготовления фарфора. Более того, благодарный маг открыл своему покровителю способ, как можно перенести человеческую жизнь в фарфоровую оболочку. Король знал о готовящемся перевороте. Бороться с врагами и королевой претило его характеру. Жизнь двора казалась ему ничтожной, и он решил уйти в мир фарфоровых творений, тем самым продлив свои дни за пределы возможного. Сотни шедевров пластического искусства он перевел в фарфор, создав фантастический мир своих грез, но теперь, путем магии, он сам мог перенести себя в свои творенья, став одним из фарфоровых существ.

Конечно, теперь его плоть становилась почти неподвластной тлению, но в то же время он терял возможность непосредственно соприкасаться с живыми людьми. И не только потому, что грубоść и неосторожность человеческих рук грозила его хрупкому телу,

но и его собственная душа, заключенная в фарфоровую оболочку, должна была находиться в состоянии полусна — полугрезы. Пробудившись к сильному чувству, она могла разорвать его тело, ибо чувства понуждают душу к росту, и это было бы подобно тому, как посадить росток дерева в вазу для цветка. Тем не менее, захватив с собой наиболее близких и преданных людей, посвященных в его планы, король имитировал свою гибель от рук заговорщиков, а сам ушел в свое игрушечное королевство. В подземелье одного из своих замков Август устроил целый город с вечноцветущими садами, озерами, реками и незаходящим золотым солнцем. И эта Фарфоровая страна ждала его, ибо лишь он один мог оживлять ее, когда садился играть на волшебном органе. Однако нужно было сохранить связь с миром и оградить от поисков королевские сокровища, о которых ходили фантастические домыслы. И король перед уходом учредил тайный Орден Хранителей Золотого Ключа. Он выделил им часть своих богатств, и они приносили ему известия о том, что творится на белом свете. Понимая, что для долгих лет жизни в фарфоровом мире нужны хоть небольшие, но новые впечатления, король просил находить среди людей тех, кто хотел бы сохранить свою жизнь, красоту и молодость в чертогах его подземной страны. Немало красавиц прельщалось этой возможностью. Рыцари Ордена Золотого Ключа приводили их в замок к Августу, он же, обладая необычным музыкальным даром и особой обостренной чуткостью, мог слышать музыку человеческой души, представшей перед ним. В каждом человеке живет мелодия, которую он воплощает в своей жизни: в творениях рук, мысли, души, а ее шаги всегда сплетены с музыкой. Король сам находился посреди двух миров, в стране сновидений, и потому как по нотам мог считывать мелодии души. Волшебный орган помогал ему воплотить эту мелодию, и она звучала в королевских покоях, вливая жизнь в фарфоровую страну и ее властителя. Увы, нельзя безвозмездно делать тайное явным. Вместе с потерей своей мелодии души красавиц теряли связь с жизнью и переходили в мир сновидений. Тела же их превращались в волшебный, движущийся Фарфор. Время воистину теряло власть над их формой, и они становились подданными короля Августа. Так продолжалось много лет. Все новые и новые королевы всходили на престол Фарфорового королевства, отдавая свою смертную жизнь взамен хрупкой вечности сновидений. И вот судьба привела к Августу Юлию. Как ни играл король, он не мог исчерпать души настоящего музыканта. Слишком богатой оказалась она, и на смену проигранным мелодиям возникали новые. Как птица Феникс, душа Юлии возрождалась из пепла. Она умела щедро отдавать себя, и на месте раскрытой тайны являлась следующая, и числу их не было конца. И когда покоренный король в изумлении остановился, она вдруг сама услышала робкий голос его души.

Звуки органа передали ее, и в них Юлия услышала не холодного злодея, пожирающего чужие жизни ради своей. Нет, то был голос ребенка, то был зов мечтателя, обделенного любовью и грустящего о ней. Все его могущество, все его сокровища, нуждались в жалости и любви. Признания короля потрясли Юлию. Сострадания исполнилось ее сердце, но что она могла сделать для него, когда чувствовала себя пленницей рыцарей Ордена Золотого Ключа? Что могла она дать королю, когда страшное заклятье проложило стену между их мирами? Огонь чувств грозил смертью Августу и всей его сказочной стране.

Вскоре и сам король понял это. Свободы искала душа Юлии! Единственная избранница его сердца отказывалась от его мира и стремилась уйти от него прочь. Одна мысль утешала его, о возможно, она не хотела его гибели. Да, это было так, и в ужасе Юлия молила небеса сохранить жизнь Августу, когда он искал выход из тупика. Король был далек оттого чтобы удерживать ее против воли, но, увы, его рыцари вышли из повиновения. Алчность к сокровищам, которые они хранили, и страх, что Юлия унесет с собой тайну их существования, заставили их препятствовать Августу.

— Ни одна из тех, что приходила к королю, не вернулась обратно, и тем держалась жизнь Фарфоровой страны. Чтобы тайна не раскрылась, Юлия должна оставаться в замке! — заявили они королю.

— Но она хочет свободы. Я отпускаю ее, — сказал он.

— Поздно. Это невозможно! — ответили они.

— Тогда язываю на поединок всех вас поочередно, пока наш бой не решит, кто из нас имеет власть и право!

Рыцари молча встали и двинулись во двор.

— Мы принимаем вызов, Ваше Величество! — мрачно усмехнувшись, ответил за всех коллекционер.

И в полном ночном безмолвии, без стальных доспехов, на белом скакуне с одним копьем Август вышел на бой с теми, кто должен был хранить его жизнь. Одного неловкого движения его коня, легчайшего прикосновения его противника было достаточно, чтобы тело короля рассыпалось на мелкие кусочки. Но судьба была на стороне Августа. Судьба и чувство Юлии, что родилось в ту ночь, когда она услышала мелодию его души, а затем узнала всю историю его жизни.

Шесть раз несся навстречу смерти Фарфоровый король, но остался невредимым в своем седле, в то время как его противники пали на поле ристалища. И вот, сойдя с коня, он подошел к Юлии.

— Вы свободны, моя королева! Этот конь унесет вас прочь из замка.

— У меня впереди еще есть ночь! — ответила она.

И эта ночь одарила счастьем Юлию и короля, а под утро мощный аккорд старого органа потряс замок, и стали рушиться и разваливаться подземные галереи Фарфоровой страны, где хранились сокровища Августа. И сам он последним рассыпался на каменных ступенях замка. Но не было слез печали на глазах Юлии, когда она покидала это место. Любовь жила в ней, и так же осталась с ней душа короля Августа, чтобы в срок явиться в мир крошечным младенцем из живой человеческой плоти и разделить со своей возлюбленной возвращенную ему жизнь. И в самом деле, не так же ли следуют по дорогам года два неразлучных месяца — июль и август...

КОРОНА ГНОМОВ

Был вечер в горах. Прохладные тени упали в ущелья и они подернулись синеватой дымкой. На вершинах воздух еще дрожал и переливался, пронизанный яркими лучами солнца, но зубчатый гребень, покрытый вечными снегами, потерял свою резкость и потускнел. Пестрые цветы склонили к земле головки, а листья деревьев затрепетали от прикосновения проснувшегося ветра. Двое запоздалых путников присели у потрескавшейся скалы, где тропинка раздавалась.

— Будем подниматься вверх или спустимся в долину? — спросила девушка у молодого человека.

— Боюсь, что сегодня мы все равно не найдем жилья, — ответил он. — К тому же взгляни, Ренне, как причудливо расположены камни на склонах: по кругу, словно в цирке.

— Да, да, все места заняты, и мы должны спуститься на арену, — улыбнулась она.

Скульптор Галль вместе со своей невестой Лизой Ренне решил провести лето в горах. Вряд ли он покинул бы свою уютную мастерскую, если б не уговоры его возлюбленной. Ей так надоело служить ему моделью: «Я хочу красок, я хочу сказок. Твоя глина выпивает из меня жизнь, — заявила она. — Давай поедем в горы. Там ты найдешь среди камней столько готовой натуры, что тебе не нужно будет мучить меня».

И вот почти месяц они бродили по крутым дорогам, извилистым тропинкам, останавливаясь в заброшенных селениях или у радушных пастухов. Уже почти стемнело, когда Лиза и скульптор, спустившись в долину, построили шалаш около маленьского ручейка и собирались уснуть.

— Ты слышишь музыку? — вдруг спросила девушка.

— Я устал и слышу, как мне хочется спать, И даже твои чудеса не могут меня вдохновить.

— Я очень прошу прощения, — раздался тоненький вежливый голосок. — Но не оказали бы вы нам честь принять участие в нашем празднике?

Галль протер глаза и вскочил. В догорающем свете костра он увидел гнома в остроконечной шапочке.

— Да! — наконец произнес скульптор, еще не оправясь от изумления. Гном подошел к Лизе и подал ей крохотную ручку: «Прошу вас». Галль последовал за ними, усиленно убеждая себя, что это сон.

Полная луна озаряла долину. Из-за камней появилась процесия наряженных гномов. Они играли на музыкальных инструментах и весело приплясывали. Их серебряные пуговицы на смешных камзольчиках сверкали, как светлячки. Окружив Лизу, они накинули ей на плечи плащ. Ткань его переливалась, как если бы он был скроен из ручья, в котором растворились лунные лучи. Девушку отвели к большому серому камню в середине поляны и усадили на золотой трон, украшенный затейливым орнаментом. Рядом был еще один трон, и Галль подумал, что это место предложат ему, но ошибся. Его оставили у подножья камня.

Громче заиграла музыка, гномов становилось все больше . Они спешили со всех сторон, неся разноцветные фонарики, какие-то светящиеся цветы, кованые сундучки, украшенные мерцающей мозаикой. Многие держали над головами зеленые лопухи или одуванчики вместо зонтов и вышагивали чрезвычайно важно. Вот воздух прорезали летучие мыши, они стали кружиться над поляной. За ними, тихо шурша, появились ночные бабочки с бархатными крыльями и опустились перед троном.

Внезапно все смолкло. Толпа расступилась, и в центре поляны появился гном со связанными руками. Лицо, озаренное красным сиянием рубиновой короны, казалось печальным. Его можно было принять за мальчика, если б не темные глаза, устало смотрящие на мир, и тяжелая медленная походка. «Принц, Принц!» — раздались

вокруг голоса. Ему разрезали веревки, он поднялся на трон рядом с Лизой и подал знак. Опять заиграла музыка, и началось шествие гномов. Они подходили к трону,сыпали сокровища, добытые ими в недрах гор, и уступали место другим. Золотые и серебряные слитки, изумруды, алмазы, рубины, гранаты скоро образовали целый холм.

Луна скрылась, и в четырех концах поляны зажгли костры. В руках гномов появились зеркала. Они ловили отражение огня, пускали зайчики, играли и веселились, пока откуда-то из-под земли не раздался тяжелый звон колокола. Принц встал и запел протяжную песню, аккомпанируя себе на лютне. Гномы приблизились к трону и слушали с напряженным вниманием. Он окончил и, сняв корону, водрузил ее на голову Лизы.

Крик негодования разнесся по долине. Камни и грязь полетели в принца. Он же, склонив колено, поцеловал платье Лизы и стал спускаться. Ему опять связали руки. Гномы подняли фонарики и стали в двенадцать рядов, образовав концентрические круги, принц должен был обходить весь круг, чтобы попасть в следующий, постепенно расширяющийся. Его шагам вторил подземный колокол. Наконец, он обошел последний ряд и остановился. Взгляд его обратился на Лизу:

— Где корона? — произнес он. Рубиновый венец, украшавший голову девушки вдруг потух и исчез.

— Верни, верни, верни! — закричали тысячи голосов. Держась за руки, гномы понеслись вокруг трона с бешеною скоростью. Грохот потряс ущелье. Серый камень заколебался и рассыпался на мелкие песчинки. Скульптор зажмурился, а когда открыл глаза, обнаружил, что гномы исчезли. В долину проникли солнечные лучи. Опять царила тишина, и ее нарушало только журчание ручейка.

— Лиза! — позвал юноша. Никто не отозвался. «Ренне!» — в отчаянье закричал он. «Рен-не, Рен-не!» — откликнулось эхо. Черная собака с длинной шелковистой шерстью появилась из-за камня, опять стоявшего целым посреди поляны. Она бросилась к Галлю и стала лизать ему руки. Он оттолкнул ее. Ужас сдавил ему сердце. Задыхаясь от волнения, он обыскал каждый куст, облазил все склоны. Напрасно. Лиза исчезла.

Невероятность происшедшего так потрясла юношу, что он, не думая, забрался на утес, закрывавший вход в долину и собрался броситься с обрыва. Собака всюду следовала за ним, жалобно скуля и заглядывая ему в глаза. Галль не обращал на нее внимания. Ему оставалось сделать последний шаг... Собака загородила дорогу, а позади почти одновременно раздались два голоса: «Ну, прыгай!», «Постой, не смей этого делать!»

Галль обернулся. Два гнома, запыхавшись, остановились за его спиной. Один из них был принц, и это он хотел удержать Галля. Руки принца по-прежнему стягивала веревка. Второй гном сжал кулачки и бросился к принцу, пытаясь столкнуть его в обрыв. Тот не мог защищаться. Еще мгновение — и он закачался над пропастью. Собака успела схватить принца за одежду. Галль пришел в себя и помог ему освободиться от веревок. Противник же его, видя свою неудачу, скрылся.

Они сели на траву, принц обхватил руками колени и долго молчал, хотя скульптор засыпал его вопросами. Наконец он поднял голову.

— Вам трудно поверить в случившееся и в то, что я расскажу. Но сначала успокойтесь. Ваша Лиза не погибла. Глядя на меня, вы уже не можете сомневаться в том, что гномы

существуют на самом деле. Я — несчастный принц одного из королевств, которое расположено в этих горах. История моя печальна, как и ваша. Как-то давным-давно здесь проходила дорога греческих богов. Они жили не только в мифах, как думают теперь люди. И вот как-то богиня Афродита, видя уродство подземного народа, подарила нам корону красоты. В праздники ее надевали короли или королевы и становились прекрасными, как сами боги. Вам это легче понять, ведь люди когда-то должны подняться на ступеньку и стать богами, так же как мы — людьми.

И вот на горе всему королевству родился я. Природа наделила меня слишком пылким и доверчивым сердцем. Далекая и почти недостижимая красота богов восхищала меня, но не могла внушить любви. Зато я тянулся к людям и мечтал о них, нарушая законы гномов. Однажды я встретил в горах девушку, которую полюбил всей душой. Ее звали Ида. Она не испугалась и стала встречаться и играть со мной, как с диковинкой, а я не имел сил вызвать в ней ответных чувств. Это было безумие!

Как-то я рассказал ей о короне красоты. Нежностью и клятвами Ида умоляла меня достать ей корону всего на одну ночь, но на утро она не пришла в горы и не вернула корону. Я был изгнан из королевства. Но самым страшным оказалось решение богини: «Пока люди сами не отдадут корону красоты, гномы не смогут вернуть ее».

И я осужден скитаться без всякой надежды, проклинаемый моим народом и мучимый совестью и обманутой любовью. Однако раз в год меня возвращают на праздник гномов, и я вновь переживаю свой позор. Если гномам удается, они заманивают в свою долину людей, и тогда на них вместе со мной обрушивается гнев подземных жителей. Королева праздника превращается в собаку, и вернуть ей человеческий облик возможно лишь при одном условии: корона красоты!

Уже были среди людей юноши, которым я рассказывал эту историю, и они клялись освободить своих возлюбленных, добыв корону. Но стоило им разыскать Иду и увидеть ее красоту, как они забывали все на свете и становились ее рабами. Вот и весь мой рассказ. Хотите ли вы попытать счастье?

Галль протянул руки к собаке: «Ренне!» Она лежала на земле, положив голову на лапы, и из глаз ее текли слезы.

— А где та рубиновая корона, что была на вас, принц? — спросил скульптор.

— Она здесь, со мной, но в отличие от волшебной, ее красота никому не передается, оставаясь всегда при ней самой, — гном печально улыбнулся и достал корону. В лучах солнца ее острые зубцы загорелись ярким светом.

Галль поднялся на ноги:

— Что ж, двинемся в путь, хоть он и кажется тяжелым сновидением. Много дорог пришлось пройти Галлю, прежде чем он услышал об Иде. В одном из приморских городов ему рассказали о таинственной красавице, которая путешествует в сопровождении шестерых преданных ей молодых людей. Она отыскивает всякие древности и особенно интересуется греческой культурой. Благодаря ее стараниям на холме в окрестностях города был обнаружен и раскопан храм, посвященный богине Афродите. В нем сохранились стройные ионические колонны, свод, украшенный резьбой из мраморных цветов. Все до малейших деталей, даже пьедестал с жертвенником в виде чаши, но самой статуи богини, которая, вероятно, являлась

вершиной всего этого совершенства, к сожалению, нигде не могли найти. Жители пытались поставить на ее место другие фигуры, но они явно не подходили, не исключая и те, которые как будто изображали Афродиту. Больше всех переживала это сама Ида, словно завершить храм было целью ее жизни. Находились смельчаки, которые предлагали высечь фигуру Иды вместо богини, но никто из ваятелей не смел соперничать с античным искусством.

И вот Галль увидел Иду. Это случилось вечером, так как красавица, не желая привлекать внимание толпы, отправлялась гулять лишь в сумерки. Она шла вдоль моря, и казалось, что волны замедляли свой бег, чтобы подольше поглядеть на нее. Зато люди, наоборот, опускали глаза, не выдерживая полноты гармонии, которая струилась от ее лица и фигуры. Говорили, что из щеславия Ида носит под высокой прической маленькую невзрачную корону. «Право же, если б она надела настоящую золотую корону, не скрывая ее, это ни в ком не вызвало бы протеста», — рассуждали горожане.

Галль вернулся в дом потрясенный. Гном и собака с тревогой ждали его слов. Он опустился в кресло и задумался: «Я не мог смотреть в ее глаза, они ослепляют. Но я не отступлю без борьбы». Принц подошел к нему:

— Пока она не поцеловала вас, вы будете принадлежать себе. Однако берегитесь переступить эту черту, — шепнул он. — Она отделяет людей от богов.

По всему городу прошел слух, что приезжий скульптор предложил Иде позировать для фигуры Афродиты, и она дала согласие. Мало кто верил в успех затеи, но смелость Галля внушала уважение.

И вот потекли месяцы. Было ли это творчество или битва сердец, трудно определить, но с изумительным совершенством скульптор передавал на мраморе облик красавицы. Она сама, забыв свою непомерную гордость, привязалась к скульптуре и торопила мастера. Ни он, ни она не замечали долгих и изнурительных часов труда.

Последним, чтобы закончить работу, оставались глаза. Галль по-прежнему не мог смотреть в них, хотя ему говорили, что скульптура готова, что передавать глаза вовсе не обязательно, он знал, что статуя без них мертвa, и он не смеет надеяться на чудо покорить Иду.

Она же смеялась над юношой: «Может, мой поцелуй откроет тебе тайну моих глаз?» Он бледнел и отступал. За его спиной стояли Лиза и гном. Всего несколько дней назад он чуть не лишился их. Принц усомнился в скульпторе. Встретив Иду за городом у храма Афродиты, куда она приехала со своей свитой, он бросился к ногам ее лошади, умоляя вернуть корону. Красавица вместо ответа повернулась и поскакала в город, а ее шестеро слуг пытались затравить гнома, как зайца. Он погиб бы под копытами лошади, если б не Ренне. Рискуя своей жизнью, она пришла ему на помощь. Кровавые полосы от ударов плетей остались на его боках.

Неужели же Галль мог забыть о них? Но Иду тоже волновала судьба фигуры. «Не боишься ли ты ослепнуть, если будешь долго смотреть мне в глаза?» — спрашивала она скульптора, а у него не было слов ответить ей. И вот странная мысль пришла ему в голову. Он взял в мастерскую собаку и стал лепить ее глаза. Глаза, в которых заключалось столько любви и веры в его победу. Галль работал с лихорадочной быстротой. Ренне сидела на месте Иды, а гном с восторгом глядел на фигуру.

Еще один удар резцом, и работа была окончена, и в то же мгновение свет в комнате померк. В дверях появилась разгневанная Ида. Но когда они услышали ее голос, они содрогнулись и поняли свое заблуждение. Сама Афродита явилась перед ними:

— Ничтожный, как смел ты посягнуть на красоту, созданную богами? Человеческим чертам ты дал глаза собаки. Ты заслужил смерть. Однако несправедливо лишить тебя награды за твои труды. Я готова выполнить твое желание, кроме того, чтобы даровать тебе жизнь. Твои спутники также могут высказать по одному желанию.

Галль опустил голову, затем, взглянув на Ренне и гнома, сказал:

— Великая богиня! Моя цель тебе известна. Верни корону красоты гномам.

— Нет! — воскликнул принц. — Отдай ее Ренне. Афродита прикоснулась к голове собаки:

— Говори! Что ты желаешь?

— Мне не нужно короны, подари твои глаза скульптуре Галля или оставь все как прежде.

Богиня рассмеялась:

— Ваши желания столь противоречивы, что выполнив одно, я нарушу два других. Я в тупике и потому оставляю все как прежде. Радуйся, скульптор! Тебе сохранена жизнь. А наградой тебе да послужит мой поцелуй. Не бойся. Он не сделает тебя рабом.

Легко она скользнула к Галлю и, прикоснувшись к его губам, растаяла в воздухе. На следующий день Ида явилась в мастерскую.

— Работа уже готова? — удивилась она. — Но неужели в моих глазах ты нашел столько любви?

Скульптор молчал. Она тихо подошла и вдруг, обняв его, прижала его лицо к своему. Через мгновение она отшатнулась, схватившись за грудь: поцелуй превратил в пленницу ее, а не Галля. Теперь глаза ее стали такими же, как у статуи.

Пышно праздновали установление в храме фигуры Афродиты. Все восхищались талантом скульптора. Но он сам не участвовал в торжестве. Не было также Иды, и шестеро ее спутников в тревоге бродили среди толпы, стараясь не глядеть на статую.

Далеко в горах Ида и Галль подошли к старой потрескавшейся скале.

Внизу расстилалась долина гномов, принц и собака следовали за ними несколько поодаль.

— Галль! Я готова умереть за твою любовь. Неужели ты никогда не сможешь ответить на мое чувство? — взмолилась Ида. — Что тебе нужно? Неужели тебе мало, что я стала твоей рабой?

— Верни свой настоящий облик, — ответил юноша.

Ида побледнела и с тоской огляделась вокруг: «Что ж, гляди!» Она распустила тяжелые волосы и сорвала с головы маленькую корону. Неприметный тусклый обруч вдруг вспыхнул, как солнце, ослепив глаза. Корона была усыпана бриллиантами.

Черты лица Иды почти не изменились, но неземная власть и сила, исходившие от нее, исчезли. Красота ее стала красотой человека и проникла в его сердце.

Галль, улыбаясь, поднял корону и протянул ее гному, вышедшему из-за кустов. Тот принял ее и, повернувшись, крикнул:

— Ренне!

Тоска застилала его глаза, но навстречу им, вместо собаки, по тропинке появилась Лиза.

— Ты наденешь эту корону? — спросил принц.

— Только на праздник, — начала девушка. — Галль! Я нашла сказку и останусь в ней!

Он положил руку на плечо Иды:

— Я нашел жизнь и тоже не покину ее.

Тропинка раздваивалась, наступал вечер, и они простились. Принц и Лиза двинулись вниз к долине гномов. Ида, с еще непросохшими слезами, крепко держала за руку Галля. Они поднимались вверх.

Надо ли говорить, что все четверо были счастливы?

ЛЮБОВЬ

Жила-была Принцесса. Она ждала прекрасного принца, но однажды терпение ее истощилось и она отдала свою руку Железному Рыцарю. В конце концов, у него тоже был настоящий замок, а его сила в блеске сверкающих лат, казалось, возмещала недостаток благородства и знатности. Нельзя сказать, чтобы Рыцарь был без ума от Принцессы. Он любил ее красоту, завоевать ее — значило одержать одну из доблестных побед, и сама Принцесса служила для него тоже украшением. От нее требовалось только одно: чтобы она всегда оставалась прекрасной. Принцесса скоро поняла это, и мечты о любви, которые казались ей почти осуществленными, рассеялись, как дым по ветру. Но ее живое сердце никак не могло смириться и жить без любви. Оно ожидало хоть какого-нибудь чуда.

И вот однажды, гуляя по лесу, Принцесса заблудилась. Приближалась ночь. Ей было страшно, а случайная тропинка вела все дальше и дальше в глубь леса и, казалось, была бесконечной. Но вдруг за деревьями мелькнул свет, и, как по волшебству, перед ней вырос маленький дворец, украшенный флагами. Он был очарователен со своими словно игрушечными башенками, зубчатыми стенами, полукруглыми арками, стрельчатыми окнами. Если бы не скрипели веселые флюгера, изображавшие всадников, танцующих шутов и трубящих охотников, если бы не журчали забавные фонтаны и ласточки не вились у карнизов, можно было бы подумать, что кто-то шутки ради нарисовал этот фантастический дворец на картоне и, вырезав, приkleил к деревьям. Дикие розы густо оплетали стены и благоухали так сладко, что хотелось

подойти и, отрезав кусочек дворца, словно от великолепного торта, съесть его. Навстречу Принцессе вышел старик в потускневшем камзоле и, сняв шляпу, учтиво предложил ей войти.

— Кому принадлежит этот дворец? — спросила восхищенная Принцесса.

— Одному бедному Принцу, Ваше Высочество, — ответил старик.

— А как вы догадались, что я Принцесса? — удивилась гостья.

— Но в этом невозможно усомниться: стоит взглянуть на Вас. К тому же на своем веку я повидал немало знатных людей.

— А кто же вы? — продолжала спрашивать Принцесса.

— Я — мажордом, или дворецкий, если Вам будет угодно. Мой Принц давно покинул дворец, и я остаюсь его хозяином.

Всю ночь он водил Принцессу по дворцу, рассказывал ей необыкновенные истории, открывал двери всех комнат, где по углам стояли скульптуры, а на стенах висели прекрасные картины. Сердце Принцессы билось все сильнее и сильнее, и один вопрос так и вертелся у нее на язычке. Наконец, улучив момент, она спросила:

— А что, Принц женат?

— Нет, Ваше Высочество, он одинок. Долго-долго он ждал встречи с принцессой, которую мог бы полюбить. Для нее и был построен этот дворец, для нее же и украшен творениями искусства. Но принц так и не дождался ее и отправился странствовать по свету.

Мажордом и Принцесса, не сговариваясь, оба тяжело вздохнули. Смутная догадка промелькнула в душе Принцессы: а что, если этот старик и есть Принц, который из-за своих лет стыдится открыть себя? Нет, нет, этого не может быть. Принцы бывают только молодые и прекрасные. Как я — добавила она и незаметно покраснела. Так у принцессы появились тайные друзья: старый Мажордом и его маленький Дворец. Много раз сбегала Принцесса сюда от тех невзгод и обид, что проносились над замком Железного Рыцаря. Здесь ее всегда ждали, здесь она снова начинала чувствовать себя принцессой, здесь существовал именно тот мир, о котором она мечтала. И даже отсутствие Принца не заставляло ее так сильно страдать. Ведь все, чем он жил, оставалось ей. Да и сам он присутствовал в бесконечных рассказах Мажордома. Но что за чудеса начались с той волшебной ночи! Все как будто осталось тем же, и в то же время как будто изменилось. Она могла считать, что встретила своего Принца, но в то же время она его и не встретила, потому что продолжала мечтать о нем. Железный Рыцарь заподозрил измену, но не мог запретить Принцессе уходить из замка. Она возвращалась такой прекрасной, какой он никогда не видел ее, и, право, в его железное сердце стала вкрадываться любовь. Нет, это было уже слишком. То, что позволительно женщинам, не пристало мужчинам. Чтобы рука оставалась железной, глаза должны различать лишь черное и белое. Так учили Рыцаря с детства. Многоцветие порождает сомнение, и что стоит меч, когда само сражение кажется глупым и ненужным. Так, пожалуй, можно и заржаветь! Но на самом деле он испугался другого. Рыцарь впервые почувствовал свое сердце, и оно как-то странно начинало болеть, когда он приближался к Принцессе.

— Все, пора кончать с этим, — решил рыцарь. — Но что же делать?

Его железная любовь не научилась еще различать краски и привычно обратилась к силе. Он буквально прочесал все окрестности, разыскивая соперника, но не смог обнаружить волшебного дворца. Тогда гнев его обратился на саму Принцессу. Замок Рыцаря грозно нахмурился, изголовившись к бою. А она как раз возвращалась из леса и, ощущив, каким холодом на нее пахнуло от знакомых стен, затрепетала. Но это был ее дом, который она сама выбрала, и Принцесса не посмела вернуться обратно.

На первой же ступеньке замковой лестницы она поскользнулась и ушибла коленку. Принцесса хотела потереть ее и вдруг обнаружила, что ее коленка окаменела. А потом она задела за угол, а потом упала. И эхо тяжкого удара сотрясло замок и пронеслось под высокими сводами вместе с ее слабым криком. Рыцарь, взяв факел, пошел посмотреть, что случилось, и увидел вместо Принцессы каменную фигуру. Трудно сказать, понял ли он, что случилось. Его гнев или ревность не дали ему заглянуть в свое собственное сердце. Меж тем и каменная Принцесса была прекрасна, и он поставил ее в одну из зал, где висели трофеи его блистательных сражений. В конце концов опять все обернулось странным образом: у Рыцаря как бы оставалась Принцесса, хотя ее и не было. Он получил одну ее красоту без нее самой, прошло немного времени, и старый Мажордом, переодевшись в наряд шута, явился в замок.

— Что ты умеешь делать? — спросил его Рыцарь.

— Я возвращаю жизнь сказкам, — ответил шут, громко смеясь. При каждом звуке изо рта, из носа, из ушей его вылетали мыльные пузыри и тут же начинали танцевать в солнечных лучах. Ударившись о стену, они лопались и превращались в жемчужины, однако стоило Рыцарю прикоснуться к ним, как они исчезали.

— Забавно, — наконец решил Рыцарь. — Хотя и сдается мне, что ты изрядный мошенник. Ладно. Ты каждый день будешь развлекать меня, а чтобы тебе не вздумалось слишком заморочить мне голову и сбежать, я надену на твои ноги цепи. Они будут звенеть при ходьбе не хуже колокольчиков.

И вот в замке поселился шут. Днем он смеялся, забавляя Рыцаря, а ночью подходил к фигуре Принцессы и лил подле нее слезы, а затем пытался отогреть ее холодные руки и каменное сердце. И вот однажды Железный Рыцарь выследил его.

— Ага, попался! Так вот зачем ты явился в замок! Что тебе надо от каменной Принцессы?

— Я же говорил, что возвращаю жизнь сказкам, — промолвил шут.

— Ах так! — закричал Рыцарь. — А я отнимаю жизнь у сказок, чтобы они знали свое место и не путали честных людей! Завтра на рассвете я отрублю тебе голову, и тогда попробуй вернуть жизнь самому себе.

Он схватил цепь шута и приковал его к стене.

Наутро Рыцарь отправился в замок, чтобы расправиться с шутом, но не обнаружил его.

— Он не мог далеко уйти, — решил Рыцарь и бросился в погоню.

Бешено мчался его конь, ломая кусты, в которых мог спрятаться шут, и внезапно вылетел на открытое пространство. На холме возвышался маленький дворец. Рыцарь достал рог и затрубил. Двери растворились, и из них вышла живая настоящая Принцесса. Рыцарь впервые почувствовал, что ноги его подкашиваются, и невольно склонил перед ней колени. Он твердо знал, что его Принцесса окаменела и стоит в замке. Тогда кто- же эта Принцесса и откуда взялся этот дворец, о котором он ничего не знал? Рыцарь хотел спросить об этом, но язык отказывался ему повиноваться. Живая красота так ослепила его, и он только уверился, что это не его Принцесса, а значит, ей надлежало повиноваться:

— Чем я могу служить Вам, прекрасная Принцесса? — спросил он, едва шевеля губами.

— Подарите мне фигуру, что стоит среди ваших трофеев, — промолвила она.

— О, конечно, повинуюсь Вам с радостью, — отвечал Рыцарь и, вскочив на коня, поскакал обратно к своему замку.

— Что за наваждение? — закричал он, протирая глаза. На месте каменной принцессы стояла фигура прекрасного каменного Принца, но ноги его были почему-то опутаны цепью. Выхватив меч, Рыцарь стал наносить удары, но даже легкой царапины не осталось на камне. Зато цепи вдруг развалились и со звоном упали на пол. Тяжко пришлось Железному Рыцарю. Ему уже было не до шута, даже не до Принца. Он не мог поверить, что встреченная им во дворце Принцесса была его собственной. Тогда как она ожила и почему осмеливалась повелевать им? В конце концов, почему он, победивший все свои слабости вплоть до последней, все-таки повиновался ей? До глубокой ночи метался Рыцарь, пока его сердце не стало болеть. Тогда он понял, что подчинился не Принцессе, а своей любви. Увы, она все-таки еще оставалась железной, и он решил либо вернуть Принцессу либо вообще вырвать ее из своего сердца.

Ночной мрак рассеялся от лунных вод, пролившихся на землю. Трели сверчков, нежный шум фонтанов, посвистываньеочных птиц и ветерка вдруг слились в тихую музыку. Во дворце, крепко обнявшись, кружилась одинокая пара — то были Принц и Принцесса, и во всем мире в ту ночь не нашлось бы более счастливых, чем они. Они улыбались друг другу и шептали нежные упреки.

— Зачем же Вы не открылись мне сразу, дорогой Принц?

— На что бы Вам сгодился старый Принц, переживший свою красоту? — отвечал он.

— Но ведь Вам столько подвластно. Вы смогли вернуть мне жизнь, неужели Вы были не в силах вернуть себе молодость? — спрашивала Принцесса,

— Это уже чудо Вашей любви, моя прекрасная возлюбленная.

А утром Железный Рыцарь снова разыскал дорогу ко дворцу и, разбив двери, ворвался внутрь. Пусто оказалось в его нарядных залах, и лишь в саду под струями фонтанов он обнаружил две обнявшиеся каменные фигуры. Одна из них была Принцесса, которая принадлежала уже не ему, а лишь самой себе и своей любви. Другая — Принц, вернувший себе молодость. Эти двое незащищенных казались ему более живыми, чем он сам. Железные доспехи тяжким грузом сдавили плечи Рыцаря. Он почувствовал, что

еще мгновение — и он уже никогда не сможет сбросить их, так и останется вечной статуей, олицетворяющей железную любовь.

Сделав невероятное усилие, он выкарабкался из своего панциря. Солнце радужными брызгами встретило его. Он сорвал несколько цветов и побрел прочь от дворца. Нежный плеск фонтанов, напоминающий легкий смех, летел ему вслед. Пустые доспехи, сжимающие меч, остались у входа, и паучки немедленно протянули над забралом свои тонкие сети. И все было опять чудесно: Рыцарь как бы победил всех и даже самого себя. И он остался Рыцарем, и как бы вернул Принцессу, и даже приобрел дворец. И все было как бы сказкой и в то же время — жизнью, и как бы жизнью, и все же сказкой.

ОДИНОКИЙ ОСТРОВ

Сколько на свете островов, связанных с человеческой судьбой! Острова Разлук, Надежды, Сокровищ, Победы... Но вот был когда-то Остров Одинокий, и мало кто знал, что за история на нем приключилась. А меж тем она занимательна.

Плыл как-то на корабле один Принц. Уже много лет он странствовал в поисках девушки, которую он смог бы полюбить и назвать своей женой. Все было напрасно. Одним красавицам он сам не нравился, другие не трогали его сердце...

Время шло, и Принц не заметил, как голова его поседела, а лицо изрезали морщины. Тогда понял он, что ему не повезло и надо смириться с судьбой. Возвращаться с пустыми руками или жениться на первой попавшейся ему не хотелось. Ведь его бедное сердце не чувствовало возраста и все так же жаждало любви. И вот он причалил к необитаемому острову и решил остаться на нем.

— Если я не встретил в своей жизни той, которую мог бы полюбить, это не значит, что она не появится позже. Если любовь бессмертна, то она переживет века. Рано или поздно, на мой зов должна откликнуться Душа, которую я ищу.

И вот Принц превратил остров в прекрасный сад. Тенистые аллеи из диковинных деревьев вели в глубину острова к прозрачным, живописным озерцам. Цветы и растения со всего мира привозили на одинокий остров и заботливо ухаживали за ними. Здесь можно было встретить и могучие мамонтовые деревья, и дубовые рощи, баобабы и криптомерии, бамбуковый лес и кедры. На склонах горы, возвышающейся посередине острова, журчали многочисленные ручьи. Крохотные водопады низвергались со скал, поросших мхом, в уютные зеленые гроты. Небольшой мраморный дворец на горе утопал в цветах. Розы, гладиолусы, георгины, тюльпаны, глицинии создавали живой ковер. И конечно, всюду пели птицы и порхали фантастические бабочки. И вся эта красота предназначалась избраннице Принца! Только вот вопрос: как ее распознать? И Принц спрятал на острове свою корону и сообщил слугам, что та, кто найдет ее, и будет его избранницей. Сделав последние распоряжения, Принц простился со всеми и исчез. Никто не видел, чтобы хоть какая-то лодка отплыла от острова, но как ни искали Принца, ни живого, ни мертвого, его не могли найти.

Шли дни, месяцы, годы. Менялись слуги, приходили новые садовники, слава о чудесном саде разнеслась по всему миру, а остров оставался без владельца. Меж тем одна за другой приплывали сюда прекрасные принцессы и вдовствующие королевы. Немало и других вельможных красавиц, тронутых судьбой Принца и его странным завещанием, посещали прекрасный сад и искали спрятанную корону. Увы, никому не

выпадало счастье. Тая обиду и разочарование, искательницы возвращались ни с чем, словно повторяя судьбу самого Принца. Одни говорили, что это прекрасная фантазия о Принце, сохранившем верность мечте. Другие заявляли, что им, конечно же, повезло, поскольку стать супругой столетнего или мертвого Принца не слишком желанная цель... Так или иначе, но прошло уже не двести, а триста лет. Судьба, или иные силы, по-прежнему хранили Остров. Заботливые, хотя порой и невидимые руки, поддерживали красоту Острова. И вот однажды буря занесла на берег истерзанный корабль. Среди пассажиров оказалась одна милая девушка по имени Глея. Была душа ее чиста и прекрасна. Не искала она легкого счастья, но могла видеть и чувствовать красоту так, как никто другой. И конечно же, жили в душе ее волшебные сказки. В них она чувствовала себя неведомой принцессой, которая знала цену солнечным лучам и звездному мерцанию, улыбке цветов и птичьему концерту и потому могла считать себя самой богатой в мире. Полнота ее сердца могла изливать любовь, не ожидая ответа. И разве не это делало ее настоящей Принцессой? Сильно забилось ее сердце, когда она ступила на дорожки прекрасного сада.

— Кто садовник? — спрашивала ее душа. Были сумерки, но сотни светляков, как танцующие звездочки, указывали ей дорогу. Сверчки сопровождали ее путь своим пением. Она поднялась ко дворцу. Слуги спали, но двери не были заперты. Глея обошла все комнаты и наконец остановилась в парадной зале. Усталость охватила ее, и она, свернувшись клубочком на троне, уснула. Во сне ей привиделся принц, он взял ее за руку и повел по аллеям прекрасного сада, рассказывая о долгих днях ожидания. Нет, он не просто ждал ее прихода, он воплощал свою любовь в красоту, которая должна была увенчать их союз.

И когда она проснулась утром, то увидела вокруг себя изумленные лица придворных. На голове ее сверкала корона. Не понимая, что происходит, она обратилась к окружающим с вопросом, и только тут узнала историю Принца и его завет.

Весь следующий день она ожидала появления Принца, но его не было. Дни проходили за днями, и только по ночам, во сне, она могла встречать призрачную фигуру и слушать ее речи.

Меж тем счастье, выпавшее на долю простой девушки, вызвало зависть и негодование у всех, кто узнал об этом. Будь на ее месте какая-либо титулованная дама, это показалось бы естественным. Многие задались целью низвергнуть самозванку или, во всяком случае, поживиться за ее счет.

Как-то ночью на остров высадился красавец-кавалер, одетый как настоящий принц. Утром он встретил Глею с букетом роз и, преклонив колени, сообщил, что силою волшебства он сумел вернуть себе жизнь через триста лет после того, как исчез с людских глаз. Не привыкая ко лжи, девушка вначале обрадовалась. Кавалер осыпал ее комплиментами и признаниями в любви. Вскоре он предложил ей обвенчаться. Сердце ее сжалось от недобрых предчувствий, но она не поверила себе и, конечно же, согласилась. Странно, с момента появления кавалера, она перестала испытывать счастье, которое дарили ей сны. И хотя по-прежнему ей виделся смутный образ Принца, но он уже не подходил к ней, а молча стоял в стороне, опустив голову. Она пыталась позвать его, приблизится к нему, но он тотчас исчезал.

— Почему вы избегаете меня во сне, мой добный Принц? — спросила Глея.

— Разве так трудно понять, — ответил он. — Я вернулся в эту настоящую жизнь из снов, которые мне надоели за триста лет. Но пусть Вас не тревожат Ваши ночные видения. Скоро мы отпразднуем свадьбу и покинем остров ради веселых впечатлений, счастливой, богатой жизни.

Только тут Глея поняла, что ее обманывают. Разве мог бы так отвечать настоящий Принц. Этой же ночью она легла спать, надев на голову корону. Опять вдалеке появилась туманная фигура Принца. Сделав невероятное усилие, она бросилась к нему и схватила за руку.

— Не бойтесь меня, мой возлюбленный, — сказала она. — Какой бы образ Вы не носили, я не откажусь от Вас. Прошу Вас, отведите меня к себе, чтобы я могла быть вечно с Вами. Не нужна мне корона, и пусть даже я лишусь этого чудесного острова, в моем сердце достаточно любви, чтобы быть с Вами и сделать Вас счастливым.

Слезы потекли из глаз Принца. В самый запущенный край острова отвел он Глею. Там стояло гигантское дерево секвойя, которое живет не одну тысячу лет.

— Я отдал свою жизнь этому дереву, чтобы дождаться Вас. В нем заключена моя душа и плоть, — сказал Принц.

— И Вы можете взять меня к себе и сделать тоже, чтобы мы были вместе? — спросила Глея.

— Ваша любовь способна творить такие же чудеса, — ответил он. Утром Глея велела кавалеру покинуть остров. Он рассмеялся ей в лицо.

— Поздно спохватились, Ваше Высочество! Мои воины на острове, и Ваши придворные на моей стороне. Мы отпразднуем нашу свадьбу сегодня же вечером, и когда я увенчу себя короной Принца, то отправлю Вас в долгое изгнание, если, конечно же, Вы не покоритесь моей воле.

Вечером страшная буря налетела на остров. Грязно загудели деревья. Все сильнее и сильнее раскачивались их могучие стволы под напором ветра, а потом вдруг сошли с места и двинулись ко дворцу. Воины кавалера хотели поджечь их, но ветер тушил огонь. Сплетая ветви, страшным хороводом шагали вокруг дворца ряды деревьев, и рев бури вторил их движениям. В ужасе бежали воины прочь с острова. Вслед за ними устремились и придворные. Буря тотчас стихла, и небо очистилось. Никто больше не мог найти остров по своей воле. Лишь терпящие бедствие суда и люди после кораблекрушения попадали на этот берег и находили здесь приют и спасение. Дивились моряки красоте вечноцветущего сада и, вернувшись домой, рассказывали о двух волшебных деревьях, что стоят, переплетаясь ветвями друг с другом, и хранят жизнь и покой одинокого острова.

ЦВЕТЫ

То ли в далкой, то ли в близкой стране, то ли давно, то ли совсем недавно жила-была принцесса Риола. Вряд ли ее можно было назвать капризной, однако никто не мог ей угодить. И дело заключалось вовсе не в ее чрезмерных желаниях — скорее, в ее искренности. Она терпеть не могла фальши, лести, угодливости, а придворный церемониал, словно нарочно, буквально лопался от избытка этих свойств. Слуги,

придворные дамы, кавалеры и даже сам король с королевой, встречая принцессу, немедленно расцветали сладчайшими улыбками

ми и тут же переходили к комплиментам и восхвалениям. И поскольку король время от времени пописывал стихи, то весь двор считал своим долгом следовать его примеру. Таким образом, иначе, как на языке поэзии, к принцессе не обращались. А поскольку для сочинения стихов и их разучивания требовалось время, то весь двор, все горничные, камеристки, фрейлины, часовые, молочники, пастухи иными словами, почти вся страна жила по особому времени, опережающему день принцессы на целый час. И вот стоило Риоле проснуться и открыть глаза, как со всех сторон на нее начинали сыпаться стихи.

«Какое прекрасное утро,
Но наша принцесса милее,
Глаза ее неба синее,
А кожа светлей перламутра»,

— неслось с одной стороны.

«Скажите, как спали, Риола?
Какими волшебными снами
Баюкало Вашу гондолу
В межзвездной, таинственной дали...»

— эхом откликнулось с другой.

Принцесса вначале сдерживалась от смеха, потом сердилась и, наконец, замыкалась в себе, холодно награждая своих не в меру ретивых слуг легким кивком головы. И целый день ей приходилось отмалчиваться и соблюдать учтивость, хотя глаза отражали постоянно сдерживаемые печаль и усталость.

Обиженные придворные пожаловались королю, что его дочь капризна и непредсказуема и угодить ей невозможно. Тогда владыка повелел Риоле самой выбрать себе слугу, который бы ее устраивал. К удивлению всех, принцесса взяла себе в слуги одного маленького пажа. Он вовсе не обладал ни красноречием, ни ловкостью, был рассеян, неуклюж, да и внешность его была самая заурядная. Сколько раз он просыпал время, когда следовало приветствовать принцессу по утрам, но Риола, казалось, не только не гневалась, но и оставалась им довольной.

— Он так прост и естественен и никогда не ломается и не играет чужих ролей, — говорила она.

В конце концов, пажу дозволили появляться у принцессы, когда она садилась на трон и собиралась заниматься какими-либо делами. Итак, каждое утро паж приходил к ручью, протекавшему за оградой дворца, мыл лицо, приводил в порядок свой бархатный камзол, чистил башмачки с золотыми пряжками и точил о камень свою маленькую шпагу. Закончив туалет и водрузив на голову голубой берет со страусиным пером, он шел служить принцессе. Вечером, возвращаясь домой, паж садился на берегу и высищивал какие-то мелодии, да так ловко, что будил птиц, и они присоединялись к его свисту. В результате под окнами дворца затевался настоящий концерт. Совсем неподалеку от этого места начинался дикий, темный лес, пройти через который решался не каждый. Густые высокие ели не пропускали свет к земле, вместо травы там

росли колючие кустарники и ядовитые грибы. Стai ворон населяли лес, увеличивая его недобрую славу, так что неудивительно, что лес прозвывали Черным. Но именно оттуда вытекал светлый, прозрачный и веселый ручей, который помогал пажу приводить себя в порядок.

И вот однажды утром паж, как обычно, явился к ручью. Солнце уже встало и слепило глаза. Вдруг паж увидел, как по течению плывет большая белая роза. Она, казалось, была сплита из снежинок, но благоухала так нежно и сладко, что мальчик, забыв о своих башмачках с золотыми пряжками, ступил в ледяную воду и достал удивительный цветок. На дворцовой башне часы пробили восемь раз, паж уже должен был быть в тронной зале. Вместе с розой он бросился ко дворцу. Придворные разинули рты, встретив пажа с цветком в руке.

— Кажется, мальчик подает надежды, — раздался шепот приближенных. — Не правда ли, он становится галантным? Надо послушать, что он произнесет, когда подарит розу принцессе!

Но он ничего не сказал. Только преклонил колено и протянул цветок Риоле. А она тоже ничего не сказала, только улыбнулась ему.

А на следующий день по течению приплыла алая роза. Она напоминала кусочек солнца, упавшего в воду, но не утонувшего, а оставшегося на поверхности, чтобы одарить людей счастьем и мечтой о любви. И эта роза источала пьянящий аромат, который кружил голову и будил чувства.

И этот цветок паж отнес принцессе, и она снова улыбнулась ему.

А потом были оранжевая, фиолетовая, желтая, голубая розы, и каждая заставляла восхищаться собой, но помимо этого пажа все больше влекла к себе тайна. Откуда приплывают цветы? Чтобы узнать это, нужно было отправиться вверх, по течению ручья, но дорогу преграждал Черный лес. Несколько раз паж пытался пробиться через него, но напрасно. Лес был просто переполнен волшебством. Чемтише ступал мальчик, тем более громким эхом откликался лес. Казалось, что деревья скрипят, как ржавые цепи, трещат, как выстрелы, и готовы обрушиться на сельчака, чтобы задавить его своими стволами. Колючий кустарник рвал одежду, хриплое карканье воронья сливалось в такой гул, словно толпа троллей хохотала над пажом. Сердце бедняги начинало биться в горле, в уши лезли злобные голоса, требующие, чтобы он повернулся обратно.

— Кэрр, кэрр, назад, назад.

И паж отступал. Но однажды он дал себе слово преодолеть все препятствия. И вот, в час рассвета он подошел к лесу. Глухо зашумели и закачались деревья, но паж вынул свою шпагу и, вместо того чтобы таиться, смело засвистел, вызывая Черный лес на поединок. И — удивительно — эхо не отзывалось. Мальчик, не выбирая пути, ступил на сухие сучья, они сломались, но опять лес не ответил. Вот это было чудо! Чем громче, смелее он двигался, темтише и покорнее вел себя Черный лес. Паж и не заметил, как, свистя и распевая, зашел почти в середину лесной чащи. Там было уже не так темно. Огромная, светлая поляна пересекала лес, и на ней росли чудесные цветы. К поляне вела окольная дорога, которая обрывалась у ручья. Но не это поразило пажа. На берегу стояла принцесса и бросала в воду очередную розу.

Прошло время. Паж, устыдившись своей недогадливости, добывал цветы уже без помощи принцессы и приносил во дворец. Самые редкие, самые прекрасные — украшали покой принцессы, но, увы, улыбка Риолы бледнела и появлялась все реже. Странно. Сердце пажа разрывалось от любви, и он готов был на подвиги, а принцесса словно отдалась от него. И вот, не вынеся того, что происходило, паж открыл свои чувства и просил дать ему возможность заслужить любовь принцессы, ради которой он готов пожертвовать своей жизнью. Задумчиво взглянула на него Риола.

— Добудь цветы, которые были бы единственными в мире, — сказала она. — Быть может, тогда свершится чудо, что заключено в истинной любви!

И паж отправился в долгое странствие. Много земель посетил он и всюду искал неповторимые цветы. Проходили годы, а его старания отыскать их оставались напрасными. Наконец, однажды он попал в далекие восточные страны. При дворе калифа славного города Аллахабада он увидел чудесный сад, где были собраны все цветы мира. Да, они росли в саду калифа, но не были единственными в мире, ибо их сородичи цвели в иных землях. Меж тем случай свел пажа с самим хозяином сада. Увидев печаль юноши, калиф заинтересовался, узнал его историю и предложил свою помощь.

— Сдается мне, что принцесса Риола хотела получить цветы сердца. Итак, твоя задача вырастить их и принести принцессе. Ступай в мой сад. Там у волшебного озера ты каждую ночь будешь представлять образ своей возлюбленной. Когда это тебе вполне удастся, среди звезд, отраженных в воде, ты найдешь ту, что связана с сердцем принцессы. Лучи ее сгустятся в серебряные семена. Их ты посеешь на берегу и затем будешь питать своими чувствами. Если твоя любовь истинна, ты получишь цветок, единственный в мире.

И прошел не один год, прежде чем паж сумел увидеть в воде озера образ своей принцессы. И еще несколько лет пролетело, когда, наконец, из серебряного семечка звездных лучей вырос цветок с прозрачными, светящимися лепестками. При свете луны они танцевали, как язычки холодного пламени, и переливались, подобно северному сиянию.

И подвиг был завершен. С караваном, посланным калифом сопровождать пажа, он прибыл на родину. О, как все изменилось за время странствий. Теперь уже не принцесса, а королева с усталым лицом приняла пажа в тронном зале. На лбу и около рта ее лежали морщины, но глаза были прежними. Они таили в себе ожидание чуда. Паж склонился перед нею и протянул свой дар. Долго молчала Риола, любуясь цветком, наконец, тихо спросила:

— И тебе нужна я, такая, какой я стала? Скажи, не умерла ли твоя любовь в тот самый момент, как ты встретил меня?

— Нет, — ответил паж. — Я столько лет видел тебя в волшебном озере, и твои глаза нисколько не изменились, а в их свете ты такая же прекрасная, как и прежде.

— Вот теперь я готова принять чудо твоей любви и волшебство цветка! — промолвила Риола и поцеловала цветок, а затем пажа. В один миг цветок вспыхнул и сгорел, а перед глазами изумленных придворных явились юный паж и юная принцесса. Взявшись за руки, они выбежали к воротам дворца. Там их ждал караван калифа. Никто не остановил их и не последовал за ними, но люди утверждали, что караван двинулся

сквозь Черный лес вверх по течению ручья, на который упала в тот момент лунная дорожка.

БЕЛЬМОНТЭ

Слышали ли вы когда-нибудь о долине Бельмонтэ? Она лежит в русле прозрачной веселой реки и со всех сторон окружена зелеными холмами. С их высоты кажется, что она вся заключена внутри витого серебряного кольца бегущей воды, а там, где круг почти завершается, живым драгоценным камнем сверкает небольшой водопад. Светлые цветочные поляны, задумчивые мшистые камни, аллеи старых ив и остатки горбатых мостиков над рекой — все исполнено памятью о какой-то забытой красоте. В лунные ночи долина раскрывает свою тайну, но те, кто проникнет в нее, теряют покой. Сон бежит от них, и они вновь и вновь приходят в долину Бельмонтэ, чтобы в долгиеочные часы смотреть на долину и медленно пить зачарованное вино лунного света.

В давние годы жила в этих местах бедная девушка по имени Юффа. Не было у нее ни родителей, ни своего дома, и даже особо примечательной внешностью не наградила ее природа. Зато никто другой не любил красоты так, как она. Все, что она делала, все, что ее окружало, непременно должно было обладать красотой. В деревне, где жила Юффа, смеялись над ней, когда она убирала с дороги камни или сломанные ветви, следила, чтобы сухие деревья не засоряли лес, подбирала мусор, выброшенный на улицу, но девушка не обращала внимания на насмешки. Юффа была бедна, но даже бедность не мешала ей одеваться с таким вкусом и опрятностью, что ей многие завидовали.

И вот однажды поздней осенью Юффа забрела в долину Бельмонтэ. Заброшенная пустынная местность с пожухлой травой и обнаженными стволами деревьев тем не менее оставалась прекрасной, напоминая королеву в одежде нищенки. Долго бродила девушка, пока не встретила у водопада старого гнома. Он заглядился на узоры пенных струй, заслушался их шума и уснул. Голова его все ниже и ниже склонялась над обрывом. Еще мгновение — и он бы упал в воду, но Юффа успела подбежать к нему и удержала на берегу. Гном проснулся и поблагодарил девушку.

— Что это за чудесное место? — спросила Юффа.

— Долина Бельмонтэ, — ответил гном. — Это владения Лунного Принца. Здесь, над водопадом, стоял когда-то замок с двенадцатью башнями. На каждой башне был поющий флюгер, и когда дул ветер, весь берег наполнялся тихой музыкой. В праздники с горбатых мостиков спускались гирлянды хрустальных палочек, и в брызгах волн они перезванивались и переливались от бесчисленных фонариков, которые зажигались на аллеях и вдоль реки. Сам Принц редко посещал Бельмонтэ. Однажды прекрасная принцесса Ярра, охотясь на оленя, оказалась у стен замка. Он так ей понравился, что она решила здесь остаться. Под Новый год она познакомилась с Принцем. В знак помолвки он подарил ей волшебный перстень, который мог останавливать время. Минута превращалась в час, неделя в целую жизнь. «Этот перстень служит счастью, но я прошу Вас не пользоваться его властью без меня!» — сказал Принц. Дела вынуждали его покинуть Бельмонтэ, и принцесса осталась ждать его возвращения. Меж тем охота наскучила ей, и она решила устроить бал. Множество гостей откликнулось на зов принцессы. Одни хотели увидеть ее красоту, другие Бельмонтэ, третьих привлекала молва о сокровищах, которые таятся в долине. Словом, на праздник собралось немало народа. Шумно восхищались гости всем, что увидели, но больше всего самой принцессой. Дамы, которые прибыли на бал, с завистью заме-

чали, что кавалеры забыли о них и мечтают лишь о том, чтобы на них обратила внимание хозяйка праздника. А она словно жаждала всех очаровать, всех бросить к своим ногам. Когда закончилось торжество и зазвучала музыка, целая толпа молодых людей окружила Ярру. Все наперебой приглашали ее на танец и ссорились между собой.

— Не волнуйтесь, — сказала принцесса. — Я обещаю станцевать с каждым, кто пригласит меня в эту ночь!

— Но если кто-либо захочет станцевать с Вами во второй разили в третий? — спросил какой-то рыцарь, покоренный красотой Ярры.

Забыв предупреждение жениха, она дала слово, что будет танцевать столько, сколько захотят ее партнеры. Подзадоренные юноши, не веря принцессе, решили танцевать с ней до упаду. И вот ночь уже была на исходе, а Ярра станцевала всего с тремя кавалерами. С десяток других ждали своей очереди. Тогда она повернула свое кольцо и остановила время. Танец следовал за танцем. И голова принцессы кружилась от признаний в любви и восторгов, расточаемых партнерами. По-прежнему в небе стояла луна, но странная тишина спустилась в долину. Среди всеобщего веселья никто не заметил, что свет луны стал особенно пронзительным, что в реке остановилось течение, что даже водопад словно остекленел и повис в воздухе. И когда бал кончился и принцесса повернула обратно свой перстень, ее кавалеры растаяли в воздухе, деревья и цветы рассыпались прахом и замок превратился в руины. Для всех, находящихся в долине Бельмонтэ эта ночь обернулась чуть ли не столетием. Одну лишь принцессу пощадило время, но и она была наказана. Долго бродила Ярра по заветным владениям, которыми завладел хаос. Долго не верила своим глазам, в которых отражались тлен и разрушение. А когда наконец пришла в себя, то вдруг обнаружила, что потеряла волшебный перстень. Напрасно она обыскала всю долину. Боясь гнева Принца, она покинула Бельмонтэ, не дожидаясь возвращения жениха. А он вскоре вернулся и застал свое гнездо разоренным. В тяжкой печали он прошел по пустым дорожкам и поклялся, что женится на той, которая вернет ему перстень. Со слезами выслушала Юффа историю, рассказалую гномом. С тех пор каждую свободную минуту она проводила в Бельмонтэ. День и ночь трудилась она, растаскивая камни, вскапывая землю. И вот снова зазеленели деревья, распустились цветы, посаженные Юффой. Таким волшеством владели ее руки, что вскоре Бельмонтэ обрел свой прежний вид.

В ночь полнолуния девушка подошла к водопаду и снова встретила старого гнома.

— Ты совершила чудо! — сказал он. — Ты вернула жизнь Бельмонтэ, и я могу тебе помочь увидеть прошлое. — Он поднял руку, и вдруг с горбатого мостика над водопадом, в широком разливе реки, Юффа увидела отражение прекрасного замка.

— Не бойся, войди в него! — сказал гном.

И девушка спустилась под воду по широким мраморным ступеням. В тронном зале у опрокинутого золотого кресла она нашла волшебный перстень Принца. Радостная, она вернулась на берег. Гном помахал ей рукой и исчез. С замиранием сердца Юффа представила себя рядом с Лунным Принцем, но вдруг чей-то смех прервал ее мечты. Подле нее оказалась прекрасная дама верхом на коне. Это была принцесса Ярра.

— Ты слишком торопишься в своих фантазиях, девчонка. Взгляни на себя и сравни со мной. Можешь ли ты соперничать? Этот перстень Принц подарил мне. Верни перстень, и я отблагодарю тебя за находку.

Тяжело стало на душе Юффы. Она подумала о том, что и впрямь не имеет права владеть волшебным перстнем. Сдерживая слезы, она протянула находку принцессе и тихо пошла прочь. На вершине холма, окаймлявшего Бельмонтэ, она оглянулась. С другой стороны долины кавалькада всадников спускалась к водопаду. Юффа отвернулась и заплакала. Утирая слезы, она вдруг оцарапала щеку. С удивлением Юффа поднесла руку к глазам. На пальце ее сверкал волшебный перстень. Тогда, не задумываясь, она побежала обратно в долину. У самого водопада стоял Принц со своими придворными... Против него, на другом берегу — Ярра.

— Я только что снова потеряла свой перстень, — кричала она, — но он был у меня, я нашла его!

Вдруг она увидела Юффу. Злоба исказила ее лицо:

— Вот эта девчонка украла перстень!

Принц отвернулся от Ярры и протянул руку навстречу Юффе.

— Неужели ты сделаешь эту дурнушку принцессой? — засмеялась Ярра, но вдруг умолкла. Красота природы вдруг соединилась с красотой души Юффы. Вся долина Бельмонтэ пришла ей на помощь. И она стала так прекрасна, что перстень Лунного Принца сам повернулся на ее руке и остановил время. Теперь он воистину служил счастью. Говорят, он до сих пор является тем, кто приходит на Бельмонтэ.

ДОМ

Как часто судьба человека оказывается связанной с судьбой дома! Роль декорации, которую мы отводим ему, отнюдь не ограничивает его возможностей. Порой мы обнаруживаем, что наша жизнь — лишь отражение того сюжета, что заложен в наших жилищах. В самом деле, взглядитесь в молчаливые лица домов старого города. В них можно прочесть и характер, и настроение, и судьбу. Шумная и бестолковая толпа, текущая по улицам, — лишь поверхность воды, в которой отражаются высокие, живописные берега.

В окрестностях Берлина, в местечке Гессен-Винкель, стоял старый, заброшенный дом. Среди богатых бюргерских коттеджей, окруженных подстриженными лужайками, аккуратными цветниками и прирученными деревьями, он отличался своеобразной дерзостью. Во-первых, он не старался броситься в глаза, а стоял скрытый запущенным садом с высокой травой. Во-вторых, его серый цвет бросал вызов белизне и красочности целой улицы. В-третьих, его ветхость и солидный возраст не скрывали известной стройности и благородства форм. На фасаде, украшенном тремя фантастическими ликами, располагалось полуокруглое окно, а над ним еще три узкие, напоминающие замковые, бойницы. Под высокой черепичной крышей, поросшей травой, находился каменный орел.

Сбоку был парадный подъезд, и перед входом, у двери стояла фигура медведя. В лапах его был щит с геральдическими знаками.

Жил ли кто-нибудь в этом доме, окружающие не знали. Старинная кованая ограда с прихотливым рисунком стерегла покой усадьбы. Кроме того, время от времени там появлялся огромный старый сенбернар, и его хриплый лай отгонял любопытных. Однажды судьба занесла сюда некоего художника по имени Толль. Разглядывая дом, он предался размышлению.

— Да это я сам! Если бы вздумалось мне изобразить себя в виде дома, я, пожалуй, не сделал бы лучшего автопортрета. Вся моя жизнь — это верность своему идеалу, это одиночество и заброшенность, это ослепительные мечты и отрезвляющая действительность!

Он еще долго изливал бы свои чувства, но руки его легли на решетку, и тотчас раздался легкий топот, и старый пес появился у крыльца. Увидев Толля, пес повел себя весьма необычно. Он не залаял, как всегда, а завыл так, что сердце у художника упало. Тщетно он пытался успокоить собаку. Сенбернар продолжал свою скорбную песню с такими всхлипываниями, как будто рыдал человек. Толль поспешил уйти. Меж тем странный дом продолжал притягивать его, и на следующий день, к вечеру, художник пришел опять. Закатные лучи солнца освещали пронзительную красоту дома, четкие и гармоничные пропорции, сочетающие легкость и изящество рисунка. Казалось, это был маленький замок в каком-то заповедном лесу, и отблеск на стеклах плавился в окнах, как в глазах, наполненных слезами. Толль собирался делать эскиз, но чье-то жаркое дыхание пахнуло ему в затылок. Если бы он уже не сидел на земле, то, вероятно, упал бы.

Позади него стоял старый сенбернар и размахивал хвостом, словно это был маятник напольных часов. Еще мгновение, и теплый язык прошелся по физиономии испуганного художника. Заручившись этим приветствием, пес двинулся вдоль ограды, поминутно оглядываясь на Толля и останавливаясь. Не могло быть сомнений, что он приглашает следовать за собой. Любопытство подтолкнуло художника, и он последовал за собакой. Былая роскошь интерьеров проступала сквозь толстые слои пыли. Паутина висела над карнизами, и из глубины картин манили какие-то морские горизонты и горные ландшафты. Пес, как гостеприимный хозяин, провел его по всем комнатам и, наконец, остановившись в последней, лег на пол. Старинные клавикорды с открытой крышкой будто ждали Толля. Тут же через распахнутую дверцу шкафа виднелся темно-синий бархатный сюртук, расшитый серебряной парчой. Парики висели на подсвечнике. Художник сохранил в душе еще достаточно детской непосредственности, чтобы воспользоваться этим. Он надел парик, сюртук и сел к клавикордам. Музыку он любил страстно, но не знал нотной грамоты. Тем не менее пальцы его, коснувшись клавиш, вдруг сами пустились в путь.

Толль играл, и ему не верилось, что это не сон. Инструмент звучал так, словно был настроен вчера. Окончив игру, он встал, снял парик и сюртук и поспешил покинуть дом. Пес проводил его до боковой незаметной дверцы, через которую они вышли, и вернулся назад.

Толль изо всех сил бежал к жилищу, которое снимал у одного из местных жителей. Там был рояль, и художник спешил удостовериться в том, что музыкальный дар, так внезапно открывшийся у него, не исчез. Но он исчез! Тщетно Толль запрокидывал голову и пытался предоставить своим пальцам свободу. Ничего не получалось.

И на следующий день художник снова пришел к дому. Долго он стоял подле него, не решаясь войти, и лишь к вечеру опять появился пес, и все повторилось, как в прошлый раз. Опять Толль облачился в старинное платье и обрел дар игры.

Так начался его роман с Домом. Постепенно он более подробно разглядел интерьеры. Среди картин, висевших на стенах комнат, он обнаружил один портрет. На нем были изображены мужчина и женщина. Он — с величественной осанкой и надменным выражением на гордом и холодном лице. Она — воплощенная нежность и воздушность. Скрытая печаль едва уловимо сквозила в ее улыбке. Но столько обаяния источали ее глаза, губы, мягкость черт и волнистые темные волосы, что это не портило ее, а скорее украшало. Но самое главное, что почувствовал художник, — в душе этой женщины жила музыка. Именно та волшебная мелодия, что звучала из-под его пальцев, рождала в ней отклик, как если бы он произносил ее имя. Пугаясь собственных фантазий, предполагая, что все это бред и он сходит ума, Толль тем не менее снова и снова приходил в Дом, чтобы играть и разглядывать портрет прелестной незнакомки.

Приближалась осень, у художника кончались деньги, дела призывали его покинуть эти места, но он не мог. Запах старого дерева, книг, засушенных цветов, стоявший в доме, музыка и портрет зачаровали его и не разрешали разлуки. Вскоре странные обстоятельства стали вмешиваться в его жизнь.

Так, однажды хозяин особенно настойчиво требовал у него денег за квартиру. Выведенный из себя, художник предложил хозяину послать счет по адресу дома, который его околовал. Через день хозяин, сладко улыбаясь и раскланиваясь, предлагал жить, сколько захочется. Та же история повторилась в таверне, где Толль столовался. Оказалось, что счета, которые посыпались на таинственный дом, безоговорочно и щедро оплачивались. Деньги приходили по почте, поэтому он не мог узнать, кто ему покровительствует.

Вконец расхрабрившись, художник решил переехать жить в этот дом. Никто не препятствовал ему, и, более того, роясь в старых бумагах, он обнаружил документы, где достаточно было проставить свое имя, чтобы стать полноправным владельцем усадьбы. Толль был счастлив. Его нетребовательная натура получила в этом доме все, чего он не мог добиться в жизни. Он мог любить, он мог творить, он мог не зависеть ни от кого и ни от чего. Живопись и музыка царили в его мире, и вдохновляла его прелестная женщина со старого портрета.

Стоит ли описывать подробности жизни художника! Прошло немало времени, и он почувствовал возраст своего тела. Тела, повторяю я, а не души. Она сохраняла молодость и побуждала искать решение странной загадки, изменившей его жизнь. Кто-то подарил ему дом, кто-то давал ему средства для жизни, и он надеялся найти своего таинственного покровителя. Наконец, поиски Толля привели его в иную страну, где он встретил женщину-музыканта, так напоминавшую ему портрет! Она была так же, как и он, немолода, и пылкие признания художника, а еще больше объяснения и рассказ о старом доме скорее удивили, чем тронули ее. Тем не менее что-то забытое шевельнулось в ее памяти, и, сама не зная почему, она решила взглянуть на таинственную усадьбу. Когда они вошли в дом, старый пес кинулся к ее ногам и никак не мог успокоиться в изъявлении своих восторгов.

— На место, Неро! — вырвалось вдруг из ее уст, и собака послушно легла на пол.

— Вы знаете его имя? — спросил пораженный художник.

— Да, знаю, хотя и не помню, откуда, — ответила она. — Но вы говорили о музыке. Какая-то соната, которую вы могли исполнять.

Он молча надел старинный наряд и сел к клавикордам. Зазвучала музыка, и слезы потекли по лицам старииков. Завеса времен пала с их памяти, и свершилось чудо. Когда они подошли к зеркалу, чувство любви преобразило их и к ним вернулась молодость. Взявшись за руки, они вспомнили историю, которая насчитывала более чем двести лет. Это была их история.

Верной Лесс, известный композитор, был горд не только своим музыкальным даром, но и своей родословной. Поздно женившись, он удивил этим браком не только свою родню, но и друзей и знакомых. Столько известных семей с не менее древней фамилией мечтало породниться с композитором, но он выбрал простую женщину — одну из своих учениц — и, не давая объяснений, замкнулся в своем доме. Странности его поведения не поддавались объяснению. Да, конечно, жена маэстро была хороша собой и подавала большие надежды в музыкальном искусстве, но это казалось явно недостаточным для требовательного Вернона Лесса.

Протекли годы. Известность композитора и его успех росли, а о его жене почти ничего не было слышно. Вернон редко появлялся с ней на людях, и даже на его концертах она не присутствовала. Возможно, это не тяготило Ильфу, как звали супругу Вернона. По крайней мере, никто и никогда не замечал следов печали на ее лице. И вот однажды в семейный быт композитора вошел еще один человек. Опять же, это был один из многочисленных учеников Вернона. Поздний интерес к музыке и отсутствие средств для жизни ставили неодолимую преграду его карьере. Тем не менее именитый маэстро не захотел расставаться со своим учеником, но предложил ему место дворецкого в своем доме. Наверное, это была роковая ошибка Вернона Лесса, который никогда уже не сумел поправить ее. Ученик, или Пришелец, как его прозвал композитор, без памяти влюбился в свою хозяйку.

Нет, он ничем не выдал своих чувств, но проницательность его помогла открыть тайну музыки маэстро. Ильфа, постоянно находясь в доме и, по настоянию мужа, забросившая игру на инструменте, развлекала себя пением. И в ее импровизациях дворецкий узнал те мелодии, что составляли славу ее мужа.

«Вот источник гармонии и красоты, который бьет для благополучия маэстро», — думал Пришелец и мечтал о том, чтобы создать музыку, которая тронула бы сердце Ильфы.

Чем еще он мог подать весть о своей любви, не ранив ее и своего хозяина, который оказал ему благодеяние? В древних книгах он читал, что люди, как и вещи, обладают изначальными именами, и знание этого имени открывает путь к душе человека. Так или не так, но любовь Пришельца открыла ему имя Ильфы в звуках сонаты, которую он сочинил. В один из дней, когда маэстро отсутствовал, дворецкий сыграл хозяйке свою сонату. Она ничего не сказала ему, лишь коснулась легким поцелуем его лба. Прошло еще немного времени, и дом наполнился новыми песнями Ильфы. Муж ее не успевал записывать и обрабатывать новые темы, пока не догадался, в чем дело. Его дом стал жить без него. Сердце жены его исполнилось любви, и в ней он был лишним. Два чувства вспыхнули в композиторе. Одно было ревностью и негодованием, второе — удивлением и восторгом музыканта.

Песни Ильфы, положенные в основу его творений, обещали ему славу и преклонение толпы. Оборвать эти песни — значило потерять то, чем он дорожил, и он выбрал

первый путь. Впрочем, он длился не так долго. Однажды выйдя из себя, он устроил Ильфе бурную сцену. Спокойно выслушав его, она вскользь заметила, что ее мелодии звучат в его музыке.

— Твои песни не лишены интереса, но весьма среднего уровня, — ответил он. — Если бы не моя обработка, их вряд ли бы стали слушать.

Она ничего не ответила и ушла в свою комнату. Тогда он попытался нанести удар дворецкому. Он уволил его. Ильфа перестала петь, и через неделю он сам отправился отыскивать Пришельца, чтобы вернуть его своей жене. Дважды еще он пытался избавиться от соперника. Он подсыпал ему яд в пищу, но случайно Пришелец отдал ее домашнему псу Вернона, и тот издох. Вернон подговорил наемных убийц расправиться с Пришельцем, но, весь израненный, тот возвратился домой, и любовь Ильфы исцелила его. Так проходили годы. Самое страшное для композитора было то, что жена и ее молчаливый возлюбленный оказались неподвластны времени. Сам Вернон Лесс состарился, а эти двое словно молодели от своей любви. Они были в его власти, но жили своей жизнью. Единственное, что огорчало Пришельца, что он не имел ни средств к существованию, ни своего угла. Вернон, и Ильфа чувствовала то же самое. И для нее дом Лесса оставался чужим домом, где Пришелец и она были пленниками.

Как-то, гуляя в окрестностях Берлина, они увидели прелестную усадьбу, которая пленила обоих.

— Как-нибудь, в следующей жизни, когда я буду богатой, я куплю тебе этот дом! — сказала Ильфа.

Наступила ее следующая жизнь, но она не нашла в ней возлюбленного. Тем не менее, помня обещание, она приобрела усадьбу, и оставила завещание для него. Вместо него в дом явился Вернон Лесс. Он отыскивал Ильфу. Чары дома или его собственные необузданые стремления, превратили его в пса, который некогда служил Ильфе и был по ошибке отравлен Верноном вместо Пришельца. Наконец, пришел срок для усадьбы, и Пришелец оказался в доме Ильфы. Теперь он уже отыскал ее, и соната вернула им любовь и молодость

ПРИНЦ ДЕЛЬФИН

Всякий ли знает, что таится в его душе? Вот жил Принц, который больше всего на свете любил море. Каждую ночь ему снились удивительные сны, будто он дельфин и плавает в морских просторах или погружается на дно, где среди изумрудных водорослей возвышаются коралловые дворцы. В одном из них он встретил юную русалку с длинными золотыми волосами, которые звенели, как струны, когда она их расчесывала. Нежнейшие мелодии рождались из волшебных волос, и русалка в лунные ночи пела под них чудесные песни. Конечно, принц Дельфин влюбился в нее без памяти, и когда наступало утро и он просыпался в человеческом облике, яркое солнце и роскошь дворца, прихотливая пышность парка и все великолепие земной жизни уже не радовали его. Он мечтал только о том, чтобы скорей заснуть и вернуться в глубины моря.

А все дело заключалось в том, что, когда принц был еще ребенком, он случайно убежал из дворца и забрался в рыбачью лодку. Сильный шквал сорвал ее с привязи и понес в море. Грозные волны захлестнули лодку, и она пошла ко дну. Король и королева, объятые ужасом, на берегу оплакивали своего сына, когда в прибрежных волнах вдруг

появилось гибкое тело дельфина. На его спине, уцепившись за плавник, лежал маленький принц. В одно мгновение мальчика подхватили руки верных слуг и передали его в объятия родителей, принц был спасен, а дельфин уплыл в море. В память об этом случае на берегу воздвигли золотой памятник: мальчик в короне верхом на дельфине застыли на гребне волны.

Верно, об этом уже можно было и забыть, но их встреча, оказалась, имела последствия. С того рокового дня дельфин, спасший принца, стал видеть земные сны. Он превращался в человека, одевал блестящие наряды, гулял в покоях дворца, танцевал с придворными дамами на праздничных балах. И вот одна фрейлина, у которой кожа была белее лепестков лилии, а глаза сияли, как морской жемчуг в лучах солнца, пленила сердце дельфина. И также как принц, дельфин полюбил свои сны больше, чем жизнь.

Но при дворе принца жил старый мудрый Астролог. Узнав про заботы своего юного повелителя, он полистал свои старые мудрые книги и велел принцу в ночь полнолуния выйти на берег моя. Какие заклинания он читал, никто не может сказать, однако дельфин тоже приплыл к берегу, и с той ночи принц стал видеть нормальные человеческие сны, а дельфин потерял всю свою ревность и лишь угрюмо слушал рев прибоя в скалистых гrotах. Им стало так скучно жить!

И вот, желая развеять тоску, принц решил жениться. По странной воле случая он выбрал себе невестой ту самую фрейлину, в которую был влюблен дельфин. А в это время на морском дне русалка принца выходила замуж за дельфина. В свадебную ночь, покинув веселую толпу гостей, принц пришел на берег моря. Тишина царила над волнами, и вдруг он услышал голос своей Русалки. Она пела так печально, что он шагнул в воду и поплыл на ее зов.

Прекрасная фрейлина, разыскивая принца, тоже оказалась на берегу. Лунные лучи ярко озаряли ее тонкую фигуру в белоснежном платье невесты, и она словно превратилась в волшебного лебедя, готового взлететь над волнами. Дельфин увидел ее из глубины моря и понесся к ней навстречу. На середине пути он столкнулся с Принцем. В тот миг оба нуждались в помощи, ведь русалка испугалась бы человека, а фрейлина убежала бы от дельфина. «Спаси меня!» — прошептал принц дельфину. «Спаси меня!» — как эхо отозвался дельфин. Они встретились взглядами, и душа каждого переселилась в сердце другого.

И вот принц с душой дельфина вернулся на берег и был счастлив в своей любви к фрейлине, а дельфин с душой принца доплыл до своей русалки и тоже был очень счастлив. Но видели ли они прежние сны или иные, трудно сказать. Никто, даже старый Алхимик, не знал об этом. Во всяком случае его больше не просили поменять сновидения.

СКАЗКА БЕЗ КОНЦА

У самого берега моря лежала страна песчаных дюн. В ней росли необычайно стройные, высокие сосны, густые серебристые ели, лохматый можжевельник. Весь лес слушал море и подчинялся ему, Разными голосами шумели деревья, откликаясь на прилив или отлив, эхо морского прибоя не покидало зеленых угодий ни днем, ни ночью. Но, увы, лесные массивы располагались только вдоль берега и поблизости от светлых рек, сразу за ними находилась безграничная

пустыня с движущимися дюнами. Ничто живое не смело противостоять им, и лишь приближаясь к морю, они замирали гигантскими холмами и покрывались острой голубой осокой и шепчуцим сухим тростником. И был когда-то в этой стране юноша по имени Кэн. Единственный из жителей он не боялся зыбучих песков и находил в них красоту. Часто уходил он из города, чтобы послушать тишину пустыни или нежный звон пересыпающихся песчинок. Однажды он забрался довольно далеко и торопился вернуться обратно. Закатное солнце заливало дюны мягким, таинственным светом, и вдруг на одном из самых высоких холмов Кэн увидел стройную женскую фигуру. Она стояла, приподнявшись на цыпочки, и ветер, дувший ей в спину, заставлял ее изгибаться, как натянутый лук. Лицо ее было обращено к морю, в которое опускался солнечный диск, и прозрачная блестящая ткань развевалась у ее плеч, подобно дрожащим крыльям стрекозы.

Кэн залюбовался чудесным видением, а затем поспешил к нему, но, когда он поднялся на дюну, девушка исчезла. Раздосадованный, он опять поспешил домой. Однако стоило ему отойти на прежнее расстояние, как он снова увидел ее. На следующий день юноша вернулся на это же место, и все повторилось, как накануне. Вначале Кэн рассердился, что с ним играют, но затем это ему понравилось. Он приходил к дюнам, забирался на ту, которая была поближе, и смотрел на девушку. Он, видимо, тоже вызывал ее интерес, и временами до него долетал ее нежный голос, напевающий тихие песни. Когда однажды он опоздал к часу обычной их встречи, она запела очень громко, и дюны вокруг зашевелились и стали двигаться. Тогда он понял, что незнакомка, пленившая его сердце, — фея. Вскоре они сумели разговаривать друг с другом на расстоянии, просто посыпая мысли на крыльях своих чувств, и Кэн узнал, что девушка совсем не играла с ним. Так же, как и он, она теряла способность видеть его, когда он приближался.

Долго это продолжалось или коротко, но Кэн научился петь и повторял песни феи в городе, где он жил. Люди заслушивались им и, потому что в его мелодиях звучали напевы вечернего ветра, унылые голоса пустыни, страстные вздохи моря, ласкающего спящий берег.

Однажды юный принц, правивший страной, услышал Кэна и позвал его во дворец.

— Скажи мне, откуда ты берешь свои песни? — спросил он, и Кэн рассказал о фее из дюн. Принц удивился и решил проверить его слова. Дождавшись вечера, он взял одежду Кэна и отправился к тем местам вместо него. Фея очаровала его, и он решил жениться на ней.

Вернувшись во дворец, принц призвал к себе самого мудрого звездочета и повелел ему узнать способ, как он может приблизиться к фее, чтобы она не исчезала.

— Она должна полюбить вас, а вы ее и тогда, если ваши чувства вырастут, вы сможете не исчезать друг для друга, — сказал мудрец.

— Нет! — ответил принц. — Это слишком долгая история, а я не умею ждать. Тогда звездочет принес ему волшебную ветку мирта.

— Пока эта ветка в твоих руках, повелитель, вы будете зримы друг для друга.

— А для окружающих? — спросил принц.

— Для остальных фея останется невидимой.

— Это меня очень устраивает, — воскликнул радостно принц, ибо страдал от одного недостатка. Он во всем хотел быть единственным и страшно ревновал, если кто-то обладал тем же, что и он.

Итак, все случилось так, как желал принц. Кэн запретили уходить в дюны, а принц отправился к фее и убедил ее, что это он сидел на холме, слушая ее песни.

Во дворце отпраздновали пышную свадьбу и принц был в восторге от того, что никто не видит его прекрасной невесты. Прошло какое-то время, и Кэн узнал об обмане. Разлука с феей так усилила жажду видеть ее, что теперь он, сам того не зная, мог спокойно подойти к ней, не боясь, что она исчезнет для его глаз. Тоже самое случилось и с феей. Она очень скоро догадалась о подмене возлюбленного, но ничего не могла поделать. У нее уже родилась дочь, и все поданные теперь убедились, что их повелитель не сошел с ума, когда обвенчался с невидимкой — наследница престола оказалась зримой для всех, кто имел обыкновенные глаза.

Но дороги любящих не прерываются.

Как-то Кэн случайно попал в королевский сад и встретил свою фею. Они мигом узнали друг друга и бросились в объятия. Теперь уже никто, кроме принца, не мог помешать им встречаться. Ах, как грустно продолжать...

Фея была невидимкой, но Кэн не мог скрыться от людей, и вот кто-то донес принцу о странном поведении юноши, который обнимал и целовал воздух. Гнев владыки был ужасен, тем более, что он вспомнил слова звездочета о способности любящих видеть друг друга. Кэна схватили и приговорили к смертной казни. И тут произошло невероятное: дважды палач пытался отрубить голову осужденному и каждый раз кто-то мешал ему: то закрывая глаза, то подталкивая под руку. Народ, пораженный этим, требовал помиловать Кэна, но принц заявил, что согласится на это, если что-нибудь сорвет казнь в третий раз. Он-то понял, в чем дело...

Взяв в руки ветку волшебного мирта, сам одел маску палача и отправился на площадь. Но все-таки и на этот раз принц просчитался. Чтобы нанести удар, ему пришлось отложить мирт и, когда он опустил меч, раздался тихий женский вскрик.

Лезвие меча не коснулось Кэна, зато принцесса упала бездыханной рядом со своим возлюбленным. Но жертва феи оказалась не напрасной. Ее способность быть незримой оставила ее тело вместе с жизнью и передалась Кэну.

Изумленная толпа увидела, что на помосте вместо исчезнувшего преступника лежит прекрасная женщина. Палач закрыл лицо руками и, отвернувшись, бросился бежать, забыв захватить миртовую ветку.

Кэн открыл глаза, но никого не увидел вокруг себя. Город казался ему пустым, и он отправился в дюны искать свою фею.

Прошло еще много лет. Одна юная девушка, больше всего на свете любившая песни и дюны, отправилась как-то за город и увидела на одном из холмов прекрасного юношу, который смотрел, как заходило солнце, и что-то пел. Девушка не смогла приблизиться к нему, так как он каждый раз исчезал, но сердце ее потянулось к нему.

Она стала ежедневно приходить в дюны, где училась песням незнакомца. Однажды ее услышала выросшая дочь принца и феи-невидимки.

— Отведи меня в дюны на то место, — повелела она девушке. И вся история повторилась...

Глава 2. ПОЗНАНИЕ СЕБЯ: РАЗРЕШЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Сказки, приведенные в этой главе, помогут в кризисные периоды жизни человека, в то время, когда он ощущает потребность осмысливать события своей жизни, изменить взгляд на мир и самого себя, «перестроить» систему ценностей.

Психолог, сказкотерапевт, может использовать эти сказки в следующих случаях:

- когда у клиента есть потребность осознать свое предназначение, свое место в мире, понять свои устремления и подобрать соответствующие им средства достижения;
- когда у клиента меняется отношение к миру, он решает для себя: что принять как данность, чему доверять, что активно изменять;
- когда клиенту нужна помощь в оценке и интерпретации событий своей жизни;
- для выявления личностного ресурса;
- в разговоре об общечеловеческих ценностях.

Вопросы для размышления и обсуждения:

- Какой отклик вызвала у вас эта история?
- О чем, по вашему мнению, эта сказка?
- О чем, быть может, вам захотелось поразмыслить или поговорить после этой сказки?
- Как вы думаете, к чему стремились герои этой истории? Добились ли они того, чего хотели? Что помогало и что мешало им на пути?
- Согласны ли вы с тем, как закончилась эта история? Если да, то какая закономерность привела героев к такому финалу? Если нет, то как, по-вашему, должна была закончиться эта сказка и почему?
- Взяли бы вы что-то важное для себя из этой истории? Если — да, то что?

ИДЕАЛЫ

В одном месте в одно время жили как-то четыре мечтателя, и все они считали себя несчастными. Один был король. Власть, богатство, слава пресытили его, и он мечтал быть простым садовником, чтобы выращивать цветы. Другой был принц, который

грезил троном и хотел быть таким же великим королем, каким видел своего отца. А в их парке, окружающем дворец, жили еще двое фантазеров — прекрасная Садовница и ее дочь. Садовница преклонялась перед блеском и пышностью королевской жизни, втайне мечтая видеть своего ребенка принцессой, и воспитывала ее так, словно это уже было на самом деле. А ее дочь, напротив, очень любила дело своей матери и кроме как садовницей никем не хотела становиться.

И вот однажды Король, желавший счастья сыну, лишил его наследства и повелел отправиться в самый глухой уголок страны. Там, в окружении дивной природы, среди лесов, гор и озер Принц должен был учиться красоте. В небольшом охотничьем домике с садом и теплицами Принцу надлежало жить и выращивать новые сорта цветов. Чтобы придать ему больше усердия, Король обещал вернуть ему право на престол, если он вырастит самые прекрасные розы на свете. Некому было заступиться за Принца. Его мать скончалась еще в пору его детства. Проклиная судьбу и отцовскую заботу, он был вынужден покориться. И вот как-то Король, прогуливаясь по парку, случайно встретился с дочерью Садовницы. Она была так мила, что он залюбовался ею. Воспоминания о королеве, о любви наполнили душу владыки. Когда-то ему очень хотелось иметь дочь... и тут-то его осенила идея. А почему бы ему вновь не воспользоваться своей властью и не сделать все, как ему надо? Отправил же он сына набираться ума и приобщаться к красоте? Не откладывая решения в долгий ящик, Король отправился к Садовнице и тут же получил согласие удочерить прелестную девушку. Не прошло и нескольких дней, как жителей страны оповестили, что вместо Принца у них будет Принцесса, которая и наследует престол.

Трудно представить себе, как ликовала теперь Садовница. Она поселилась во дворце и, облачившись в роскошные бархатные платья, могла с успехом соперничать даже с собственной дочерью, а не только с придворными дамами. Честолюбивые фантазии уже рисовали ей не только место первой дамы двора, но и королевские регалии. В самом деле, почему бы, удочерив ее дитя, королю не сделать предложение ей самой?

Меж тем новоявленная Принцесса отнюдь не разделяла восторгов матери. Да, она подчинилась ее желанию и воле Короля, но это вовсе не сделало ее счастливой. Единственным утешением ее были минуты, когда она сбегала в сад, чтобы продолжать ухаживать за своими цветами. И вот однажды случилось так, что Принц, тосковавший по дому, вернулся обратно и тайно проник во дворец, чтобы родные стены поддержали его дух. Прекрасной Садовнице тоже не спалось в эту ночь, и она разгуливалась по галерее в надежде встретиться с Королем. Лунное сияние, проникавшее в высокие стрельчатые окна, заливало все волшебным светом и рождало самые невероятные чувства. В роскошном пустом зале, где обычно происходили торжественные приемы, Садовница пустилась танцевать, а затем, достав корону дочери, надела ее и уселась на тронное место. Она и не подозревала, что кто-то за ней наблюдает. Но свидетелем ее прелестных шалостей оказался Принц. Он был молод, горяч и, приняв Садовницу за ту самую Принцессу, которую удочерил его отец, немедленно влюбился. Еще через мгновение он пал к ее ногам, осыпая признаниями вперемежку с упреками, что она похитила у него отца, корону и наследство. Испуганная Садовница вначале не знала, как себя вести, но потом быстро пришла в себя. Коленопреклоненный Принц, напоминающий своего отца в молодости, объясняется ей в любви?! Головка ее закружила от счастья, и она не стала отнимать от него своих рук, которые он покрывал поцелуями и слезами. Утро едва разлучило их, но оба жаждали нового свидания. Итак, Принц тайно обосновался поблизости от дворца. Садовница размышляла, как бы помочь ему вырастить лучшие в мире розы. А Король? Король тем временем проводил время со своей названой дочерью. О, сколько тайн своей души

открыл он ей, сколько очаровательных сказок узнала она! За беседами они забывали о завтраке, обеде и ужине. Долгие часы длились рассказы Короля, а Принцесса слушала их, затаив дыхание.

Шло время, и, чтобы пресечь сплетни и злые толки, Король решил устроить турнир, дабы самому отважному рыцарю вручить руку Принцессы. Узнав об этом, бедный Принц пришел в ужас. Ведь он так и не догадался об истине. Неужели его возлюбленная Принцесса будет принадлежать другому? Презрев ослушание, он явился к отцу и заявил, что любит Принцессу и просит отдать ему ее руку. Король пришел в ярость:

— Вы все-таки решили усесться на трон во что бы то ни стало. Как вы могли полюбить Принцессу, если никогда не видели ее? — гневно вопросил он. Могли Принц бросить тень на свою возлюбленную? Нет. И он молчал. Король вновь прогнал его прочь от двора.

В день турнира много знатных юношей съехались попытать свое счастье. И, конечно среди всех выделился неизвестный рыцарь, нежелающий до конца турнира поднять забрало. Никто не мог устоять перед его отчаянной доблестью, и еще до конца турнира всем стало ясно, что победителем окажется именно он. Король внимательно следил за поединками и выражал поощрение его успехам. Внезапно брови его нахмурились. Как же это он не догадался, что храбрый рыцарь — его собственный сын? Конечно же, Король мог гордиться Принцем, но он в третий раз ослушался отца и снова боролся за корону! Возможно ли стерпеть такую дерзость? Сказавшись нездоровым, Король покинул турнир. Не прошло и получаса, как на ристалище выехал новый рыцарь, чтобы сразиться с победителем. Долго длился равный бой. Рыцари сошли с коней и скрестили мечи. Пыль стояла столбом, ничего не было видно, до зрителей лишь доносился звон, словно кто-то торопливо ковал железо. Наконец раздался особенно громкий Удар. Последний соперник пал, и снова победителем оказался незнакомый рыцарь. Тяжело ступая, он приблизился к герольдам. Они протянули ему венок из золотых цветов. Рыцарь взял его, подошел к трибуне и положил к ногам прекрасной Садовницы, которая сидела рядом с принцессой. Однако не успел он произнести слово, как его противник, лежавший на ристалище, вскочил и закричал, что бой еще не окончен.

Снова засверкали мечи, но на этот раз счастье изменило неизвестному герою, и он в свою очередь растянулся на земле. Король, а это был он собственной персоной, стал оглядываться, ища венец победителя. Увидев его на коленях у Садовницы, он крайне удивился и протянул к ней меч. Растряянная дама вместо золотого венца одела на его оружие венок, сплетенный из живых благоуханных роз. Их накануне турнира принес ей Принц. Король готов был разгневаться, но вместо этого восхитился цветами.

— Это самые лучшие розы в мире! — произнес он и передал их Принцессе. — Откуда они?

— Их принес ваш сын! — ответила дрожащая Садовница.

— Ну что ж, видно это судьба! — промолвил Король. — Приведите Принца в чувство. Я возвращаю ему престол и корону, но, поскольку он побежден, то дело самой Принцессы принять его предложение или отвергнуть.

Принцесса молчала. Принца быстро поставили на ноги.

— Чьей же руки вы просите? — спросил недоумевающий Король.

— Отец, — сказал тот, вновь с удивлением переводя взор с Принцессы на Садовницу и обратно. — У вас, оказывается, две принцессы! Глаза мои разбегаются, но сердце не обманывает. Вот мой выбор! — и он склонился перед Садовницей.

— Фу, — сказал Король. — Довольно с меня этих чудес. Оставайтесь править страной, а я отправлюсь на ваше место. Если вы не поняли своего счастья, то я совсем не обязан отказываться от своего, прощайте! Нет больше Короля, а есть Садовник!

От повернулся и пошел прочь. У самого выхода из столицы его нагнала Принцесса.

— Ваше величество, ваше величество, — залепетала она. Король не отвечал.

— Господин Садовник, — вновь обратилась принцесса. — Не будете ли вы так добры взять меня с собой? Я тоже хочу выращивать самые лучшие розы в мире.

— Да сумеете ли вы? — с сомнением спросил Король.

— Наверное, да. Ведь те розы, что вы признали лучшими, вырастила я в вашем саду. И сегодня ночью принц изволил из срезать.

Мог ли после этого Садовник отказать ей, судите сами.

НАСЛЕДНИК ФАРАОНА

Наверное, невозможно описать словами впечатление от этого лица. Высеченное из песчаника, оно хранило в себе невыразимую тайну и очарование пустыни. Да, конечно, жестоко солнце, сух и безжизнен зыбучий песок, но какие миражи рождает это дно земли, какие истины открывает оно, что пророки УХОДЯТ за ними прочь от людей, прочь от любой иной стороны жизни. Кто из поэтов Востока не пел в своих стихах красу пустыни? В утренние часы, когда она обнажает свою наготу из-под синеватой дымки, в которой прячутся последние следыочных сновидений. В полуденный жар, когда в раскаленном воздухе плавают безумные глаза джиннов, когда в белизне песка и солнечных лучей жизнь и смерть перестают различать друг друга. В вечернюю пору, когда гряды дюн отбрасывают тени с такой нежностью, словно художник, затаив дыхание, изображает бессмертную красоту засыпающих богинь. В ночное время, измеряемое звездами и зеркалом небес, в которое глядится сам Создатель вселенной...

Так голова девушки, еще не простившейся с детством и уже шагнувшей в пору трепетной женственности — в ней, говорю я, в ее улыбке воплотилось лицо самой пустыни во всей ее роскоши и убийственной беспощадности. И не потому ли, глядываясь в этот скульптурный портрет, я вдруг обнаружил за прозрачностью ее черт еще одно лицо. Столь же нежное, как и первое, оно принадлежало уже юноше и таило в себе тихую грусть. Я на мгновение закрыл глаза, а затем снова взгляделся в портрет. Эффект двойного лица повторился, но в ином варианте. Теперь уже девушка была печальна, а юноша улыбался... Лица поочередно меняли свои выражения, а я, не понимая этой загадки, чувствовал, что близок к расстройству разума.

Никто из сотрудников музея не мог дать сколь-нибудь удовлетворительных сведений об этом произведении, пришедшем из тьмы веков. «Голова египетской принцессы..?»

— сухо именовался портрет, в конце стоял вопросительный знак. Ни даты, ни имени, ни места, где был найден портрет, чтобы связать его с какой-либо династией...

Проходило время, а голова прелестной египтянки словно поселилась в моей душе и стала почти навязчивостью. В каких глубинах моего подсознательного пролегла трещина, и сквозь нее просочились воды иного мира, чтобы поколебать то, что я считал реальностью? Я стал искать особый смысл за обычными вещами, я вглядывался в лица окружающих, пытаясь увидеть за ними что-то еще, новое и неизвестное мне. Мне стало казаться, что в бесконечном кружении вселенной повторяются одни и те же события. Время движется не вперед, а по кругу, и возвращает нас в давно прожитые жизни. В них мы встречаем уроки, которые не сумели понять и выучить. Снова и снова мы повторяем свои ошибки либо находим новые верные пути.

И вот каждый шаг мой стал повергать меня в долгие и мучительные раздумья. Верно ли я поступаю? Что принесет мой выбор? Рухнут ли чьи-то царства, если я ошибусь? Восстанут ли в красоте и мудрости иные народы, если я поступлю правильно? Продолжать так жить дальше не было сил. Отлично зная корень всех моих несчастий, я решил либо выкинуть из своей души впечатления от египтянки, либо пробиться сквозь него к разгадке этой двойственности. Почему улыбка девушки скрывала печаль юноши? Что за смысл заключается в их игре, когда они менялись местами? Имея некоторые художественные способности, я взялся за глину.

Старый, но верный способ избавиться от впечатления — вновь пережить его и выплеснуть свои чувства, выразив их тем или иным способом. Итак, я взялся за глину, чтобы затем перейти к камню. Голова египтянки, извлеченная из моей памяти, заколебалась передо мной в зыбком тумане. Страх охватил меня, когда я вдруг осознал, что вижу не каменное изваяние, а лицо из живой человеческой плоти.

— Или! — сказала она, обращаясь ко мне, и я всем существом своим откликнулся на это имя. — Время идти, караван ждет тебя! — снова прозвучал ее голос, в сравнении с ним звуки арфы показались бы шепотом ветра. О, воистину было время идти, не зная куда, не ведая дороги, не предполагая, кончится ли путь и если да, то чем.

Никто из придворных фараона не знал, зачем собирались к нему жрецы и звездочеты, но смутная тревога поселилась во дворце. Мешаясь с домыслами, поползли из дворца слухи — один фантастичнее другого, и лица людей темнели от предчувствий. Говорили, что Озирис выпустил из рук своих судьбы Египта, что Изида в гневе и печали покинула своего царственного супруга, и ныне страна обречена на гибель. И уже на базарах шептали о том, что вместо светлых аистов какие-то стаи черных птиц спустились на великие пирамиды, а воды Нила переполнились крокодилами, которые стали выходить на берега и нападать на людей.

Во всех предзнаменованиях и слухах в действительности была истина.

Мудрецы, сошедшиеся у фараона, сообщили ему, что знаки звезд вещают конец его царству, конец его династии и самому Египту. Волны диких народов захлестнут священную землю, и лишь пирамиды останутся памятью египетской культуры и цивилизации.

— Что делать? — спросил фараон. И каждый из мудрецов подходил к фараону и шептал ему свои советы, но морщины на светлом лице владыки не рассеивались, но

лишь сгущались. Наконец последний из жрецов приблизился к нему, когда другие покинули покой фараона.

— Внемли, о Сын Солнца! — громко сказал он. — Нет проклятия богов на землях Египта, но пришел срок дать дорогу иным народам. В древних книгах о началах Египта говорится о связи его с иными звездами, что поделились с ним своей культурой и знаниями. Все, что дано было когда-то, должно вернуться обратно обогащенным опытом Земли. Ныне из далеких миров Вселенной идут на Землю посланцы звезд, что оплодотворили Египет. Возьми самое драгоценное, что есть в вашей стране, и отдай посланцам.

— Что я могу вернуть звездам, кроме знаний, которых у них гораздо больше, кроме богатств, которые лишь горстка пыли рядом с тем, что имеют они, кроме созданий красоты, которые выросли из семян, что послали звездные люди? Ах, как беден я среди всего, что окружает меня! Но я пошлю самое драгоценное, что имею, — мою dochь. В ней кровь всех династий, в ней красота моего народа, в ней душа, которая впитала тепло земли и свет тех звезд, к которым мы устремлялись, — ответил фараон.

— Мудрость фараона дает надежду на спасение, — молвил мудрец, склоняя голову. — Ты опередил мой совет. Я знаю, что с посланцами должен прибыть Звездный принц и Любовь как высший дар Земли увенчает его путь и будет драгоценным цветком в садах иного мира.

И вот фараон стал спешно готовить в путь караван. Он должен был идти в пустыню и искать встречу со звездными посланцами. Вместе с главным в путь должны были пойти еще два каравана, их целью было сбить со следа врагов царства. Все три каравана готовились в путь одинаково, и никто не знал, в каком из трех будет принцесса. Могучие воины, опытные проводники, мудрейшие из звездочетов входили в каждый караван, и фараон был доволен. Однако в последний момент снова пришел к нему советник.

— Я надеюсь на успех, как и ты, владыка! — сказал он. — Но никто не может знать нити судьбы. Сколько смешалось народов и династий на земле Египта, и, быть может, предвещаемый конец царствия уже произошел столетия назад. Также вероятно, что звездные посланцы могли заблудиться или опоздать к сроку. Время вселенной исчисляется не земными днями. Час и тысячелетие неразличимы в пространстве мира, и тогда наши караваны обречены на гибель. Потому найди среди твоего народа счастливых людей, и пусть они сопровождают караван вместе с теми, кто обладает силой и знаниями.

Фараон согласился, и на следующий день слуги его бросились отыскивать счастливых людей. Всю страну обыскали они на быстрых конях, но нашли лишь одного счастливого человека. Звали его Ипи, был он пастухом и не знал родителей своих, как не имел и дома. Еще ребенком нашли его в пустыне и воспитали добрые люди. Соседи считали, что он не совсем в своем рассудке. Что бы ни посыпала ему судьба, за все он благодариł небо, и улыбка не сходила сего лица, даже когда он терял стадо или голодал. Может быть, в иной момент слуги фараона усомнились бы представлять его фараону, но иного счастливца не было.

— Что ж, я верю тебе, и так же, как каждому, кто собирается сейчас в путь, вручаю тебе самое драгоценное, что есть в моей жизни. Доставь караван к цели, и твое имя высекут у подножья великих пирамид.

— Я сделаю все, что смогу! — сказал юноша.

Три каравана вышли среди глубокой ночи из трех ворот и двинулись в разные стороны пустыни. В каждом караване была девушка с закрытой маской лицом, но никто не знал, которая из них — дочь фараона. Прошло много времени, и под жаркими лучами солнца стали таять надежды каравана, где шел Ипи. Сражения с туарегами, бесконечный путь, редкие оазисы и главное — незнание того, где и как завершится их странствие. Молчали звезды, и мудрецы умирали с открытыми глазами, не вынеся тягот пути, не найдя ответа. Вдвоем сократился караван, но возвращение было немыслимо.

Один Ипи сохранял ясность в душе. Судьба подарила ему радость на этом пути. Однажды на рассвете он увидел лицо девушки, которую они сопровождали. Сна, очевидно, взошла на высокую дюну и заснула. Мaska сползла с ее лица, и Ипи не мог оторвать от нее глаз. Жизнь обрела для него смысл, и тайно мечтал он о том, чтобы их путешествие никогда не кончалось. Иные мысли были у других. Как-то вечером Или стал невольным свидетелем того, как храбрый воитель, одержавший немало побед и включенный фараоном в список сопровождающих караван, подошел к девушке:

— Наш путь бесцелен, принцесса, люди гибнут, и даже верблюды отказываются идти дальше по пустыне. Ты молода и прекрасна. Я предлагаю тебе свернуть с дороги, оставив караван своей судьбе. В семи днях пути отсюда есть оазис, и я знаю это место. Там мы найдем приют и отдых. Затем мы уйдем к берегам моря. У нас достаточно золота, чтобы прожить безбедно. Решайся, принцесса!

— Ты хочешь нарушить волю фараона? — спросила девушка.

— Фараон и сам не знал, куда нас посыпает.

— Нет, безумец, я останусь с караваном! — воскликнула девушка.

Он протянул к ней руку и тотчас отдернул: золотая лента на голове девушки вдруг шевельнулась и полыхнула огнем. В одно мгновение она превратилась в маленькую кобру и метнулась к воину. Он упал, даже не успев вскрикнуть.

Меж тем положение каравана действительно было отчаянным. Кончались запасы воды, и люди не знали, куда идти. Один из жрецов подошел к Ипи:

— Наши знания исчерпали себя. Теперь твой черед вести караван. Может, твое счастье окажется более верным, чем наша мудрость.

И Ипи встал во главе каравана. Воистину, судьба проявила к нему больше милосердия, чем к кому-либо другому. Он находил колодцы, заброшенные оазисы, и люди поверили в него. Однажды утром Ипи проснулся раньше других и, как обычно, побежал вперед разведывать дорогу. Солнечный луч словно уплотнял песок под его ногами, превращая его в твердую тропинку. Внезапно он споткнулся обо что-то и, наклонившись, увидел маленького скарабея. Жучок еле шевелил лапками. Ипи положил его на ладонь и двинулся вперед. Внезапно скарабей кольнул его, юношу Увидел, что жучок находит на его ладони бороздки и ползает по ним. Как он догадался, скарабей управлял им. Ипи, следя за движениями скарабея, шел, как ему показывали. Как ни мал был жучок, но здесь, в пустыне он был путником, которому надлежало помочь добраться до цели. Наконец, скарабей соскользнул с его ладони и очутился на земле. Или улыбнулся ему и собирался идти. Гигантский простор неба и пустыни захлестнул его, и он почувствовал

одиночество. С печалью взглянул он на свою ладонь, где недавно был маленький жучок. На безымянном пальце его, соперничая с голубизной неба, сияло бирюзовое кольцо с изображением скарабея. Задумчиво продолжая путь, Ипи вдруг увидел на вершине одной громадной дюны фигуры двух людей. Приблизившись к ним, юноша обнаружил двух старииков, сидящих друг против друга. Один был в черном тюрбане, другой в ослепительно белом. Вежливо приветствовав их, Ипи спросил, чем заняты они среди пустыни.

— Юноша, — ответили они, — на закате дня здесь пролетит стрела счастья, и если кто-нибудь поймает или остановит ее полет, может загадать три любых желания. Если хочешь испытать судьбу, садись с нами и жди.

Солнце поднялось высоко, и идти с караваном не представлялось возможным. Ипи остался со старииками. На закате тонкий свист раздался в воздухе. Старики воздели руки и запрокинули головы, пытаясь определить, с какой стороны летит волшебная стрела. Ипи также поднял руку, совсем не рассчитывая на удачу. Внезапно что-то ударило в бирюзовое кольцо на его пальце, и, скав ладонь, он ощутил в ней раскаленное древко стрелы.

— Скорей загадывай желания! — закричали в один голос старики.

Долго ли нужно было думать юноше? Он мечтал о прекрасной дочери фараона и хотел, чтобы она тоже полюбила его. Но в последний момент он опомнился. Имел ли право он навязывать свое чувство сердцу принцессы? Лик фараона встал перед его внутренним взором, он вспомнил завет своего владыки привести караван к цели.

— Я хочу, чтобы караван нашел того, кого мы ищем в пустыне! — воскликнул он и замолчал.

— Что ты молчишь, глупец? Стрела сожжет твою руку. Скорей загадывай следующие желания!

— Нет! — ответил Ипи. — Мне больше ничего не нужно. Я отдаю вам мои возможности. — И он протянул им волшебную стрелу.

Старик в черном схватил ее и, обратив лицо к солнцу, произнес:

— Я желаю узреть истину! — Мгновенно лицо его словно озарилось изнутри, и он пал на песок мертвым.

Второй старик в белом взял стрелу:

— Для меня истина в любви, и я хочу стать самой любовью!

И стрела, вырвавшаяся из его рук, продолжила свой полет. Сам же старик вспыхнул голубым пламенем. И вот, вместо него из глубин дюны поднялась струя холодной и чистой воды. Сверкающий в солнечных лучах фонтан разливался по песку. На глазах Ипи земля покрывалась травой и цветами, в пустыне появился новый оазис. И к нему уже спешил какой-то усталый караван.

— Да благословит тебя небо, добрый юноша! Мы шли по твоим следам и добрались до оазиса, — обратились к нему путники, — как ты узнал, что здесь есть родник?

— Я шел путем скарабея, — ответил юноша.

— Тогда ты воистину счастливый человек. Позволь коснуться тебя и принести тебе дары, — сказали люди из каравана.

— Спасибо, — ответил Или. — Но я ни в чем не нуждаюсь.

— Что ж, мы будем ждать того часа, когда сможем исполнить твою просьбу, — сказал предводитель каравана, и они расстались.

Ипи вернулся к своим спутникам, и снова они двинулись в бесконечный путь. Меж тем лицо принцессы так глубоко запало в душу юноши, что, пользуясь долгими остановками, он стал высекать его из найденного им камня песчаника. Оно помогало ему сохранять радость жизни и счастье этих дней, оно вело его к цели.

И однажды они достигли ее. С удивлением Или обнаружил, что, совершив гигантский круг по пустыне, они вернулись к тому оазису, что возник на глазах его. Караван, которому он помог найти путь к воде, еще оставался на месте, и, оказывается, ждал их. Увидев Ипи и его спутников, люди развернули драгоценные ковры на песке и, став по сторонам, склонили головы. Принцесса сошла с верблюда и первой шагнула на ковер.

— Твой путь окончен, дочь фараона! Мы искали и ждали тебя много дней, и лишь случай столкнул нас с твоим проводником, который приносит счастье. Теперь наступил твой черед. Мы посланцы дальней звезды, и тайна скрывает каждого из нас от возможных врагов. Твое сердце, принцесса, должно указать нам того, кто пришел за тобой и чьей избранницей ты должна быть.

На закате дня на вершину холма принесли хрустальное зеркало.

— Пусть отразится в нем тот, кто царит в сердце дочери фараона и является принцем дальней звезды! — возгласил предводитель каравана.

И в глубине волшебного зеркала в сверкающей короне на голове появилось изображение Ипи.

— О Господин! — молвил старик. Мое сердце почувствовало тебя еще в первую нашу встречу, но я не мог довериться ему и ждал. Теперь уж ты не откажешься от нашей благодарности! Ведь ты должен вести наш караван сквозь звездные просторы.

И прозрела память счастливого Ипи, и понял он, что душа его опередила тело и воплотилась на земле, дабы исполнить волю предков и привести принцессу в иные миры. И вот глубокой ночью по серебристой звездной дороге поднялся в воздух караван Ипи и растаял во мраке. И лишь голова египетской принцессы осталась на земле как память о тех событиях.

РАЗОЧАРОВАННЫЙ ПРИНЦ

В одной стране, которую вы напрасно стали бы искать на карте, жил принц. И при том удивительный. Он удивлял своих родителей, мудрого короля и прекрасную королеву. Он удивлял своих верных придворных и всех жителей своего королевства. Что бы ему ни предложили, он неизменно задавал вопрос: «Зачем?» И совершенно невозможно было на него ответить.

— Ваше высочество, вы должны постигнуть много, много наук, — говорили принцу.

— Зачем? — спрашивал он.

— Чтобы много знать.

— Зачем?

— Чтобы мудро управлять страной и прославить свое имя.

— Зачем?

Его наставники в конце концов терялись и сами начинали думать про «зачем».

— Ваше высочество, — обращались к принцу министры. — Вы не соблюдаете этикет. Ездите без свиты. Ваша одежда заставляет краснеть самого короля. И вы всегда опаздываете к обеду. Ваше поведение бросает тень на королевское достоинство, а оно должно сиять, подобно солнцу, без единого пятнышка.

— Зачем? — спрашивал принц. И когда охрипшие министры наконец умолкали, не в силах убедить его, он улыбался и уходил.

В своем замке принц чувствовал себя прекрасно. Он приказал убрать все часы.

— Время не трогает тех, кто забывает о нем, — заявил он своим приближенным.

Лучшим занятием для себя он считал пускание мыльных пузырей и игру с солнечными зайчиками. Как на него ни сердились, однако вскоре должны были признать его забавы очень даже милыми. Еще бы, ведь принц умел среди зимы устраивать радугу, от его бесчисленных пузырей становилось веселее жить. Солнечные зайчики не оставляли темноты ни в одном уголке, и это прекрасно прогоняло любые печальные мысли.

Тем не менее принц вызывал серьезную озабоченность, гонцы один за другим спешили с докладами о нем.

— Их высочество изволили сегодня заснуть прямо на камнях у моря.

— Их высочество изволили целый день разглядывать простой колокольчик.

— Их высочество позавтракали с каким-то простым рыбаком.

Ясно, что у короля голова шла кругом от всех этих забот. Наконец министрам пришла блестящая идея, с которой они и явились к королю.

— Ваше величество, известно ли вам, что сын ваш прослыл в народе разочарованным принцем? И все потому, что он ничего не хочет делать. Мы нашли выход, и притом единственный. Чтобы исправить положение, надо его очаровать.

— Каким образом? — спросил король.

— Вы повелите ему отправиться за море добывать прекрасную принцессу. Он, несомненно, очаруется, мы его женим, и все пойдет как надо.

Как ни сопротивлялся принц, ему все же пришлось собираться в путь. Король и королева вышли его проводить, и на глазах у них блестели слезы. Корабль поднял якорь, и ветер надул его парус.

— Зачем? — крикнул принц, стоя на капитанском мостице.

— Чтобы ты стал счастлив, — отвечал король.

— Но я и так счастлив.

— Ну, чтобы мы успокоились и стали счастливы, — подумал король.

И вот приплыл принц к зловещим скалистым берегам. Стai воронья с хриплым карканьем кружились над черным замком волшебника. Сам он стоял на самой высокой башне. Бархатный плащ уродливым горбом разевался за его плечами, и закатное солнце окрашивало его в цвет крови.

Уже семнадцать лет злодей держал в плenу юную принцессу. Он создал ее прекрасной в противовес своему безобразию. Утренняя заря пожертвовала лучи для ее кожи, лилии поделились своей белизной, гладиолусы — стройностью, розы — благоуханием. В общем, это была прекраснейшая из принцесс, когда-либо рождавшаяся в мире. Волшебник был от нее без ума и сражался с отчаянным упорством.

— Послушай, давай кончим бой, и я уеду обратно, — сказал принц, которому стало жалко волшебника.

Злодей так удивился, что долго не мог сказать ни слова.

— Нет, так нельзя, — наконец промолвил он. — Я знаю, что мое дело кончено, и ты должен победить меня.

— Зачем? — спросил принц.

— А затем, — рассердился волшебник, — что, если я одолею тебя, сюда сразу же явится толпа храбрых рыцарей и будет за твою смерть мстить, а -потом начнет делить принцессу. Сколько же еще прольется крови, и неизвестно, в какие руки попадет мое дитя. А ей я меньше всего желаю зла.

И, кажется, впервые принц был удовлетворен ответом. Волшебник скоро сдался. Они дружески простились, и принц торжественно возвратился домой. Пышно отпраздновали свадьбу принца и принцессы. И казалось, что перемены должны вот-вот наступить. Теперь стоило принцу задать свой обычный вопрос: «Зачем?», как принцесса тут же отвечала: «Я так хочу, этим ты докажешь свою любовь ко мне». «Зачем?» — шептал бедный очарованный принц, но его уже не слушали.

Все становилось на свои места. Только улыбка больше не появлялась на губах принца, и голос его потерял звонкость. Пришла весна, и принц стал снова пропадать на берегу моря.

— Ты уже не хочешь видеть звезды на дне моих глаз? — спрашивала принцесса.

— Зачем? — отвечал принц. — Я вижу их достаточно в небе, и они ничем не хуже твоих.

— Наша казна опустела, и я не могу заказывать себе новые платья каждый день. Ты должен пойти на войну, — говорила принцесса.

— Зачем? Ведь солнце не меняет своего наряда, а кто может сравниться с его красотой?

И опять принца стали звать разочарованным. Но ко всему прочему он становился опасен. Уже столько людей начали, подобно ему, задавать вопрос: «Зачем?»

И вот опять собирались министры. Король и королева уже скончались, а потому приговор принцу был очень жестоким.

Принцесса не прощала обид. Это был ее единственный недостаток. В остальном же она оставалась абсолютно прекрасной. Решено было отправить принца на голый необитаемый остров, дабы он смог там одуматься. Когда ему это объявили, он впервые не задал своего вечного вопроса.

Прошел год. Целая флотилия богато разукрашенных кораблей двинулась к острову, куда был сослан принц. Без него в стране все пошло как надо, но стало невероятно скучно. Даже принцесса с нетерпением ожидала конца изгнания разочарованного принца.

Когда, наконец, суда бросили якоря у острова, то капитаны с удивлением обнаружили, что необитаемый пустынный остров превратился во что-то чудесное. На нем росли пальмы, благоухали цветы, порхали разноцветные бабочки, пели птицы.

И самое необыкновенное было то, что цветы напоминали глаза принца, веселые ручейки сверкали, как его улыбка. Ветер пел в ветвях деревьев любимые им песни, волны бились, как его сердце. Но самого принца нигде не нашли.

И только когда корабли поздно вечером отчалили от острова, им вслед раздался вздох, и берег произнес имя принца.

— Уж не превратился ли он сам в остров? — подумала принцесса, — Но тогда его ни за что не назовешь разочарованным.

ПОБЕДА

Была когда-то страна Полуденного Солнца и правил ею Грозный Король. Он считал себя реалистом, потому что всегда отлично знал, чего ему хочется, а чего нет. Самое главное в жизни — Сила, считал он. Тогда можно действовать по своему разумению, а не входить в какие-то обстоятельства, ждать каких-то условий. «Там, где сила, там и погода», — была его излюбленная поговорка. Надо ли говорить, что, взойдя на престол, он создал самую сильную армию, и все соседи боялись его. Вероятно потому он и получил прозвище Грозного. Кто бы осмелился перечить его воле и желаниям? Ведь, подобно солнцу в зените, он мог сжечь своими лучами любого противника.

Но надо же, что за морем, на другом берегу располагалось королевство Полнолуния, и царствовал в нем король-мечтатель. Он был полной противоположностью Грозному Королю. Я любил искусство, поэзию, ненавидел насилие и войны. В тот суровый век

эти качества не были в чести, и многие за спиной короля считали его просто Робким. Наверное, его воинственный сосед давно завоевал бы его страну, если бы их не разделяло море. Но Грозный Король любил всегда чувствовать под ногами твердую почву, а не зыбкое колыхание палубы. У Грозного Короля была дочь, в которой он не чаял души, но природа обделила ее красотой. Нет, она не была уродливой, но тайная ненависть, которую испытывали соседи к ее отцу, заставляла явно преувеличивать слухи о ее непрятательной внешности. Дошло до того, что сам король стал поглядывать на свою дочь с нескрываемой жалостью. Тем не менее он готов был на все, чтобы сделать дочь счастливой. Приближалось совершеннолетие принцессы и, когда речь зашла о ее замужестве, король недвусмысленно заявил, что он не позавидовал бы тому, кто отказался бы претендовать на руку его дочери.

Можете себе представить, какая паника поднялась в соседних королевствах! Всех свободных принцев немедленно переженили.

Даже пожилые короли-вдовцы поспешили вновь наложить на себя брачные узы. В конце концов, когда наступил день рождения принцессы, к ней явились гонцы со всех сторон света с подарками и пожеланиями, но не нашлось ни одного, кто сделал бы ей предложение. Грозный Король был в ярости, а принцесса в слезах. И вдруг трепетавших советников осенила мысль. Ведь король-мечтатель из страны Полнолуния был неженат. То ли его рассеянность, то ли извечная робость мешали ему сделать выбор. Так или иначе, но он оказался единственным, кто мог бы удовлетворить желание Грозного Короля видеть свою дочь замужней и счастливой.

Более тридцати кораблей, набитых вооруженными рыцарями, отправились гонцами в страну Полнолуния. Если король посмеет ослушаться, его надлежало схватить и силой доставить ко двору! — гласил суровый приказ. Гонцы прибыли, и Мечтатель, стараясь сохранить достоинство, последовал вместе с ними в королевство Полуденного солнца. Жениться ему совсем не хотелось. А иметь дело со столь бесцеремонными родственниками и того меньше. Потому, прибыв ко Двору Грозного Короля, он воспользовался суматохой и ночью сбежал в свою страну, даже не повидав принцессы.

Наутро, когда был назначен прием, вместо жениха нашли коротенькую записку, где Король-мечтатель рассыпался в извинениях и сообщал, что неотложные дела требуют его немедленного присутствия у себя на родине. Придворные ахнули, дамы упали в обморок, воины схватились за оружие. Никто не сомневался в предстоящей войне. Спустя несколько дней весь флот страны Полуденного солнца вышел в море и направился к противоположному берегу.

Меж тем в королевстве Полнолуния третьи сутки подряд заседал высший совет. Министры, недовольные поведением короля, вовлекшего их в войну, в один голос заявляли, что повелитель должен выступить навстречу врагу и как рыцарь умереть в сражении. Короля отнюдь не утешала такая перспектива.

— Почему вы заранее говорите о поражении и почему я должен умирать? я не хочу ни того, ни другого.

— Посмотрите на вещи реально, ваше величество, — отвечали придворные. — Наши войска не обучены, и к тому же их втрое меньше, чем неприятельских.

— Но мы же находимся в своей стране, стране Полнолуния, мечтаний, грез и чудес, — возражал король. — Зачем же нам равняться на противника? Ладно, я сам возглавлю

войска и поведу войну. Однако мы применим свою тактику, чтобы избежать лишней крови.

— Какова же будет тактика? — спросили изумленные министры.

— Мы будем отступать! — ответил король. — Отступать, пока не измотаем врага! — Придворным ничего не оставалось, как развести руками.

И вот началась самая странная война в мире. Целые дни, недели, месяцы войско Грозного короля гонялось за войском противника. Они по кругу колесили по всей стране, но ни разу им не удалось поймать беглецов и скрестить оружие. В конце концов эта игра в догонялки настолько надоела обеим сторонам, что войска постепенно стали рассеиваться. Люди потихоньку снимали с себя , оружие и разбегались по домам. Вскоре едва ли сотня рыцарей продолжала с Грозным королем преследовать короля Мечтателя, за которым следовало тоже не больше сотни воинов.

Столь равные силы придавали все большее мужества рыцарям Полнолуния, и все настойчивее они требовали от короля, чтобы он, наконец, остановился и дал бой врагу. Но он все медлил. Дело в том, что по ночам, когда он полуспал полугрезил, он видел себя отчаянным храбрецом и талантливым полководцем. О, если б его рыцари узнали, сколько кровопролитнейших сражений он выиграл в своем воображении, сколько невероятных планов осуществил с беспредельной отвагой, они не приставали бы к нему с просьбами о какой-то еще одной желанной битве. Кое-что из этихочных планов мечтателя осуществлялось и на самом деле. Например, с момента, как Грозный король ступил на вражескую землю, он ни разу как следует не выспался. Чуть ли не каждую ночь его будили звонкие рога врагов,зывающие его на битву, и он вскакивал и посыпал своих воинов в те стороны, где звучал вызов. Они возвращались, измученные, иногда говорили, что уничтожили противника, иногда признавались, что встретились в темноте со своими же товарищами, но, не узнав друг друга, сражались с ними.

В конце концов Грозный король вынужден был спать урывками, но хуже всего, что он стал видеть сны. Никогда в жизни он не видел снов, а тут, что ни ночь, он не отдыхал, а участвовал в каких-то сражениях, которые под конец оказывались просто снами. И главное вот где сказывалось преимущество воображения над реально мыслящим трезвым умом. Сражаясь во сне, Грозный король терпел одно поражение за другим, а король Мечтатель, находясь в своей стихии, проявлял чудеса храбрости и изобретательности.

Меж тем странная война близилась к развязке. Однажды отряд Мечтателя заночевал в замке, а Грозный король случайно разбил лагерь около ворот. Теперь замок был осажден, а поскольку силы оказались равны и отступать некуда, приходилось соглашаться на настоящее сражение. Король Мечтатель принял вызов Грозного короля, который предлагал решить войну единоборством полководцев. Видя волнение своего повелителя, первый советник короля добыл снотворное и дал Мечтателю двойную дозу, В день поединка спящего короля тихонько облачили в доспехи, посадили на коня и привязали к седлу. «Пусть мы лишимся своего повелителя, но не останемся опозоренными», — решили придворные и выпустили спящего короля на поле.

Грозный король уже ждал его в рыцарском облачении и, стегнув коня, полетел в атаку. Противник его являл собой храбрости. Он ехал навстречу, словно прогуливаясь, и скорее держался за копье, чем собирался пустить его вход. Когда его разъяренный

противник приблизился, то растерялся. Король Мечтатель не опустил забрала, глаза его были закрыты, а на губах сияла гордая улыбка! Не зная, как поступить, ведь ударить незащищенного человека было бы вероломством, Грозный король проскакал мимо. Вот он повернул коня и, вытащив рог, громко затрубил. Противник его, не открывая глаз, опустил копье и двинулся навстречу ему так же медленно и спокойно, как прежде. Они ошиблись. Копье Грозного короля разлетелось на куски. Мечтатель же усидел в седле и с той же улыбкой и закрытыми глазами готов был продолжать сражение. Страх охватил его противника, сновидения вихрем пронеслись в голове Грозного короля. Воистину, он был побежден воображением Мечтателя. Он не мог больше сражаться и, соскочив с коня, протянул на вытянутых руках свой меч королю Полнолуния. Тот молча сидел в седле, не делая никаких движений. Недоумение охватило властителя Полуденного солнца. Он решил, что это ему снится: столь нереальна была Действительность и столь сладко похрапывал в седле его победитель. «Наверное, я уже сражен и умираю», — подумал Грозный король. Но вот со стороны замка появился столб пыли. Это мчался первый советник короля Мечтателя. Подскакав, он сунул под нос короля третий перец. «Проснитесь, Ваше Величество, Вы победили!» Король чихнул и открыл глаза. Увидев Грозного короля, он чуть не рванулся прочь, но советник удержал его. Рыцари с обеих сторон бросали свои шлемы и кричали приветствия. Мечтатель соскочил с коня и, вежливо поклонившись, просил у Грозного короля отдать ему руку его дочери, супругом которой он хотел бы быть. Изумленный король, разумеется, тотчас согласился.

Целую неделю в замке шло пиршество по поводу окончания войны, в которой не было пролито ни одной капли крови. Затем прибыла принцесса. Все происшедшее представилось ей совсем в другом виде. Оказывается король Мечтатель вовсе не был робким, во-вторых, он сражался только затем, чтобы самому добровольно сделать ей предложение, в-третьих, столь отважный король, вероятно, давно был влюблен в нее, ибо ради нее он рисковал своей жизнью. Все эти открытия сделали принцессу невероятно счастливой, а счастье в свой черед сделало ее такой прекрасной, что собственный отец едва узнал ее. Ну а Мечтатель тотчас же влюбился по-настоящему. Стоит ли говорить, что миф о некрасивой принцессе был мигом развеян, как и миф о Грозном короле. Была отпразднована великолепная свадьба, и все, кто на ней присутствовал, завидовали жениху и восхищались невестой.

КРЕСТОНОСЕЦ

Те, кто любит путешествовать, вероятно, не будут спорить, что в основе их стремлений лежит надежда на встречу с неизвестным. Я много странствовал и видел, но признаюсь, что самой поразительной для меня оказалась встреча с самим собой. Вот как это было. Мое имя Эльдар. Не знаю, из каких древних времен пришло оно в голову моих родителей, скорее всего из каких-то рыцарских романов, которыми увлекался мой отец. У меня был дом, но я жил в нем редко, поскольку почти все время проводил в путешествиях. Судьба была благосклонна ко мне, я всегда был удачлив в своих начинаниях. Мои научные изыскания всегда были интересны и публиковались без замирок. В личной жизни я тоже не был обижен. Мою подругу звали Неффа. Я думаю, она была под стать мне, у нее была своя жизнь, которую она не всегда разделяла со мной. Но меня это устраивало. Ее неразгаданность привлекала мое воображение, и я не стремился раскрывать ее тайны. В иные дни она исчезала и долго не появлялась, так что порой я не был уверен, увижу ли я ее еще раз когда-нибудь. Я думаю, что и мои путешествия для нее носили подобный характер. Мы оба знали цену жизни. Мгновенность дней и их непредсказуемость делали радость общения неповторимой.

Однажды жизнь занесла меня на «святую землю» Иудеи, и я на себе ощущал смысл этого эпитета. Не стану рассказывать о местах, которые описаны тысячами путешественников. Для меня раскрылась новая страница. Как-то, завороженный грядой каменистых холмов, я сбился с пути и чуть ли не целый день брел под раскаленным солнцем, не зная, выберусь ли я отсюда или останусь здесь навсегда. Под вечер я столкнулся с несколькими кочующими бедуинами. Мгновенно оценив мое отчаянное положение, они согласились указать мне дорогу, но потребовали с меня большой выкуп, объяснив, что я их пленник, поскольку вторгся в их землю. Я не знал, что делать, мои денежные ресурсы не могли бы возместить и половины той суммы, которую они требовали. Меж тем они не хотели уступать. Прошла томительная ночь. Под утро они связали меня и оставили на вершине скалистого холма, обещав вернуться, как только я найду способ связаться со своими близкими, чтобы гарантировать им деньги, которые они требовали. Солнце сильно припекало, и я чувствовал, что скоро не выдержу этих палящих лучей.

Топот копыт привел меня в чувство, передо мной появился всадник, словно пришедший из каких-то далеких веков. Он был закован в рыцарские доспехи. На загорелом, обветренном лице было множество морщин, оно напоминало карту, испещренную временем. Длинные седые волосы спадали по плечам как крылья, красный крест венчал его изодранный плащ. Незнакомец разрезал веревки и, посадив меня позади себя, отправился в путь, известный только ему.

Через какое-то время мы оказались в пещере, служившей ему жилищем. Не веря себе, я услышал фантастический рассказ, который не мог ни принять, ни отвергнуть. Со слов рыцаря его история восходила к первым крестовым походам. Тогда еще юноша, он вдохновился идеей спасения Гроба Господня и решил осуществить ее. Собрав крупный отряд сверстников, он отправился в Малую Азию. Спутники единодушно избрали его своим предводителем, веря в его удачу и храбрость. Увы, эти качества не помогли рыцарям. Они затерялись в Иудейской пустыне. Тяготы пути, сражения с сарацинами заставляли их терять одного воина за другим. Наконец наступил день, когда их предводитель остался один.

Ужас обнял его, когда он понял, что потерял всех своих товарищей. И чувство вины перед ними и их родителями охватило его. Ведь именно он увлек их в эту опасную затею. Он решил умереть, но случайно оказался в маленькой зеленой долине, где росли старые маслины. Странная идея пришла ему в голову: он помнил место гибели каждого из своих друзей и решил отметить их, посадив на могиле каждого по масляничному дереву.

Безумный труд его подходил к концу, когда к нему явился какой-то старики-мусульманин. Крестоносец схватился за меч, но тот улыбкой остановил его: «Тебе предстоит сражение не со мной, а с пустыней. Ты посадишь деревья, но чтобы их вырастить, тебе нужно ухаживать за ними, пока они не наберут силу. Труд твой будет тяжелым, ты должен носить воду из оазиса и поливать около тысячи деревьев. А растут они очень медленно. Тебе может не хватить времени для того, чтобы добиться успеха. Я берусь помочь тебе». И старики предложил крестоносцу выпить вино иудейской пустыни, которое продлит его жизнь, пока он сам не захочет оставить свой труд. Прошли века, и через пустыню протянулась тенистая аллея деревьев, отмечая память юных сердец, когда-то пришедших сюда.

Вслед за этим рассказом крестоносец показал мне зеленый путь среди пустыни.

Раскидистые маслины, действительно, словно впитали в себя жизни крестоносцев и противостояли смертоносному дыханию пустыни. Тем не менее я не мог до конца поверить правдивости рассказчика:

— Почему ты не снимешь свои латы? С кем тебе приходится сражаться среди этого безлюдья?

Он махнул рукой:

— Я расскажу. Раз в год в пустыню приходит весна, на холмах появляется прекрасная женщина, которая начинает танцевать. Ее танец длится несколько дней и сопровождается какой-то немыслимой музыкой. День сменяется ночью, а ночь днем, и она ни на миг не останавливается. И, вторя этому танцу, в небесах раздается гром, собираются тучи и ниспадает живительный дождь. Вся пустыня от края до края покрывается волшебным ковром цветов, так что кажется, что алым пламенем вспыхнула земля. Но танец этой девы ускоряется, и ритмы барабанов и бубнов звучат все громче и быстрее, и вот начинают двигаться пески. Пыль взлетает в небо и повисает в воздухе, и налетает самум и сметает весь ковер, покрывающий землю. И буря летит к моим деревьям, желая их сокрушить, будто это стрелы, впившиеся в тело живой земли. И тогда я бросаюсь в самый центр бури и поражаю неведомое существо своим копьем. И снова наступает тишина, буря стихает, а я стряхиваю с моих деревьев осевшую на них пыль.

И так происходит каждый год. События моей жизни повторяются бесконечно, и я устал. Но я знаю, как вы, смертные, цените свою мгновенную жизнь. Я хочу предложить тебе обмен. Твоя душа войдет в мое тело и соприкоснется с безвременьем этой земли, где одно пространство рождается из другого, и за ним следует еще одно за одним, уходя в бесконечность. Я же войду в твоё тело с опытом твоей жизни и отдохну от вечности.

Он остановился и посмотрел на меня. Отчаянная радость охватила меня: не ждало ли меня в этот момент самое прекрасное из путешествий? Я кивнул головой, ожидая чуда превращения, но рыцарь наполнил два кубка темным и густым вином из старого кувшина и протянул их мне:

— Выпей! — сказал он. — И что-то прояснится в твоей голове. Он улыбнулся:

— К тебе вернется память. Ведь мы уже совершили обмен много лет назад. Ты вернулся в эту землю, чтобы наши души опять обрели свои собственные тела.

Я глотнул и осушил до дна его кубок и воистину вспомнил все, что он говорил. Это я, да, это я был тем крестоносцем, чье безумие претворилось в волшебство вечной жизни.

Мы долго оставались вместе, не в силах расстаться. А потом пришла весна. И снова в громе небес явилась волшебная дева пустыни и стала танцевать. Дивное Цветение весны захвatiло меня, словно я видел это в первый раз. Я уже не различал, кто из нас был крестоносцем, скорее всего, мы оба были одно целое, когда страшная буря охватила пустыню. Крутящийся вихрь стал приближаться к деревьям, и не помню, кто из нас сломал копье и вместо оружия швырнул кувшин с вином пустыни в смертоносную воронку самума. Разом все смолкло. В том самом месте, где лежали осколки разбитого кувшина, застыла женская фигура. Голова ее была опущена на колени, а руки бессильно выпянулись по песку. Не узнал ли я в этот момент Неффу?

Какие-то звуки вырвались из ее груди и, слившись в мелодию песни, понеслись в неведомую высь. И каждый звук ее песни заставлял ее расти, как волну, еще несколько мгновений, и она действительно превратилась в сверкающую воду вздыбившегося ручья. И он весело помчался от одного дерева к другому, словно отмечая древний путь крестоносцев. Рыцарь стоял рядом со мной или я стоял рядом с ним, не могу постигнуть, ибо, говорю вам, обменявшихся опытом жизни друг друга, мы были одним целым. Самое главное, что дело крестоносца нашло завершение, путь его и труд был закончен. Отныне ручей нес воды к оливам. Новый оазис родился в пустыне, и это рождение, вероятно, стоило подвига, вдохновившего когда-то крестоносца на спасение Гроба Господня.

АРТИСТ

Когда взрослого человека посещает беда, он часто превращается в ребенка. Тогда поступки его кажутся нелепыми или смешными, во всяком случае, мало соответствующими обстоятельствам.

Альбер Винт, артист королевского театра, собираясь покончить с собой, разучивал свою последнюю роль. То ли всегдашнее стремление к красоте, то ли привычка к игре требовали от него даже в этом случае особого выражения, что можно было бы определить как театральный эффект. Он сознавал свою слабость, понимая, что природа его будет противиться насильственной смерти, и поэтому искал значительных декораций, фон которых придал бы ему решимости выполнить задуманное. До мельчайших деталей Альбер продумывал свой туалет и сцену своего конца. Конечно, это произойдет на закате. Мост через Гурону — самое подходящее место. На ажурной решетке перил изображены танцующие русалки, и сказочная прелест моста, подчеркнутая старыми ивами на обоих берегах, преданно служит не одному поколению влюбленных. «Свидание у русалок», — и от этих слов чье сердце не сожмется сладко в предчувствии грядущей радости или от воспоминания о минувшем! И вот в момент, когда солнце коснется воды и золотая дорожка, соединяющая залив с устьем реки, станет быстро таять, на мост влетит карета, запряженная шестеркой взмыленных лошадей. Траурные ленты будут вплетены в их шелковистую гриву, и белизна благородных животных подчеркнет их печальную миссию. Кучер в старинной ливрее соскочит на землю и с почтительным поклоном отворит золоченую дверцу кареты. Из нее легко выскочит человек в безупречном черном фраке, белых лайковых перчатках, высоком цилиндре. Он подойдет к середине моста, быстрым движением преодолеет перила, на мгновение улыбнется заходящему солнцу. Может, шепнет ему: «Погоди! Я за тобой». Затем достанет пистолет и выстрелит себе в сердце. Тело его рухнет в воду, подняв в воздух прозрачные брызги. На месте падения разойдутся круги и вдруг всплынет букет алых роз, которые он держал в руке. Они медленно поплывут к морю, а его уже никогда больше не будет. Да, со слов потрясенного кучера и случайных прохожих газеты подробно опишут эту прекрасную смерть человека, принадлежавшего искусству: «Погасла недолго блеставшая звезда королевского театра. Всем известный артист Альбер Винт ушел из жизни, гордо швырнув ей в лицо перчатку». Затем будет некролог, затихающий шум сплетен, догадок — и все. Пожалуй, самое страшное таилось в этом «и все». Оно представлялось ему то в виде беззвездной ночи над морем, то бесконечной пустыней, где каждая песчинка была когда-то человеком, жившим на земле. Безмолвие и покой! Вот к чему он стремился, и грустная радость предвкушения их легкой прохладой веяла на пламя, пожиравшее его воспаленный мозг.

Но как все-таки случилось, что он должен бежать из жизни? Что повлияло на судьбу, всегда столь благосклонную к его стремлениям и мечтам? Отчего словно крылья

коршуна, закрыли от его глаз свет солнца, радость дней? Что за ужас овладел им и гонит в могилу?

Альбер ринулся в воспоминания, пытаясь найти следы безжалостного божества, которое разрушило его счастье. Ведь он всегда сам творил свою судьбу. Его сокровищница была в воображении, и, если жизнь в чем-либо отказывала ему, Альбер с лихвой возмещал это в мире фантазий. И, видя его творчество, Рок уступал, воплощая его мечты в действительность. Артист вспомнил свои победы. Да, ему было что-то около двенадцати лет, когда он впервые попал в театр. Впечатления его вылились в могучий порыв стать на подмостки рядом с теми, кому аплодировали, кто жил героическими чувствами и умирал, осыпанный цветами. «У мальчика нет никаких данных для сцены!» — заявил директор театра его отцу, который, вняв мольбам сына, привел его за кулисы. Вслед за этими словами он был раздавлен, как лягушка, экипажем, вылетевшим из воображения маленького Альбера, а ночью весь театр, затаив дыхание, следил за игрой великого артиста Альбера Винта. Не прошло и года с тех пор. Однажды мальчик случайно подменил заболевшего актера гастролировавшей труппы и остался на сцене. А скоро свершилась и его месть. Директор театра, нанесший ему оскорбление, ночью был сбит почтовой каретой и умер под копытами лошади. Конечно, это было совпадение, но в его жизни они происходили слишком часто, чтобы не задуматься над ними.

Вот ему двадцать лет. Он охвачен жаждой любви. Любви необычайной, прекрасной, способной соперничать с чувствами шекспировских героев. Но где найти несравненную Джульетту? Кто таил в себе сердце Офелии? Они были, он не сомневался, однако его требования заключали почти невозможное. Ему хотелось той божественной гармонии, когда бы и его возлюбленная видела в нем Ромео или Гамлета. А ведь именно в этом и заложено чудо и величие истинной любви — встреча двух равных! Двух предназначенных друг другу с самого рождения. Увы, в глубине души Альбера таился робкий ребенок, надевший маску героя, чтобы скрыть свою беззащитность. Даже встретив свой идеал, он не был бы уверен, что будет достоин его и сможет внушить ответные чувства. И он выдумал себе возлюбленную О-о! Знатность и благородство ее ни в ком не вызывали сомнений. Искусство же стало ее единственным гением, которому она служила и верила. Сложные мотивы помешали ей самой вступить на стезю творчества, но во всем мире не нашлось бы более горячего поклонника, более тонкого ценителя и судьи, чем она. Щадя самолюбие юных талантов, она скрывала свое богатство и, если оказывала помощь, то делала это тайно. Имя ее было неизвестно и не могло служить пищей для пересудов суэтной толпы. И вот в ее сердце вошел бедный артист, не имевший в жизни ничего, кроме таланта. Приезжая на спектакли, она прятала лицо под густой вуалью, выбирала самую незаметную ложу и из глубины ее смотрела на своего возлюбленного, впитывая в себя каждый его жест, каждый звук его голоса. Нет, она никогда не аплодировала ему, но скромный букет цветов всегда ожидал его в гримерной. Сердца любящих знают без слов, видят без глаз, понимают без объяснений. Они чувствовали друг друга. Альбер ощущал ее присутствие среди сотен людей, собравшихся в театре. Мрак зрительного зала весь умещался в ее громадных расширяющихся зрачках. И он играл только для нее. Нет, он играл для искусства, вплетая в него свою любовь. Сосредоточив внимание на какой-либо детали во внешности своей партнерши по сцене, Альбер мог представить себе, что перед ним его возлюбленная незнакомка. О, как он жил и творил в те счастливые минуты! По кусочкам он собирал образ своей идеальной дамы. Вот волосы Аннет, темные, блестящие, тяжелые, как воды реки Гураны. Конечно, точно такие же у его таинственной незнакомки. Голос Мари, тихий, но отчетливый и проникновенный, словно исходящий из самых глубин души, был одновременно голосом его

единственной. Хрупкий стан Вероники, нежные глаза Лоры, тонкие руки Иветты, походка Каролины... Все восхищавшее Альбера немедленно становилось достоянием его возлюбленной. И он, упоенный своим неземным чувством, считал себя счастливейшим на свете.

Скоро он приобрел популярность, стал известным. Его искренность вызывала массу толков среди публики и подчас пугала партнерш. Они-то больше, чем кто другой, понимали неподдельность его слез, радости, смеха, страданий. И вот тогда, среди пышных цветов, в которых проявлялись восторги зрителей, Альбер стал находить букет своей незнакомки. В нем никогда не оказывалось ни записки, ни письма, но он отличался особой изысканностью в подборе цветов, так, что юноша мог догадываться об их значении. Темно-синие фиалки говорили о грусти разлуки с ним; желтизна ирисов скрывала ревность; лилии окутывали его ароматом нежности. И если он спрашивал швейцара, кто передал цветы, тот всегда отвечал: «От неизвестной дамы».

Потом Альбер оказался в трудных обстоятельствах. Карьера его могла оборваться. Ему требовалась крупная сумма, иначе угрожала долговая тюрьма с последующей нищетой и потерей всех прав выступать на сцене. Он ни с кем не делился своим ужасным положением, но кто, кроме нее, мог догадаться обо всем? В критическую минуту Альбер обнаружил в своей комнате нужные деньги. И не ей ли обязан он предложением перейти на главные роли в королевский театр, тот самый, где в детстве ему нанесли незаслуженную обиду? Теперь уже наяву, а не в мечтах он произносил длинные монологи, а зал, затаив дыхание, слушал его. Мечты мальчика исполнились. Знаменитый артист Альбер Винт царствовал на сцене, на которую его когда-то непускали.

Но, увы! Здесь же кончилась его романтическая любовь к незнакомке. Шумный успех, богатство, слава заставили его забыть о ней. И, кажется, с этого момента началось его падение. Он потерял источник, в котором черпал вдохновение, игра его стала натянутой и фальшивой. Он повторялся, искал объяснений своим неудачам в интригах других артистов. Завидовал молодым, не желая признать, что его талант иссяк. Упрямство или пресыщенность мешали ему вернуться к своему юношескому идеалу, но скоро их место заняли гнев и дикая ревность. Его юные соперники стали рассказывать о неизвестной даме, которая покровительствует искусству и поддерживает их. Альбер пытался убедить себя, что она не имеет отношения к его забытой возлюбленной, но сердце подсказывало ему, что это не так. Тогда злоба охватывала его. Он ни разу так и не увидел ее, а молодежь описывала ее как реальную личность, восхищаясь красотой и благородством. «Она изменила мне!» — думал Альбер, забыв о том, что сам наделял свою незнакомку неприятной преданностью искусству.

И вот однажды он встретил даму, которая как будто и была его добной феей. Впрочем, он узнал об этом слишком поздно. На одном из новогодних маскарадов Альбер не мог найти себе пары для танцев. В пьяном угare он выбежал на улицу и остановил проезжавшую карету. В ней сидела женщина в лиловом бархатном платье. Густая вуаль скрывала ее лицо, но что-то удивительно знакомое мелькнуло во всем ее облике. Альбер заплетающимся языком пригласил ее на танец. К изумлению, она не прогнала его и подала руку.

Он не помнил, как танцевал. Потом очнулся от звуков рояля. Игра женщины ошеломила присутствующих. Бесшабашная оргия, в которую могло перерасти веселье, вдруг уступила место торжественному празднику благодаря приходу этой дамы. Толпа поклонников окружила ее, оттеснив Альбера. Незнакомку провозгласили королевой

бала. Кто-то шепнул артисту, что она и есть та неведомая покровительница талантов, о которой столько говорили в театре. Что за робость охватила его и почему он не посмел снова подойти к ней?

Мысли Альбера расплылись. Нет, чудеса в его жизни не ограничивались незнакомкой. Он припомнил, как нелепый случай ввязал его в ссору со знаменитым дуэлянтом Гастоном Лера. Артист до той поры еще ни разу ни с кем не дрался на поединках и едва знал, как надо целиться. Его гибель считали решенной и все, кто знал о назначеннной дуэли, смотрели на Альбера с сочувствием. Ждать милосердия от противника не приходилось. Гастон славился своей жестокостью, а в этот раз еще и считал себя оскорблением.

Всю ночь Альбер метался в отчаянии. Самые фантастические варианты рисовались его воображению. Под конец он убедил себя в совершенно невозможном: Гастона вызывает на дуэль какой-то другой противник и назначает поединок за час до их встречи с Альбером, Гастон ранен или убит, но, так или иначе, его вторая дуэль исключена. Под утро артист забылся тревожным сном. Ему отчетливо привиделось место дуэли. Вот он сам подъезжает и выбирает пистолет. Секунданты даже не делают попытки примирить их. Они стали в позицию. Между ними 50 шагов, по 25 на каждого. «Сходитесь», — раздается сигнал. Альбер делает шаг и, не целясь, стреляет. Противник его падает, даже не успев поднять пистолета. На этом артист проснулся. Стрелки часов давно Уже миновали назначенное время. Мысль о позоре заставила Альбера вскочить и, как безумного, мчаться к месту назначеннной дуэли. Там стояли секунданты его противника и что-то горячо обсуждали. «Прямо в глаз!» — донеслись до Альбера слова. Увидев его, они удивленно замолчали. Наконец, один из них обратился к артисту: «Как, сударь? Вы хотите повторить свой убийственный выстрел? Ваш противник мертв». Полный недоумения, Альбер вернулся домой. Целый месяц затем весь город пересказывал историю этой дуэли. Оказывается, точно в срок артист собственной персоной явился на поединок и с первого же шага прострелил Гастону голову. На него смотрели, как на героя. Артисты готовы были носить его на руках и подарили лавровый венок с надписью «Славе артиста не помешает слава дуэлянта».

А Альбер, потрясенный всем происшедшим, думал о том, что у него есть двойник. Конечно. Или как же объяснить другие невероятности. Он добивался любви известных красавиц, но какое-то чувство шептало, что он идет по уже проторенному пути. И последний случай с Полиной яснее ясного подтвердил это подозрение.

Когда он добился свидания и припал к ее ногам, сознавая, что ему отвечают взаимностью, она вдруг сказала: «Негодный, я думала, что вы уже забыли меня и вам достаточно нашей первой встречи».

Первой? Кто-то всюду опережал его. Кто-то с его лицом, голосом, манерами. И все, что он переживал в фантазиях, было лишь эхом настоящего, которым пользовался его двойник. Альбер подошел к грани, за которой начиналось безумие. Он стал бояться самого себя, своих желаний, воображения. Тем не менее оно успело нарисовать картину его крушения. Спустя короткое время это произошло на самом деле. Ему отказали в роли, неудачная игра в карты лишила его состояния. Друзья покинули, поклонники отвернулись. Он остался один.

Впрочем, нет! В довершение всех бед у него появилась мания преследования. Днем и ночью Альбер чувствовал присутствие кого-то, кто шел по его следам. В отчаянье он бросался навстречу опасности, но останавливался, не смев столкнуться с ней лицом к

лицу. Внезапно обернувшись на улице, он успевал заметить силуэт женской фигуры, напрягая слух, он улавливал за собой легкие шаги. Суеверный ужас обьял его. Альбер понял, что это сама смерть преследует его. И тогда он перестал выходить из дома. Тяжелые шторы закрыли окна комнаты. Свет лампы ни на минуту не угасал даже в дневные часы.

Но все напрасно. Альбер знал, что там, за стеной дома, его ждут и ему никуда не деться. И вот последняя вспышка мужества подсказала ему выход. Он умрет сам, как мужчина. Это не будет смерть труса, умирающего от одного страха перед ней. Завтра он все свершит сам.

Приняв решение и обдумав, как должно оно произойти, Альбер несколько успокоился. Усталость охватила его, и он собирался прилечь, когда его поразила мысль о нелепости. «Зачем спать? — спросил он себя. — Завтра я умру». А вдруг его преследовательница опередит его? Вдруг она захочет войти? Альбер вскочил, вспомнив, что забыл закрыть двери.

Легкий стук у порога отбросил его в сторону. Створки тихо растворились. Глазам артиста, полным отчаянья и ужаса, явилась дама в лиловом бархатном платье.

— Кто вы? — едва прошептал Альбер, хотя уже ясно сознавал, что именно эта таинственная фигура преследовала его.

Она откинула вуаль и сняла шляпу. Тяжелые волосы, темные и блестящие, как у Аннет, упали на ее плечи. Нежные глаза Лоры устремились на него с невыразимой любовью. Руки Иветты протянулись к нему, и голос Мари произнес его имя:

— Я твое создание, Альбер! Я твоя возлюбленная! Твое воображение обладает силой творить действительность.

Достаточно ли было слова «счастье», чтобы выразить то, что охватило Альбера в следующий момент? Переполненная жизнь замерла в его доме. Не остановились только часы. Они все тикали и тикали, шли и шли, пока не наступил день. И вот он уже стал клониться к вечеру.

— Альбер! — сказала его возлюбленная, прерывая поцелуй. — Ты можешь опоздать. Карета уже ждет тебя.

— Куда опоздать? — изумился артист.

— К мосту через Гурону. Сегодня на закате там должен кто-то умереть и этого никто не изменит.

Вновь безысходность опустилась на Альбера. Как страшно подшутила над ним судьба! На одно лишь мгновение она дала ему вдохнуть воздух, почувствовать всю радость жизни, и вот вновь увлекает на дно. Он всего лишь кукольная игрушка в руках неведомых сил, которыми пользовался, не сознавая этого.

Альбер перестал сопротивляться.

Закатное солнце, коснувшись воды, озарило фигуру артиста на середине моста. Предсмертная тоска наполнила его грудь. Он обернулся. Там, на берегу, стояла его

влюблена в него незнакомка, закрыв лицо руками. Нет, она не могла желать его смерти? Ведь он создал ее, и вместе с ним умрет и она. Альбер вынул пистолет.

Внезапно с другой стороны моста послышался стук копыт, и колеса великолепного экипажа загрохотали по мосту. Шестерка взмыленных лошадей остановилась. Человек в черном безукоризненном фраке выскочил из кареты и подбежал к самоубийце. Альбер словно увидел себя в зеркале. Его двойник снял Цилиндр и протянул артисту. Еще через минуту раздался выстрел. Тело двойника скрылось под водой, подняв фонтан прозрачных брызг. Букет алых роз поплыл вниз по течению к заливу.

НАСЛЕДНИКИ

Два сына, два принца было у славного короля Эгрола. Одного звали Грэн, и был он красив, удачив и силен. За что бы он ни брался, удавалось ему, и ни перед кем не склонял он гордой своей головы. Второй принц по имени Глом казался тенью брата. Ничем не выделялся он среди своего окружения. Ратные подвиги не манили его. Пышность дворца, веселые пиры и охота тоже не волновали его сердце. Ровно и спокойно принимал он и удачу, и невезенье, и придворные шептались, что вряд ли он прославит имя свое среди потомков.

Тем временем пришло время совершеннолетия, и король решил выделить каждому из принцев часть своих владений, дабы они могли проявить самостоятельность и показать, на что способны. Ведь одному из них предстояло унаследовать королевский престол. В равной мере принцы были наделены и землями, и воинами, и придворными. Но, как и ожидали при дворе, вскоре Грэн далеко опередил брата. Отправившись в опасные походы со своими рыцарями, он вернулся с богатствами, на которые стал украшать земли. Дворцы и замки вознеслись в его владениях. Пирсы и турниры привлекли к принцу отважных соседей. Трубадуры слагали о нем песни и прозвали Счастливым Принцем. И никто не сомневался, что в недалеком будущем он станет королем могучего государства.

Что же касается Глома, то его судьба складывалась иначе. Не храбрые рыцари являлись к его двору, а всякого рода несчастные люди. То ли доброта Глома и его отзывчивость, то ли терпение, с которым он переносил неудачи, привлекали к нему. Постоянно искали у него прибежища слабые и испытывающие нужду, и ни перед кем не закрывал он двери своего дворца. Увы, нельзя облегчить чье-то горе, не взяв на себя его части. Не процветала страна Глома, хотя и не бедствовала. Некоторые придворные, присланые служить Принцу, разочарованные в своем повелителе, вернулись обратно или ушли служить его брату. Скудная казна и скромная жизнь послужили причиной того, что Глом получил не очень-то почетное прозвище Бедного Принца. И хотя он спокойно относился к подобной молве, однако это прозвище явно не соответствовало истине. Принц вовсе не чувствовал себя бедным. Его простота и легкость души позволяли ему быть естественным. Он и грустил, и смеялся, а «в общем» вполне был доволен своей судьбой. Те, кто жалел его, не могли понять этого. Так, однажды вторглись враги в его страну. Не стал Принц проливать крови своих воинов и жителей страны, а вышел сам к врагам и спросил, в чем они терпят нужду и заявил, что готов выполнить их желание, если это в его силах. Удивился вначале предводитель вражеского войска, а затем прямо сказал, что нужна ему земля принца.

— Пожалуйста, владей вместе с моими подданными, — ответил Принц.

— Но я хочу, чтобы твои подданные стали моими.

— Хорошо. Я не держусь за власть. Может быть, ты станешь лучшим правителем, чем я, и люди окажутся счастливее.

— Ты очень щедр, Принц, но я не смогу почувствовать себя господином твоей земли, если ты не отдашь мне своей головы.

— Бери, если тебе не хватает своей, — сказал Принц.

То ли разгневался, то ли решил испытать его предводитель, но приказал позвать палача и казнить Глома. Простился Принце белым светом, стал на колени, оперся на плаху и положил на нее свою голову. Взмахнул палач широким мечом, но промахнулся и отрубил ему руку.

— Ну что ж, видно тебе суждено жить, — сказал грозный воин. — Будешь находиться при мне. Ты заслужил это, если не своей храбростью, то во всяком случае глупостью. Я еще не встречал столь серьезного шута.

И бедный принц принял и это испытание судьбы. Впрочем, его злоключения скоро кончились. Все несчастья, которые во время правления Принца как-то незаметно испарялись, теперь обрушились на врагов. Они не могли понять, что происходит. Дороги разрушались под ногами их коней, и они летели в пропасть, пожары вспыхивали в домах, неурожай заставлял пришельцев голодать. Проклиная страну Бедного Принца, войска врагов спешно покинули ее. Глом вновь стал править страной, и все постепенно наладилось. Меж тем вражеские войска решили напасть на Принца Грэна. Однако неудача продолжала преследовать их. Грэн разбил врагов, и они бежали, спасаясь от преследования. Предводитель с горсткой воинов оказался опять в стране Глома. Казалось бы, теперь Бедный Принц мог отомстить ему за свою покалеченную руку и унижения, но он не подумал об этом. Перевязав раны и накормив беглецов, он отпустил их с миром. И что-то случилось с предводителем в этот момент, через месяц он вернулся и просил у Принца разрешения поселиться в его стране, и, конечно же, Глом согласился.

Пришел срок возвращаться ко двору короля. Он занемог и спешно призвал к себе сыновей. Оба брата одновременно прибыли в столицу.

Оказалось, что не только больной отец ожидал их. Прекрасная Принцесса Нэоли остановилась во дворце и должна была стать супругой того, кто будет новым королем. И конечно же, принцам надлежало пройти испытания. Первое — это болезнь отца. Астрологи нагадали, что помочь ему может счастливый человек.

— Вам не надо искать его, ваше величество, — немедленно сообщили придворные. — Ваш сын Грэн даже прозван Счастливым Принцем. Радость встречи с ним немедленно исцелит вас.

Принц Грэн явился в покой короля вместе с прославленным лекарями. Прошла неделя, другая, но недуг не оставлял больного. В досаде Грэн покинул отца, утверждая, что астрологи обманули его. Но вот Бедный Принц, терпеливо ожидавший своей очереди, явился к королю и стал ухаживать за ним. Вскоре королю полегчало, и он встал с постели.

Теперь Принцам предстояло справиться с семьей диких волков, опустошивших королевское стадо. Грэн отправился в лес и вскоре вернулся со шкурой огромного

матерого волка. Однако волчица осталась на свободе, и потери стада вскоре удвоились, и ни своры охотничьих псов, ни толпы охотников во главе со Счастливым Принцем не могли ее отпугнуть. Тогда Глом взял в руки свирель и отправился в лес. Вскоре вернулся он, поигрывая какую-то мелодию, и волчица бежала за ним следом, словно зачарованная — «Она будет жить со мной, — сказал Глом. Только не надо забывать ее кормить».

Теперь надлежало сделать принцессе подарок, который бы тронул ее сердце. Грэм привнес ей в подарок ожерелье из бриллиантов, которые захватил в чужих странах. Одела принцесса подарок Грэма с улыбкой, но тут же с криком боли сняла его «Откуда вы достали его, Принц? На нем кровь и слезы и я не смогу носить его». И действительно, на ее шее остались кровавые пятна.

Бедный принц привнес Нэоли чудесно благоухающий белый цветок.

— Как он называется? — спросила Принцесса.

— Еще никак, потому что он только, только выращен мной но теперь, с Вашего позволения будет носить Ваше имя. И не было конца радости Принцессы, потому что новый цветок не увядал, хотя дни шли за днями.

— Теперь ничего не остается кроме как взяться за кружки чтобы решить, кому достанется Принцесса — сказал Грэм.

— Неужели счастливый Принц станет несчастным, если не получит короны и Принцессы? — спросил король.

— Да, это так, отец! — признался Грэм.

— А что скажет мой второй сын? — спросил король Глома.

— Я не хочу становиться на пути брата. Видит небо, что моя жизнь не станет ни богаче, ни беднее, буду я королем или нет. Что же касается Принцессы, то я богат уже тем, что встретил и полюбил ее. Моя любовь не убудет, если я увижу ее счастливой рядом с моим братом.

— О принц Глом, вы так великодушно готовы отдать меня брату, но я не хочу отказываться от вас. Наверное, и я имею право на выбор! — воскликнула Принцесса.

Грозно засверкали глаза Счастливого Принца:

— Отец, раздели свои дары, дай мне корону, а Принцесса мне больше не нужна!

— Попробуй, надень ее, — ответил король.

Как ни старался Грэм водрузить корону на голову, она то не лезла, то оказывалась велика и сползала.

— Не трать сил, — молвил король. — Она волшебная и знает достойного. Принц Глом надел корону, и она оказалась ему в самую пору.

ОКНО

Жил-был Вор. Обычный, как и многие другие. И, конечно же, он находил оправдание своему ремеслу в том, что судьба к нему несправедлива, что вокруг него только злые люди, что он борется за жизнь так, как умеет.

Раньше Вор промышлял вместе с шайками таких же отщепенцев, но вскоре понял, что они не столько помогают, сколько обременяют его. Тем более что держатся они на извращенном понятии дружбы: на самом деле каждый готов продать другого, если ему это выгодно. Время благородных бандитов в действительности не прошло, а его попросту и не было.

Зло, как болото, втягивает в свою трясину всего человека, стоит к нему прикоснуться лишь пальчиком. И тем не менее, отделившись от других и не имея на своей совести загубленных душ, Вор почитал себя едва ли не аристократом в своей среде, и совесть его не тревожила.

И как же обидно и непонятно было для него, когда, входя в какую-либо компанию, он видел, что люди смотрят на него с подозрением и придерживают карманы. Неужели профессия так откладывается на лице? Тогда почему же, когда он сам смотрит на себя в зеркало, то ничего особенного не видит? И ведь и совесть его не мучит, и уж добрую половину своих подвигов, он забыл а то, что забыто, можно считать, и не существовало.

Но вот однажды Вор встретил настоящего Судью. И тот без долгих слов посадил Вора в тюрьму.

— За что? — кричал оскорбленный Вор. — Я ничего не украл.

— Спроси у своего лица, а еще лучше — у совести, — отвечал Судья. — И даже если ты ничего не украл сейчас, то уж в прошлом или в будущем обязательно что-то совершишь! На тебе просто написано, что ты не понимаешь, что такое добро, а что — зло.

И вот Вора заключили в башню, где он должен был находиться неведомо сколько, так как, по мнению Судьи, он был опасен для общества.

Вначале Вору было скучно, потом страшно скучно, потом плохо, очень плохо, так, что он даже стал думать о смерти. И вот как-то, когда он стал отказываться от еды, его перевели в новую камеру. Она была в башне, на самом высоком этаже. Убежать отсюда немыслимо, но зато можно было видеть домишкы, примыкавшие к территории тюрьмы.

Это были жалкие лачуги с чахлыми садиками, и жили в них очень бедные люди. Однако их жизнь казалась Вору невероятно интересной. Особенно один дом привлекал его внимание. В нем жил дровосек с женой и маленькой дочерью. Девочка была так прелестна, что Вор мог смотреть на нее и днем и ночью, не уставая. Она вставала с солнцем, улыбалась, открывая окно, и кричала «доброе утро!» всему миру, так как не предназначала его никому в отдельности. Потом она провожала отца, помогала по хозяйству матери, играла, пела, сама себе рассказывала какие-то истории.

Самое чудесное было вечером, когда она, прежде чем затушить свечу, целовала пушистого кота. Потом она засыпала, и Вор ждал, когда лунные лучи проберутся к ее постели и осветят лицо. Сам того не замечая, он привязался к этой семье и словно стал

жить в ней. Более того, ему стали сниться сказочные сны. Так однажды ему привиделся кот, который пришел в его камеру, чтобы пригласить на день рождения девочки.

— Но как я пройду сквозь стены и не заблужусь на ваших кошачьих дорогах? — удивился Вор.

— О не беспокойся, ты перейдешь в мое тело, а я в твое. Взгляни на мои лапки. Они в розовой краске. Это я сделал специально, чтобы оставить для тебя следы. По ним ты найдешь дорогу.

О, как был счастлив Вор, когда очутился в домике маленькой принцессы, как он окрестил девочку, и получил ее поцелуй.

Но однажды случилось несчастье. Вор увидел, как какой-то чужой человек влез в дом, стал искать деньги и даже вытащил нож, угрожая девочке и требуя, чтобы она открыла, где лежат их сбережения.

Она плакала, а он размахивал ножом. В это время вошла мать. Увидев эту картину, она упала бездыханной на землю. Ее сердце не выдержало этого ужаса.

Грабитель бежал, а Вор у своего окна бился о решетку, отчаянно кричал и плакал. Потом он видел, как в том же дворе похоронили мать девочки, как сама она приходила на могилу и безутешно плакала, а отец ее, не вынеся потери, запил.

Счастье и мир, в котором жила добрая семья, жизнь самого Вора были разрушены в один момент.

Страшным горем явилось для Вора это событие. Тем не менее что-то случилось с ним, и сторож доложил о нем Судье. И вот Вора вызвали снова в Суд.

— Теперь у тебя нормальное лицо! — заявил Судья. — Ты можешь быть свободен.

«Не слишком ли вы поторопились, господин Судья», — подумал Вор.

Его душа кипела ненавистью к грабителю, и он собирался найти его и отомстить. Ведь даже полученная свобода не радовала его. По сути дела в душе у Вора не было никого, кого бы он любил, кроме этой бедной уничтоженной семьи. И вот он пришел к дому, на который смотрел семь лет из окна тюремной башни. Все было знакомо ему. Только дом был абсолютно пуст, если не считать кота.

— Где девочка и ее отец, что живут здесь? — спросил Вор у соседей. Они удивились его вопросу. Тогда он стал пояснять, что в дом влез грабитель, что умерла мать девочки, что отец стал пьяницей.

— Но это произошло уже десять лет назад, хозяин умер вслед за женой, а дочь их где-то пропала. Того же грабителя поймали через три года и посадили в тюремную башню так, чтобы он видел то зло, которое совершил. В ужасе Вор схватился за голову. Внезапно он вспомнил тот обычный для него и, конечно, давно забытый день, когда забрался в дом и решил попугать какую-то девочку и ее мать. Вот что вышло из его поступка.

Но как эти события вернулись к нему через года после того, как произошли? Кому он будет теперь мстить? Вор вернулся к Судье и просил оставить его в тюрьме.

— Только разрешите мне посещать заключенных. Может, я помогу им, и вам.

С тех пор прошло много лет. В разные камеры входил грустный старик с пушистым котом, у которого были розовые лапки. Он ничего не рассказывал о себе, но его присутствие меняло преступников. В них просыпалось доброе начало, особенно когда из-за решеток доносился тонкий девичий голосок, распевающий трогательные песни, а кот забирался им на плечи и ластился.

И, конечно, его мурлыканье было лучшим аккомпанементом и для молчания старика и для песни. И людям возвращалось человеческое.

ТРОЛЛЬ

Эту историю я хочу рассказать самому себе. Как часто, оглядываясь на прошлое, испытываешь такое чувство, будто не ты, а кто-то другой прожил твою жизнь. В самом деле, попробуй сравнить себя настоящего с тем, который когда-то, смеясь, тянулся младенческими руками к огню, видел его блеск и не знал жара. Или с тем, кто призывал смерть у порога женщины, отвернувшейся от его любви. Наконец, узнаешь ли себя в том философе, устремившемся к познанию смысла жизни и обнаружившем такое же бессилие своего рассудка, как ранее — неверность ощущений и непостоянство сердца. Все это был не ты, мой милый. И сейчас, когда дрожат пальцы, а глаза слезятся, встречаясь со светом, тягостно твое недоумение. Все время заключено в настоящем. Так было всегда, и ты словно просидел в кресле с самого рождения, читая увлекательную книгу бытия. Неведомый библиотекарь листал страницы своих дней. И вот повесть близится к концу. Все быстрее мелькают цветные картинки бытия, все громче стучит маятник, отмеривающий твое существование. Тревога охватывает тебя, когдаты ищешь опоры и не можешь оторвать взгляда от страниц. Довольно чтения, пора начать жить! Да, давно пора, но как это сделать? Слишком поздно ты осознал себя отдельно от книги и напрасны твои отчаянные попытки узнать, что лежит за страшным пределом, который надлежит скоро перешагнуть. О, сколько людей окружало тебя при рождении. Их радость, сливаюсь с твоей, отбрасывала любые вопросы. Теперь же тебя мучит сомнение в авторстве дочитываемого произведения. Теперь тебе известно, что каждый встречает смерть в одиночку... Но разве она не одинакова для всех? — Нет. Различна, как и жизнь. Задумайся. Что мы знаем? Остановись не мгновение, спроси у самого себя, у окружающих: «Что мы знаем?»

В одну из тех минут, которые влияют на нашу судьбу, мне попалось на глаза странное изречение Гераклита Эфесского: «Бессмертные — смертны, смертные — бессмертны: живущие их смертью — их жизнью умирающие». Нет, не часы, не дни, а годы я пытался проникнуть в эту мысль, пока не понял, что охватить ее одним разумом невозможно. А между тем в событиях моей жизни все отчетливее вставало решение темной загадки великого мудреца. Но прежде я должен припомнить все сначала.

Когда-то в раннем детстве я очень тяжело болел. Усилия врачей не приносили результатов, и в конце концов они отступились от меня.

Заплаканные лица родных и близких печальной вереницей потекли около моей постели, они прощались со мной, и как ни был я мал, их поведение стало мне понятно. Страх охватил меня, и я закричал. Люди поспешили покинуть комнату, и я остался один.

Вероятно, сознание на какое-то время оставило меня, потому что блеск свечей, горевших в углу, вдруг сменился глубоким мраком. Затем я услышал звук, который вначале был очень тихим, но постепенно все нарастил, словно шум камня, падающего с большой высоты. Я узнал свой голос. Это мой крик возвратился ко мне. Позднее, когда мои представления о мире расширились, я понял, что поразившее меня явление называлось эхом. Стекла в очках задрожали, как от удара, и в то же мгновение рядом с моей постелью оказался маленький лысый старичок. Одет он был в какой-то старинный камзол с замысловатыми узорами, которые переливались, как живые блестящие змейки на черном фоне бархата.

Незнакомец раскурил длинную трубку, а затем, наклонившись ко мне, пустил густую струю дыма мне в лицо. Нежный сладковатый аромат проник в мою грудь. Тело растворилось в нем, стало необычайно легким и поднялось в воздух. Я крепко зажмурил глаза, а когда открыл их, то увидел, что нахожусь в маленьком белом облаке, пронизанном лунными лучами. Подо мной проплывали обледенелые вершины гор. Синеватый туман вставал из темных ущелий, и надо всем царила удивительная тишина. Я говорю удивительная, потому что никогда раньше, ни после не испытывал такого полного и торжественного слияния с миром, такого ощущения покоя, который был, верно, при зарождении Земли. Меж тем мои переживания прервались так же, как и возникли. Я вновь лежал в своей постели, а около меня хлопотала сиделка. Кризис миновал, и здоровье вернулось ко мне. Может, после этой чудесной ночи, воспоминания о которой со временем не потускнели, а стали ярче, я начал мечтать о том, чтобы попасть в горы. Вся комната моя была увешана картинами с изображением хребтов, ущелий, водопадов, однако осуществить свои планы мне удалось лишь много лет спустя.

Случай свел меня с одной семьей, глава которой, Сигурд Кальвис, был одержим оккультными науками, и, вероятно, обладал немалыми способностями, так как свободно ориентировался в самых запутанных откровениях каббалистов, знал литературу алхимиков, разбирался в астрологии. Все эти забытые учения вместе с верой в колдовство — давно отвергнутые и осмеянные нашим веком, в руках Сигурда являлись тайной силой, которая внушала уважение. Порой, когда он рассказывал о своей жизни, мне казалось, что он безумец или лжец.

Так, Йордис, его жена, по словам Сигурда, только носила облик человека, а на самом деле была речной нимфой, которую он вызвал из водопада, не найдя себе достойной пары среди людей. Имя своей маленькой дочери Сигурд никогда не произносил вслух, так как это могло принести несчастье. В доме его жили семь черных без единого пятнышка кошек, которых никогда не кормили, но раз в день хозяин садился за старую фисгармонию и играл для них одну и ту же старинную мелодию. Он утверждал, что в этот момент сгущается астральная энергия и передается его питомцам. Кошки же, олицетворявшие собой духов природы, располагались вокруг музыканта в самых причудливых позах и замирали, внимая его игре. Конечно, все это казалось бредом, если бы предсказания Сигурда своим знакомым не сбывались с поразительной точностью, если бы он однажды не разыскал клад после своих ночных занятий, если бы в зеркале, отлитом из чистого серебра, не появлялись бледные лица давно умерших людей.

И вот новая идея захватила Сигурда. Золото, которое он нашел, пробудило в нем алчность. «Есть великий закон тождества, гласящий, что подобное притягивает подобное, — заявил он. — Мне нужно чистое золото, которого еще не касались руки

людей. Я отолью золотой жезл и с его помощью разыщу сокровища горных духов». Вот каким образом затеялась экспедиция на Кавказ, в которой я принял участие.

Долгожданная встреча с горами не принесла мне, однако, тех восторгов, которые я лелеял. Мы начали путешествие поздней осенью, когда в долинах уже осыпалась листва с деревьев, а перевалы покрывал глубокий снег. Густые туманы спрятали величие и красоту вершин. Нас было четверо. Не знаю, что побудило Сигурда взять с собой жену и дочь. Наша экспедиция с каждым днем подвергалась все большим опасностям. Мы шли целые дни подряд, слепо доверившись нашему руководителю. Однажды, на привале, Сигурд впервые за долгое время улыбнулся: «Наш путь близится к концу». Он положил свой жезл на камень, и мы увидели, что сверкающая палочка вдруг повернулась вокруг оси, устремившись острием в сторону ближайшего перевала. Сигурд изменил ее положение, но она снова, как стрелка компаса, указала то же направление: «Завтра мы будем у цели». Ранним утром мы вышли на ледник и стали почти ползком подниматься к крутыму перевалу. Хотя вокруг расстипался снег, ветер, дувший из-за хребта, донес странные ароматы не то цветов, не то листьев. Я шел следом за Йордис, которая обнаруживала невероятную силу и стойкость ко всем тяготам пути. Дочь она несла поочередно с Сигурдом, не выказывая ни малейшей усталости.

Вот мы поднялись выше границы облаков. Сказочно фантастическая страна, озаренная солнцем, показалась нам навстречу. Перевал, казалось, был в двух шагах, когда Йордис вдруг остановилась и запела. «Замолчи! Ты разбудишь Тролля!» — крикнул Сигурд, но женщина продолжала петь.

Внезапно все тело ее стало вытягиваться, покрываясь ледяной коркой. Она всплеснула руками, и они застыли у нее над головой. В одно мгновение она превратилась в прозрачную глыбу льда, пронизанную лучами солнца. Но голос ее звучал все громче и громче. Сигурд побежал к ней и ударил золотым жезлом. Тысячи искристых осколков брызнули во все стороны, вслед за ними фонтаном поднялся столб воды и хлынул вниз в долину, сметая все на своем пути. Горный поток бушевал на том месте, где только что стояла Йордис. Покой ледяного царства нельзя нарушить безнаказанно. Вершина, соседняя с перевалом, стряхнула свой сон, и грозная лавина снежного обвала ринулась на нас. Я очнулся не скоро и странное чувство, что, открыв глаза, я увижу себя ребенком в постели, охватило меня. Может, этому способствовал дурманящий аромат, летевший из-за перевала и напоминающий запах дыма из трубы старика, спасшего когда-то меня в детстве. Веки мои с трудом приподнялись. Я лежал в сугробе снега почти у места нашей последней стоянки. Наступили сумерки, и вершины напоминали Догорающие языки гигантского пламени.

Незнакомая темная фигура поднималась по склону горы. На плечах ее сидела дочь Сигурда и Йордис. Рядом со мной виднелись глубокие следы человеческих ног. В одном из них что-то блестело. Я протянул руку: тончайшей резьбы золотой кленовый лист покрыл мою ладонь. Не помню, как я нашел силы встать и двинуться в обратный путь. Пастушеская хижина у подножия хребта укрыла меня от холода ночи, а затем по тропинке я добрался до селения. Семья Сигурда исчезла, и поиски, предпринятые местными жителями, не принесли результата, я же вернулся домой.

Всю ту долгую зиму меня преследовали воспоминания о гибели экспедиции, о превращении Йордис в реку, о странных словах Сигурда, предупреждавшего не разбудить Тролля.

Прошло три года, переживания мои потускнели и сменились другими.

Наконец, случай снова способствовал моему путешествию в горы. У подножия Кавказского хребта я остановился в небольшом лагере, куда собралась молодежь чуть ли не со всех сторон света. Дни посвящались походам в горы. Вечерами вокруг костра пели песни и танцевали. Как-то среди веселой толпы мои глаза обнаружили девушку, которая не принимала участия в общих затеях, а с напряженным вниманием следила за окружающими, словно кого-то пытаясь найти. Красота ее не вызывала сомнений, но, когда начались танцы, никто не подошел, чтобы пригласить ее. Между тем это, видимо, нисколько не огорчило красавицу. Слегка наклонив голову, она чему-то улыбалась, и длинные, золотистые от огня волосы, падая на лицо, создавали впечатление вуали. В ней чувствовались одновременно хрупкость и сила. Когда-то я увлекался скульптурой и знал, что выразительность тела может говорить подчас куда больше лица.

Поза, в которой сидела девушка, была примечательна: поджав под себя ноги, она откинулась назад, опираясь о землю. Руки напоминали простертые крылья или лепестки. Таков цветок Цикламены, весь воплощенная нежность против бури. Несколько вечеров подряд я наблюдал за незнакомкой, любуясь пластичностью ее фигуры, легкостью движений, неуловимой прелестью полуулыбки, постоянно скрывающейся за сетью волос. Наконец, очутившись рядом с каким-то старожилом, я спросил ее о ней.

— Не советую вам ею интересоваться, — ответил он, — если не хотите печальных приключений. Это Нирэ. Ее называют невестой Тролля. Трудно сознаться в суеверии, но она приносит несчастье тем, кто с ней сталкивается. Она бредит какой-то таинственной долиной, в которой круглый год царит Осень. Несколько новичков, увлекшись ее красотой, а может, и рассказами, отправились с ней на поиски этого места и не вернулись обратно. Обвинить Нирэ в умышленном злодействе нельзя. Она больше всех переживала исчезновение своих спутников, хотя и не могла толково рассказать об их конце. Вероятно, они бросили ее где-то в пути, сообразив, что она безумна, и напрасно пытались найти обратную дорогу.

— А как же возвращалась Нирэ? — спросил я.

— О, пожалуй, это основная причина, почему ее просватали за Тролля. У нее поразительная способность ориентировки. К тому же не раз люди были свидетелями, как она падала с обрывов, где всякого ждала бы неминуемая гибель. Но Нирэ всегда оставалась невредимой, будто и впрямь ее хранит горный дух.

Рассказ моего доброжелателя нисколько не остудил моего пыла.

Заиграл следующий танец, и я с трепетом коснулся руки Нирэ. Где-то я читал, что только дрессировщики знают цену первого прикосновения. Зверь может проявлять какие угодно признаки расположения, но только когда он позволит прикоснуться к себе и не нанесет удара, его считают прирученным. Мне не передать ощущений, которые возникли в тот момент.

Я был брошен навзничь на землю, я стал тонуть без воды, я испытал радость и страх самоубийцы, заглянувшего в бездну, куда он собирался ступить. Потом раздался голос Нирэ, и я уже не замечал, потому что смолкла музыка, потому что слышал другую, лившуюся из глубины души, что давно потух костер, потому что мрак ночи стал для меня ярче света от близости существа, прозрачность которого словно была пропитана

лунным светом. Все фантастические образы и видения, окружившие меня при встрече с Сигурдом, вновь проснулись и безраздельно завладели мной.

— Ты пришел! — сказала Нирэ. — Я так ждала тебя. Теперь мы окончим путь и вернемся навсегда в Осеннюю долину.

Я глядел на нее, как зачарованный, с изумлением узнавая в ней черты маленькой дочери Сигурда и Йордис. С ее слов я узнал, что после обвала она очутилась на плечах старика, который медленно поднимался в гору к тому самому перевалу, где произошла страшная трагедия с ее отцом и матерью. Ужас девочки сменился восторгом, когда они пересекли границу снегов и вдруг очутились в царстве осени. Слоны гор были покрыты старыми кленами, дубравами, сменявшимися березняком, тисами, буком. На ветвях пламенела листва. Ветер срывал ее и нес в долину. Желтые, оранжевые, бордовые листья, кружась как в танце, спускались к голубому прозрачному озеру и покрывали ярким убором берега. Зеркало его вод было чисто, как небо в ясную погоду, и изливало ровный спокойный свет. Самым поразительным было то, что озеро сохраняло постоянное отражение солнца, которого могло и не быть над долиной.

Ночью в темном небе над горами сияли звезды, а лес озарялся лучами, исходившими от озера. И странной чередой сменялась стража двух солнц.

Когда восход возвещал явление нового дня, в тихой глади вод отражался закат, и малиновый диск медленно погружался на дно, превращаясь в исчезающую точку. Тогда в воздухе начинала звучать еле слышная музыка, опавшие листья оживали и поднимались к деревьям, которые покинули.

Немыслимые цветы распускались на полянах, распространяя дурманящий аромат. Горечь хризантем мешалась с грустной сладостью гиацинтов, терпкости астр противостоял запах лилий. Долина вечной осени принадлежала Троллю, который спас Нирэ от обвала. Жезл Сигурда не обманывал его, когда вел к этому месту. Любой листок, занесенный за пределы долины, превращался в чистое золото. Но самое чудесное началось тогда, когда Тролль закурил свою трубку. Воздух сгустился настолько, что Нирэ обрела способность к полету или плаванию в этой атмосфере. Она могла без крыльев медленно парить над лесом, подниматься к сверкающим утесам, где бродили антилопы, заглядывать в темные окна пещер, расположенных у обрывов. На уровне острых вершин ее взору представляло далекое море, лежащее за хребтами, и необозримая облачная страна, никогда не смеющая закрыть небо над владениями Тролля. Наконец, Нирэ, упоенная, спустилась к волшебному озеру и окунулась в воду. Тело ее пронизали тысячи огненных игл и, когда она вышла на берег, то обнаружила, что из ребенка превратилась во взрослую девушку. Платье из плетеных кленовых листьев упало к ее ногам, а голову покрыл венок из дикого шиповника.

— Хочешь ли ты владеть этой долиной? — спросил Тролль.

— Да! — ответила Нирэ.

— Тогда ищи ее, и вместе с ней к тебе вернется твоё детство. Да поможет тебе любовь!

Долина Осени исчезла, и Нирэ вернулась к людям. Много дорог с тех пор исходили ее ноги, тщетно пытаясь проникнуть в заповедные угодья Тролля. Несколько раз она была почти у цели. Но только сновидения позволяли ей вступить под сень нетронутого леса

и взглянуть на светящееся озеро, и то каждый такой сон страшным образом совпадал с исчезновением ее спутников, словно их жизнями она платила за право входа в долину.

— Да поможет тебе любовь! — сказал Тролль. Жестокой насмешкой казались Нирэ его слова. Те, кто отправлялся с ней на поиски долины, вдохновлялись любовью к ней, а не жаждой узреть чудеса, в которые верила она одна.

И вот судьба снова свела меня с дочерью Сигурда и Йордис. Все, что произошло, не стоит долгих описаний. Я решил вырвать Нирэ из-под власти тех сил, которые привели к гибели ее отца. Я решил бросить вызов Троллю, который имел отношение и к моей судьбе. Отрывочными картинами встают перед моим взором дальнейшие события. Вот мы в городе, куда я силой увез Нирэ. Однако ни дом родителей, ни пышность городских развлечений, ни пылкость моих чувств не поколебали девушку в стремлении отыскать владения Тролля. Этому, верно, способствовали и многие странности, вмешивающиеся в нашу жизнь. Мы договаривались с Нирэ о встрече, приходили в одно время и в то же место, но не видели друг друга и расходились. Ночью я часто просыпался от стука в окно, за которым слышался голос Нирэ. Я подбегал и видел ледяную залу, которую пересекала тропинка из желтых листьев. По ней медленно отступал лысый старик в черном камзоле, тот самый, что являлся мне в детстве. Он улыбался и грозил пальцем. Дым из его трубки, наполнявший все помещение, постепенно рассеивался, и он исчезал вместе с ним.

Прошел год, и положение стало невыносимым. Отчаявшись изменить судьбу, я ринулся ей навстречу. Снова мы были с Нирэ в горах и снова шли к долине Осени. Наконец только знакомый перевал отделял нас от цели. Мы расположились на ночлег. Нирэ заснула, а я не мог сомкнуть глаз. За горами вставала яркая луна. Облака медленно ползли, цепляясь за хребет. На одной из вершин они сгрудились столь фантастическим образом, что напоминали гигантскую фигуру старика, в тяжкой дремоте опустившего голову на руки. Я не помню, что за чувство охватило меня, когда я бросился по узкой тропинке, ведущей к той вершине. Сверкающий поток преградил мне дорогу. Как в безумии, я бросился в воду, заклиная ее именем Йордис помочь мне добраться до хребта. И река словно вняла моему голосу, струи ее повернули в другую сторону, и легко подняли меня к ледникам, из-под которых она вытекала. Через короткое время я был у цели. Внизу подо мной расстилалась долина Осени. На вершине в ледяном троне спал мой лысый старик в черном камзоле. В руках его была длинная трубка, дым из которой не рассеивался, а свивался в грозную облачную фигуру, увиденную мною снизу. Я подкрался и, выхватив трубку, пустился бегом обратно. Гром раздался позади меня иль шаги Тролля, я не помню из-за ужаса, охватившего мое сердце. Впереди, указывая дорогу, бежал другой человек. Фигура его показалась мне очень знакомой. Вот, торопя меня, он обернулся, и я узнал Сигурда. У самой стоянки он исчез. Наступило утро, и мы с Нирэ не узнали прежнего места. От перевала не осталось следа. Чуждые взору ущелья сходились в тупике у отвесной стены хребта. Гигантский водопад низвергался с обрыва, и в пене его мелькали красные и желтые листья. Солнечный луч пробился сквозь тучи, сверкнуло золото в прозрачных струях потока, и тотчас исчезло в поднявшемся тумане.

Днем счастья хотел назвать я день, когда ввел Нирэ в свой дом в белоснежном платье невесты. Но он обернулся днем печали, когда среди шумной толпы гостей она исчезла, будто растворялась, оставив мне подвенечный наряд и память о единственном горьком поцелуе, хранимую моими губами. Три дня и три ночи я ждал Нирэ. Она не появлялась. Я достал смертельную дозу опия и, смешав с табаком, закурил трубку Тролля. Была глубокая ночь. Я потушил огонь во всем доме и сел в кресло. Бледный свет позади

заставил меня оглянуться. Он лился из аквариума, стоявшего в углу комнаты. Как он оказался здесь, я не помню. Видно, это был свадебный подарок. Разглядывая его, я с изумлением стал узнавать картины осенней долины, о которых рассказывала Нирэ. Ну да. Вон крошечные деревья, покрытые желтыми и бордовыми листьями, вон чудесное озеро, в котором жило отражение солнца. Вон хребты, огораживающие долину, за ними далекое море. Нежная музыка зазвучала в моих ушах. Стеклянная преграда между мной и аквариумом исчезла, тело мое стало стремительно уменьшаться в размерах. Я успел взглянуть в зеркало. Лысый старик в черном камзоле и с длинной трубкой в зубах. Тролль. Вот в кого я превратился. Я сидел в аквариуме на вершине большого камня и курил. Жизнь моя не окончилась, ибо принадлежала не мне одному. Я передал ее моему фантастическому Троллю, который жил в обратную сторону, мне навстречу, и молодел одновременно с тем, как я старился. Он должен был продолжить мои дни, так же как я — его. Маятник вечных часов не останавливается. Противовесы, вызывающие его движение, встретились и поменялись местами. Нет, я не удивился, когда двери моей комнаты отворились.

«Живущие их смертью, их жизнью умирающие». Тролль, которого трудно было узнать, ибо он принял мой облик, стоял на пороге. Зато его спутница была так хорошо мне известна. Маленькая девочка с длинными золотистыми волосами, падающими на лицо и скрывающими улыбку, держала его за руку. Дочь Сигурда и Йордис смотрела на меня сквозь толщу стекла и воды. Ее звали Нирэ. И не ее ли любовь была тем волшеством, чьи лучи озаряли таинственным светом долину вечной Осени?

ПРОТИВОРЕЧКА

В одном королевстве родилась Принцесса, которая никого и ничего не хотела слушать. Самым важным она считала собственное мнение, и ей так хотелось выделиться среди окружающих, что она всем противоречила, вопреки здравому рассуждку. Потому, верно, и дали ей, кроме собственного имени, прозвище — Противоречка. Узнав об этом, она ничуть не расстроилась.

— Среди людских мнений так много невидимых речек, и многие предпочитают ходить по течению. Я же не такая как все, и потому иду против.

Тогда некоторые придворные изменили прозвище и стали звать ее — Противоречка. Но и это не смущило Принцессу.

— Конечно же, кому-то нравится речка, а мне она противна, и потому я выступаю против нее.

Меж тем общаться с Принцессой было нелегко. Если ей говорили, что пора идти спать, так как поздно, — она отвечала, что совсем не пора, так как еще очень рано. Если при ней хвалили еду и предлагали ей попробовать, она немедленно заявляла, что это невкусно, даже не попробовав угощения. Если на улице было холодно, она одевалась так, как будто стояла жара. Если кто-то хвалил ее одежду и говорил, что это красиво, она немедленно устраивала скандал и заявляла, что это безобразное платье она не станет носить. И так было во всем.

Пришлось королю и королеве, и всему двору переучиваться, чтобы найти подход к Принцессе. И если что-то было плохо, то это начинали хвалить, чтобы Принцесса поступала правильно, и наоборот.

Так, известно было, что Принцессе вредно есть много сладостей, чтобы не портить зубы и фигуру. Но зная, что Противоречка будет делать все наоборот, ей приносили шоколад, леденцы, мороженое и умоляли съесть побольше, чтобы у нее были отменные зубы и грациозная талия. С тем же пылом ей начинали ругать хорошую классическую музыку и поносить цветы с их прекрасным ароматом.

Конечно же, Принцесса, стиснув зубы, часами выслушивала музыку великих композиторов и требовала в свои покой букеты роз и лилий.

Все было бы в конце концов ничего, но одно беспокоило семью. Придет время, и Принцессу нужно будет выдавать замуж. Сумеют ли они убедить принца, что Принцессе необходимо на черное говорить белое, на плохое — хорошее и так далее? И вот, действительно, пришло время, и явились ко двору принцы, чтобы посвататься к Принцессе. Первый же претендент на ее руку пришел в ужас, встретившись с ней. Как принято было в правилах хорошего тона, он представился.

— Я принц Гастон V из страны Гастонии!

— Никакой вы не принц, и такой страны — Гастония — нет на свете!

Что было ответить на это? Оскорбленный искатель отправился восвояси. Второй принц начал с объяснений в любви, на что Принцесса ответила, что он обманывает ее.

— Нет, нет! Я вижу, что вы ненавидите меня, и ваше коварство замышляет убить меня, — заплакала Противоречка.

Такая же история приключилась и с остальными женихами. Но вот однажды, на маскараде, Принцессе понравился один ловкий кавалер, который умело танцевал и был безукоризненно одет по моде.

Принцесса, скрытая маской, сама пригласила его на танец. Приняв ее за придворную фрейлину, кавалер дерзко оглядел ее и сказал, что не хочет с ней танцевать.

— Неправда, вы очень хотите, но боитесь меня, и потому отказываетесь, — заявила Принцесса.

Удивленный молодой человек подчинился ее требованию. Сухо поблагодарив, он постарался отойти подальше от навязчивой дамы, но она вновь нашла его и пригласила еще станцевать.

— Но вы мне не нравитесь! — откровенно заявил кавалер. В ответ послышался смех.

— Чушь! Вы от меня без ума и, пожалуй, я подумаю над тем, не отдать ли вам свою руку.

— Но я не собираюсь жениться! — чуть не закричал кавалер. Однако его дама пришла в восторг. Взявшая его за руку, она сняла маску, подошла к королю и попросила благословить их на брак. Узнав Принцессу, кавалер смущился.

— Прошу прощения, ваше высочество, я не принц, а всего-навсего странствующий художник.

— Очаровательная шутка, — сказала Принцесса. — Он несомненно принц, а не странствующий художник.

Что было делать? Принцессу обвенчали с кавалером.

— Пора навестить ваше королевство, — обратилась как-то Принцесса к своему супругу. Озадаченный молодой человек не смел противоречить. Они отправились в путь.

— Оденьтесь потеплее, — предложил кавалер. — Уже близится зима.

— Ерунда, еще только начинается осень, — ответила Принцесса. И вот, скрепя сердце, ей пришлось испытать мороз и голод, а затем в жалкой лачуге утверждать, что это великолепный дворец. В конце концов, кавалер решил, что Принцесса сошла с ума, и поместил ее в лечебницу для душевнобольных, а сам сбежал подальше, чтобы его не нашли. В лечебнице Принцессе пришлось не так уж плохо. Она встретилась с людьми, которые, как и она, на черное говорили белое, на холодное — горячее, на плохое — хорошее. Противоречия им, она вернулась к действительно правильному соотношению вещей. Горькое стала горьким, потому что больные принимали его за сладкое, красивое стало красивым, холодное — холодным, доброе — добрым. Но самое главное, что доктор, лечивший Принцессу, пришел в восторг от своего умения лечить и прославил свою лечебницу на весь мир.

Эта слава дошла и до родителей Противоречки. Тогда они догадались, где искать исчезнувшее дитя. Принцессу торжественно возвратили во дворец.

— Как печально вас видеть, ваше высочество! — обратился к ней первый министр, привыкнув ко лжи.

— До чего ужасно, что вы возвратились, это повергает нас в ужас! — подхватили остальные придворные. Принцесса молча посмотрела на них, и глаза ее наполнились слезами.

— В самом деле, я так долго заставляла вас страдать... Что верно, мне не найти слов, чтобы испросить прощения.

Ошарашенные придворные пали на колени.

— О нет, нет! Мы счастливы! Вы вернулись. Вы здоровы и улыбаетесь радости и разделяете с нами печали. Разве может быть для нас большее счастье, чем счастье служить вам!

И все вернулось на свои места. И Принцесса уже стала не Противоречка, а Доброреченька. За что ее все любили, и, конечно же, она вскоре нашла славного Принца и была правдива и счастлива, как только бывает в сказках!

Глава 3. ТЕРАПИЯ ПОТЕРЬ

Когда человек теряет близкого, для него теряют смысл и сказки со счастливым концом. Но, с другой стороны, ему очень важно разделить с кем-то свое горе. Поговорить об этом с тем, кто понимает его состояние без слов, кто не дает полезных советов и рекомендаций, кто готов сопереживать, открывая новые стороны явления потери.

Психотерапевтические сказки в этом случае незаменимы. В них нет «уроков», «полезной» информации, но в них есть описание ОПЫТА потери, горевания, возвращения к жизни. Идея бесконечности жизни является ключевой идеей таких сказок.

Эти сказки просто читают или рассказывают и редко обсуждают. Задача психолога в этом случае — помочь клиенту пережить горе, постепенно изменяя отношение к себе и жизни.

ГРЕМУЧАЯ ЗМЕЙКА

На земле нет никаких дел...

Доктор Эд Лесли не мог отвязаться от этой мысли. Ранней весной, ощущив себя на грани нервного истощения, он все бросил и сбежал в горы. Интенсивность городской жизни, перегруженность работой, бесконечная вереница больных вдруг оборвались. Их место заняла яркая зелень просыпающегося леса тысячи ароматов, притаившихся на альпийских лугах, немыслимые краски, в которые одевались заснеженные хребты. И, главное, удивительная тишина, исходившая от природы. Ее не нарушал грохот водопадов и шум ветра в деревьях. Она царила всюду, и Лесли был оглушен ею. Разговаривая, он невольно пони-жал голос, оставаясь один, затаивал дыхание и прислушивался. Чистый воздух заставлял его забывать о еде, прозрачности потоков было достаточно, чтобы утолить жажду.

Очарование жизни дополняла восьмидесятилетняя старуха, хозяйка дома, в котором поселился доктор. Худая и сморщенная, как высохший лист, она ходила медленно, пошатываясь, часто присаживалась на корточки и замирала. Тогда она словно превращалась в уродливый пенек, поросший древесными грибами, или фантастическую корягу, какие попадаются на морском берегу. От нее-то Лесли и получил свое откровение: «На земле нет никаких дел».

Поначалу он рассмеялся:

— Как нет? Вот, например, если б врачи не лечили, люди бы умерли.

— Они все равно умрут, — последовал мрачный ответ.

— Да, но тогда представьте другое, если все перестанут заниматься делами, наступит голод.

— Еда не дело, — возразила вещунья, и он понял ее мысль.

Действительно, добыча пищи вряд ли составляет десятую долю того, чем занят мир. Конечно, Лесли мог продолжать спор, но в это время взгляд его скользнул к горам.

На вершинах словно осыпались лепестки пышных пионов, распустившихся в облаках. Это заходило солнце. В красоте заката растаяли слова.

И вот, бродя по окрестным ущельям, доктор вновь и вновь раздумывал над мыслью старухи. Она казалась темной и абсурдной, но в то же время хранила какой-то скрытый смысл. Жизнь Лесли и подобных ему была проникнута духом «дела». Они надрывались, спешили, куда-то стремились — и все ради «дела». О сколько кажущихся

необходимыми, все новых средств для жизни создавало общество, но кто смог бы утверждать, что он умеет жить, что смысл этой безумной погони ему открыт, что он, наконец, счастлив, выполнив свои дела? Лесли отбросил привычные взгляды, и вдруг ощутил радость свободы. Каким грузом висели на нем все зги... «надо», вечные мысли о делах, заботах!

«На земле нет никаких дел», — вдруг стало чуть ли не его молитвой. Для докера открылся другой мир, и он, будто вспомнил язык животных, понял настроение деревьев, заметил характеры камней.

По праву, Лесли мог считать себя заново рожденным. Теперь он глядел на старуху без прежнего превосходства и в словах ее находил для себя немало полезного. Но она говорила редко.

Как-то перед отъездом доктор забрел в глухую долину высоко в горах. "Пропитанный смолистым воздухом хвойный лес остался позади. Лесли окружал кустарник, прижавшийся к земле, да кое-где редкие деревца, на которых еще не распустились почки. Слоны гор стояли обнаженными, местами в балках лежал снег.

Потрескавшиеся скалы поросли буйным лишайником, Унылый вид долины тягостно подействовал на Лесли, и чтобы отвлечься, он вытащил свирель. Не раз она избавляла его от неприятных настроений в городе, а здесь он еще ни разу не играл на ней. Лесли приложил ее к губам, Тотчас отозвалось эхо. Случайное расположение гор вдруг выявило странный акустический эффект. Мелодия исчезала в одном месте, через минуту появлялась в другом, наслаивалась на ту, что летела из третьего. Горы перебрасывали ее, как мяч, и вот словно целый оркестр зазвучал в долине. Пораженный доктор давно уже опустил инструмент, испугавшись вызвать обвал, а музыка все продолжалась, то нарастая, то слабея. Наконец последние звуки смолкли.

Снизу пахнул холодный ветер. Тяжелая туча, почти на том же уровне, что и путник, скрыла солнце и потянулась в долину. Стало темнеть. Лесли решил подниматься выше и, может, найти убежище от дождя.

На обломке плоской скалы, нависшей над ручьем, сидел крошечный человечек, уткнув голову в колени. Его можно было принять за годовалого ребенка, но длинные ногти на руках, седая борода и лоб, покрытый морщинами, опровергали это предположение. Фиолетовый камзол из бархата, перехваченный золотой парчой, облачал его фигуру. Волосы стягивал обруч, украшенный сверкающими камешками. Заметив Лесли, человечек чуть улыбнулся и кивнул.

— Ты мне не кажешься? — воскликнул невольно доктор.

— Нет! Так же как и ты мне, — ответил гном. — Спасибо тебе за музыку. Она немного рассеяла мою тоску.

— А что ее вызвало? — спросил Лесли.

— Вопрос врача, — заметил собеседник. — Но я не могу ответить, хотя называю это тоской одиночества. Скоро год, как меня ничто не радует, ничто не трогает мое сердца. Все сокровища, которыми я владею, королевская власть, самые веселые духи природы не дают мне утешения. И с каждым днем мое тело становится все тяжелее, так что в конце концов я должен окаменеть. Среди моих предков уже случалось такое. Там, в конце долины, спят семь каменных королей. Однако тоска не оставила их. И они растут

вместе в ней. Даже ты, увидев их, назвал бы их великанами. Но к ним нельзя приближаться. Их каменные глаза продолжают глядеть и после смерти. Никто не выдерживает их взгляда, и потому они поставлены охранять дорогу к нашим сокровищам. Теперь мой черед, но я хочу жить, а если умереть, то только после моей тоски. Скажи мне, есть ли средства исцелить меня? Я уже не раз думал, что мне надо искать помощи у людей. Твоя музыка наполнила меня надеждой.

Лесли задумался:

— Тоска одиночества? У нас ее прогоняет любовь. А разве у тебя нет подруги?

— Любовь? — воскликнул гном. — Ее слишком мало в наших сердцах, едва хватает на самих себя.

— Тогда я не знаю, как помочь тебе. Разве что ты бросишь все и отправишься искать любовь среди людей.

— И ты уверен, что найдется кто-то, кто полюбит меня? О, если б можно было купить любовь или завоевать!

Доктор опустил голову:

— Если тебе помогла музыка, я подарю тебе свирель.

— Нет, нет... у меня есть сотни искусственных музыкантов, но никому не удается развлечь меня. В твоей же игре изливается человеческая душа, и меня исцеляет ее сила. И ты, ты вспоминай меня, это облегчит мою тоску.

Прощаясь, гном протянул Лесли бирюзовое кольцо:

— Кому бы ты ни отдал его, оно вернется к тебе.

Они расстались. Уже укладывая вещи, доктор шутливо спросил хозяйку:

— Что может помочь одинокому?

— Такой же одинокий, — ответила старуха.

Нет, Лесли не был таким же, хотя никто не ждал его в пустом доме в городе. Уединение, в котором он жил, не тяготило его, тем более, что оказывалось всегда очень недолгим. Кроме него дом населяли книги, старая мебель, предававшаяся воспоминаниям и умеющая вздыхать по ночам. Доктор возвращался к себе под вечер, а уходил рано утром.

Говорящий попугай и гремучая змейка, которую подарил ему приятель, вернувшийся из путешествия по пустыням. Лесли все собирался выпустить ее на волю, но не мог найти подходящего места. К тому же он скоро привык к опасному соседству, и сны уносили его в дальние края, полные чудес, когда он слышал звенящий шорох за стеклом террариума. Это гремучая змейка пела свои гремучие песенки. Доктор часто забавлялся тем, что играл для нее на свирели. Змейка поднимала голову и слегка покачивала ею в такт мелодии, но зачаровать ее, как делали факиры, и заставить

танцевать Лесли никогда не удавалось. «Я плохой заклинатель или моя змея слишком высокого рода, чтобы позволить себе вольности», — смеялся он.

Лесли вернулся в город, но большая часть его осталась в горах. Все чаще он вспоминал гнома, размышляя над тем, как его вылечить.

Последние слова старухи заставили доктора поглядывать на гремучую змейку.

Однажды ночью он проснулся от тихого стука в дверь. Лесли открыл. Никто не переступил через порог, и тогда он сам шагнул в темноту.

Вместо уличных фонарей ему светили звезды. Дом его исчез. С обеих сто-рон выселились горы, напоминая собой застывшие облака. Он узнал долину гномов. У ручья, как и в первый раз, сидел крошка-король, обхватив колени руками:

— Спасибо, что ты пришел. Я скучал без тебя. Если хочешь, я покажу тебе мой дворец.

И они вошли в гору. Бесчисленные галереи, вырубленные в мраморе, вели к сталактитовым пещерам, озаренным громадными каминами. Малахитовые резные лестницы спускались к подземным озерам. В нижних была вода, и она мерцала от множества светящихся рыбок, другие напоминали ртуть, и ее радужные пары превращали стены гротов в перламутр. На дне третьих шипела лава, и искры взлетали, как фейерверк, рассеивая темноту. Причудливый парк окружал дворец. Вместо деревьев там возвышались сталагмиты, покрытые мхом. Плющ устипал дорожки. Множество разноцветных ящериц сновало среди каменных цветов и создавало узоры, подобные тем, что можно увидеть в калейдоскопе. В парадных залах дворца били фонтаны, и золотые светильники отражались в стенах, выложенных горным хрусталем. Здесь были изумрудные и рубиновые комнаты, гранатовые коридоры, мебель из кусков аметиста и других драгоценных камней и металлов. И все сверкало и переливалось в огне бесчисленных канделябров.

— Хочешь ли взять что-нибудь с собой? — спросил гном. — Или желаешь остаться и владеть этим вместе со мной?

— Нет, — ответил Лесли. — Эти сокровища не могли сделать тебя счастливым, и я не верю в их силу. Остаться я тоже не могу. Позволь мне вернуться домой.

— Я не удерживаю тебя.

— Но как мне добраться обратно? — изумился доктор.

— Ты дома, — ответил король. — Это я должен думать о возвращении. Твои мысли сократили мой путь к тебе, но теперь над нами вновь законы пространства. Прощай!

Подул ветер и, словно перевернув страницы книги, рассеял картину гор. Лесли стоял у крыльца своего дома, а гном медленно отступал в темноту.

— Постой! — крикнул доктор. — Я, кажется, нашел для тебя способ исцелиться от тоски!

Глазки короля сверкнули, и он подбежал к Лесли.

— Тебе нужен друг, такой же одинокий, как ты.

— Где мне найти его? — спросил гном недоверчиво.

— Я дам тебе его. Это гремучая змейка. Нет в мире более одинокого существа, чем она!

— Но ведь это сама смерть! — воскликнул король.

— Да. Всеми ненавидимая, но никто другой не будет так же одинок, как ты. Возьми ее и мою свирель и, если змейка полюбит тебя, тоска твоя пройдет.

И гном ушел, унося с собой страшный дар Лесли.

Кончилась осень, когда Лесли встретил Нору. Она танцевала в костюме снежинки, но напоминала ей ручей, несущийся по склону горы.

Легкостью и болью был пронизан ее танец. Странное выражение испуга застыло на ее лице. Такое бывает у человека, который летит в бездну и ждет удара. Лесли видел, что Нора продолжает падать, даже тогда, когда танец кончился и она, улыбаясь, выбежала на аплодисменты.

Человека охватывает нежность и желание проявить заботу, если он вдруг встречает заблудившегося ребенка. Доктор почти физически ощутил несчастье, нависшее над хрупкой танцовщицей, и поспешил к ней.

Толпа разошлась, когда из артистического подъезда выскользнула Нора. Ее стремительная походка вначале смущила решимость Лесли, но он привык доверять первому впечатлению. Догнав ее, он робко протянул ей две белые хризантемы. В сумраке они напоминали тающие хлопья снега.

Стебли были продеты в бирюзовое колечко, которое подарил гном. Девушка смущилась, взяла цветы и ждала, что он ей скажет. Но Лесли только поклонился и отступил. «Посмотрим, как вернется кольцо!» — думал он.

Через несколько дней Нора сама пришла к доктору.

— Чудеса еще случаются. Я нашла вас, — сказала она. — Простите, но в тот раз я не заметила колечка, потом решила, что такая редкая вещь не могла входить в подарок, и хочу вернуть его. Кольцо же словно подсказывало мне дорогу к вам, но теперь появилась вторая трудность: я примерила кольцо, и оно не снимается с пальца.

— Оставьте его у себя, — сказал Лесли. — Оно ваше.

Немного времени понадобилось, чтобы они стали друзьями, но еще скорее Доктор понял причину тайного надлома, который он обнаружил в девушке. В ней была смертельная болезнь, но, предчувствуя неизбежность конца, Нора всеми силами пыталась скрыть свой недуг.

Жизнь изливалась из этого треснувшего сосуда щедрыми потоками. Девушка всегда была в движении, казалась веселой и счастливой. Любая затея находила в ней отклик, и сама она являлась неистощимым родником очаровательных фантазий. Никто не умел

видеть столько красоты в окружающем, как она. Подобно волшебному фонарику, Нора превращала бесцветную ткань будней в праздник.

Полный зарождающейся любви и ужаса, Лесли вступил в борьбу за ее жизнь. Она приняла его участие без слов, не возражая, но не обольщаясь надеждой, баянны усилия доктора замедлили поступь болезни, но не смогли заставить ее отступить.

Погруженный в новые заботы, Лесли почти забыл про гнома, но как-то ночью опять раздался стук в дверь, и тот предстал перед доктором.

Лесли не узнал короля, так он изменился. Седина, как снег, растаяла в его волосах, и они стали черными и блестящими. Радостная улыбка сменила печаль лица.

— Ты забыл меня, — сказал гном. — Но я не сержусь. Твой совет вернул меня к жизни и дал силы. Тоска одиночества испугалась тихой песни твоей змейки и покинула меня. Каждое мгновение я сознаю, что достаточно мне протянуть руку, чтобы почувствовать смерть, и это мысль возвращает мир и радость душе. Твоя гремучая змейка соединила меня с миром ушедших. Знаешь ли ты, что она оказалась королевой змей и что укус ее, убивающий живых, может воскресить мертвых? Правда, только на время. С заходом солнца она должна убить оживших или умрет сама. Она заставила говорить моих предков. Семь королей в долине гномов уже просыпались от вечного сна, и яд, вторично возвративший к смерти, избавил их от тоски.

— Но счастлив ли ты в своей жизни?

— И да и нет, — ответил Лесли. — Моя возлюбленная танцует, но дни ее сочтены.

— Время не существует для любви, — сказал гном. — Ах, если б моя змейка еще научилась танцевать!

Доктор грустно улыбнулся:

— Пусть научится у горных ручьев.

— Лучше у людей, — заметил король.

Они расстались. Снова пришла весна, конец Норы быстро приближался. Постель заменила сцену. Силы ее иссякли, но она еще мечтала станцевать в последний раз.

— Я придумала танец, который будет называться «Для доктора Лесли». Он же, сдерживая слезы, убеждал ее отложить выступление.

Однажды, задержавшись, он торопился к Норе, когда его остановил знакомый.

— Вы не были сегодня в театре? Там танцевала Нора, номер, посвященный вам. Успех необычайный, но, кажется, он дорого ей обошелся.

Лесли вспомнил, что Нора еще день назад дала ему билет, взяв слово прийти на концерт. Но он забыл об этом. Доктор ринулся к дому.

Нора лежала в постели прозрачнее льда, шею охватывало ожерелье из черных камешков. Если можно сказать, что пламя бывает черным, то именно это сравнение

было приложимо к ним. Они горели! Их узоры жили, как глаза неведомых существ. А танцовщица умирала.

— Спасибо вам, Лесли! Ваш последний подарок дал мне силы станцевать для вас! — И она коснулась рукой ожерелья. Через минуту ее не стало.

— Нора! Нора! — звал Лесли, целуя ее руки. Непереносимая тоска впилась в его сердце. Он опоздал принять ее дар, увидеть танец, посвященный ему, он опоздал сказать ей о своей любви, которую она так ждала — и все это опять из-за дел, вечных дел, которые завладели его жизнью.

Теперь вечность легла между ними. Доктор закрыл лицо руками.

— Еще не все потеряно, — раздался тихий шепот. Он поднял голову. Комната была пуста. Лесли взглянул на Нору и отшатнулся: ожерелье на ее

груди зашевелилось, превратившись в гремучую змейку.

— Я подарю вам день, — опять прошептала она. — Не потеряй из него ни капли.

Веки Норы дрогнули, и глаза раскрылись. В этот день они прожили целую жизнь.

— Я не расстанусь с тобой, любимая! — сказал Лесли, когда вечер заглянул к ним в окно. — Мы вместе уйдем отсюда.

Они сидели и ждали, не понимая, почему не является гремучая змейка. Солнце давно уже скрылось за горизонтом, и стало темно. Тихий стук в дверь вернул их к действительности...

Опустив голову, с лицом, залитым слезами, вошел гном:

— Живи, Нора, и ты, Лесли. Змейка не придет, а я останусь с вами. Еле слышная песня зазвучала в комнате:

«Когда ты наконец засыпаешь,

Сон мой свертывается у твоего изголовья, как гремучая змейка, гремящая своими гремками свою гремучую песенку...»

ПЕСНЯ

Незадолго до своей смерти я странствовал по Германии и попал в старинный город Гейдельберг. Вечно живой и юный студенческий дух, в окружении вековых зданий университета, монастырей, соборов, замков, создавал непередаваемую атмосферу гармонии между прошлым и настоящим. Река Никор с высокими берегами и мостами, разрезавшая город надвое, казалась ободом перстня, на котором прихотливым узором располагались бесчисленные узкие улочки городских построек. Самым удивительным была тишина толпы, снующей среди древних домов. Нет, конечно, люди не молчали и вели себя, как обычно, но какая-то сосредоточенность, глубина, исходящая и от горных склонов, охватывающих долину реки, и от руин королевского замка, царящего над городом, и от старой позеленевшей скульптуры, свидетельствующей о величественном прошлом, — все это создавало особое настроение. Недаром многие знаменитые

философы и музыканты жили в Гейдельберге, и в память о них по склону горы шла «философская тропа». Недаром скульптура мудрой Афины венчала старый мост, недаром... Но это можно продолжать до бесконечности. Просто казалось, что в городе вместе с культурой куется особое время. Здесь рождается и здесь же умирает.

Однажды вечером разразилась гроза. Спеша укрыться от непогоды, я завернул в какую-то гостеприимную таверну. Она была полна, и в ней было тепло и уютно.

Странствующие музыканты развлекали собравшихся песнями и музыкой XV века. Когда-то они звучали в этих кабачках для наших предков и чудом сохранились в чьей-то памяти или в старинных нотах. Музыкантов было шестеро: трое юношей и три девушки. В старинных нарядах, распевающие разудальные или протяжные мелодии, они казались пиратами, явившимися после удачного рейса. Смех, шутки, стук барабана, звуки свирелей и скрипки, бешенные танцы сыпались одно за другим, вовлекая гостей в безудержное веселье. В разгар пирушки сильный удар грома прозвучал в тот самый момент, когда кончилась одна песня и началась другая. На смену веселью в наступившей тишине одинокий женский голос затянулся протяжную, грустную мелодию. Какая-то старинная песня девушки, ждущей своего возлюбленного. Странные слова были обращены к нему. Она заклинала прийти к ней, хотя никогда его не видела прежде: «Из-за дали веков, из-за дали морской я зову тебя и верю, что где-то ты есть, мой возлюбленный, иначе для чего Бог создал мое сердце и поселил в нем ожидание тебя. Я ищу и жду. Мимо глаз моих проходит столько людей, сколько волн стучится о берег, но я не встречаю тебя, мой Единственный. Прошу отзовись, приди, напои меня водой, и я подарю тебе три розы».

Что-то необыкновенное произошло со мной. Мелодия простой песни вдруг словно проколола мое сердце, а слова оказались обращенными прямо ко мне.

Этот зов имел силу могучего заклинания. Я закрыл глаза и очутился в какой-то каморке. Одинокая лампада освещала убогую обстановку. В узкое оконце, напоминающее скорее бойницу замка, заглядывал серп луны.

На широкой кровати, занимавшей чуть ли не всю комнату, лежала девочка лет пяти с бледным лицом и чудесными золотыми волосами, которые покрывали ее чуть ли не до самых ног.

Губы ее были сомкнуты, но мне казалось, что она только-только пела эту песню и эхо ее голоса еще звучало в каких-то темных галереях, ведущих в эту комнату. На глазах ее блестели слезинки, но, увидев меня, она улыбнулась.

— Вот ты и пришел! — сказала она. — Скорее дай мне воды, а то я умру.

Я растерянно оглянулся. На подоконнике стоял старый кувшин и чаша. Я налил воды и протянул ей. Она глотнула и покачала головой.

— Мне нужно больше воды!

— Сколько больше?

— Ну как ты не понимаешь! Я хочу море!

— До него далеко.

— Но и ты был так далеко, еще и дальше. А теперь ты пришел, значит, ты волшебник и можешь все. Я жду! — заявила моя собеседница.

И я начал ей рассказывать сказку о море, и, как в чудесном сне, все, что я говорил, тотчас являлось перед нами. И вот мы были на скалистом острове, увитом плющом и розами. Мраморный замок нес свои башенки над бирюзовой поверхностью волн, ласточки вили гнезда по стенам. Чайки кружили над берегом. Затем мы плыли на корабле и слышали музыку и пение сирен... Но я не хочу снова пересказывать свои фантазии, которые открывали нам дороги в подводные гроты, знакомили с русалками, приводили ко встречам с принцами и трубадурами, пилигримами и пиратами... В заключении этой фантастической ночи мы вернулись в дом, где жила моя крошкачая подруга.

— Вот я и здорова! — смеялась, сказала она. — Теперь поцелуй меня, и я подарю тебе розу.

Я потянулся к ней и вдруг увидел наше отражение в оконном стекле, уже освещенном встающим солнцем. Я увидел себя таким же ребенком, как и это чудесное дитя. Облаченный в костюм пажа, я составлял достойную пару моей маленькой dame. Она также была в старинном голубом платье, обшитом кружевами. Белый завитой парик венчал ее точеную головку. Девочка протянула мне желтую розу, словно выкованную ювелирами из бледного золота. Медовая сладость ее аромата заставила мою голову закружиться. Когда же я открыл глаза, то очутился опять за столом в таверне Гейдельберга. Вокруг сидели незнакомые люди и пили пиво. Выступление странствующей труппы окончилось. Я подошел к музыкантам и спросил, будут ли они еще где-нибудь выступать. Они назвали таверну, в которой собирались выступить на следующий день.

И опять была гроза, и я снова сидел в зале, с нетерпением ожидая той волшебной песни. И вот она зазвучала и перенесла меня в иное место. На этот раз я оказался на искалеченном пиратском судне. Прелестная девушка с большими печальными глазами стояла у мачты, глядя на гигантские волны океана, что одна за другой постепенно разрушали корабль. Увидев меня, она виновато улыбнулась:

— Я боялась, что погибну и больше не увижу тебя. Но ты пришел, и мне ничего не страшно. Спасибо тебе.

Ее прозвище было Сирена, и пение чаровало всех, кто ее слышал. Сам король захотел, чтобы она пела только для него. Она отказалась. Король построил для нее чудесный дворец с парком на берегу моря. Сирену это не прельстило. Свободу свою она не захотела обменять ни на что. В своих песнях она позволяла себе смеяться над глупостью и властью, богатством и лицемерием. Король разгневался и велел заточить ее в тюрьму. Девушка бежала из страны и нашла себе прибежище среди странствующих музыкантов. Наконец пираты похитили ее, чтобы она скрашивала их жизнь, полную опасностей и сражений.

Ее голос и песни смиряли их свирепость. Она не принадлежала никому и пела лишь тогда, когда ей хотелось. Пуще своих сокровищ берегли ее морские разбойники. И вот после неудачного боя их израненное судно настиг штурм. Волны добивали корабль, и с минуты на минуту он должен был пойти ко дну. Оставшиеся в живых сколачивали плот. Раненные догадываясь, что для них не будет места, с тоской заряжали пистолеты, чтобы оборвать свою жизнь вместе с гибеллю корабля. Капитан вышел из каюты и

подошел к Сирене: «У правого борта маленькая шлюпка для двоих. Мы должны, не дожидаюсь развязки, спуститься в нее незаметно и отчалить. Может, нам повезет...» Она покачала головой. Пират побагровел и вдруг взгляд его упал на меня. «Кто ты? Как сюда попал? Так вот твой хранитель, Сирена!» Лязгнув о ножны, в одно мгновение в его руках оказалась шпага. Я отступил. Холодный клинок коснулся моей груди. «Волшебник! Вспомни, что ты все можешь!» — крикнула девушка. Я кивнул и тотчас ощутил в своей ладони рукоятку другой шпаги. Не зная приемов фехтования, я отбивался и наносил удары. Несколько моряков бросились на помочь капитану. Порой их клинки проходили сквозь меня, но не приносили мне вреда, как если бы протыкали воздух. Я оставался невредим и продолжал сражение. Ужас охватил пиратов. «Призрак! Это призрак!..» раздались голоса, и они кинулись прочь от меня. Громадная волна опрокинулась на палубу и смыла почти всех, кто на ней находился. Корабль страшно затрещал. Я подал руку Сирене и она взяла ее. Мы спустились к накренившемуся борту и увидели на воде ялик. Мы отчалили вовремя. Следующая волна поглотила корабль. Целую ночь мы плыли, и волны каждую секунду грозили захлестнуть лодку. Но Сирена не страшилась и порой начинала петь мне свои песни. Под утро ялик перевернулся, и мы оказались в воде.

— Я не умею плавать! — шепнула девушка, цепляясь за лодку. Однако и спасение было рядом. Нас поднесло к самому берегу. Собрав все силы, я, поддерживая Сирену, ринулся в полосу прибоя. Острые зубы рифов прошли через мое тело, но не коснулись девушки. Еще минута — и я вынес ее на песок. Она обняла меня: «Вот, и снова ты спас меня, прими же мой поцелуй и розу». Из-за моря вставало солнце, но мне показалось, что оно вдруг стало крошечным и, превратившись в цветок, оказалось в руках моей возлюбленной.

— Пожалуйста, не обожгись! — прошептала она, передавая мне алую розу. И в третий раз я услышал песню и зов моей фантастической грэзы. В старом монастыре среди зеленых, светлых холмов, в предгорьях Альп царил обет молчания. Лишь на службах звучало пение и человеческие голоса, сливааясь со звуками органа, несли хвалы Богу. В остальное время над монастырем стояла тишина. Крошечный прозрачный родник был посреди двора из гранитной глыбы и, падая в мраморную чашу, издавал нежнейшее журчание. По ночам сверчки присоединяли свои голоса и получался чудесный концерт. Монастырь был славен своей игуменьей. Ее доброта и святость так естественно сплетались с красотой местности и гармонией, царившей в монастыре, что многие паломники специально приходили сюда, чтобы получить покой и исцеление от недугов. Но более всего поражал голос игумении. Когда она пела, казалось, ангелы спускались послушать ее. В самом деле, облака, проплывающие над монастырем, образовывали крылатые фигуры, которые то сидели, словно прислушиваясь, то стояли, воздев для благословения руки, то летели, осеняя крыльями дивное место. И вот однажды обет молчания был нарушен самой игуменьей. Странная песня прозвучала из ее кельи, которая не открывалась уже несколько дней. И на зов ее пришел я.

— Вот и ты, мой добрый друг! Я ждала тебя. Наполнись тишиной этого места. Пусть красота его войдет в твое сердце и будет моим последним благословением. Но сейчас ты должен проститься со мной. Я умираю, но ты не бойся разлуки, ибо ты тоже умрешь вместе со мной. Мы будем вместе, хотя нас разделяют века. Теперь дай мне напиться из родника, что журчит во дворе, но также подари мне воду твоего сердца. Это будет твоя любовь, и ты расскажешь мне еще одну сказку. Я усну под нее». И я сделал все, о чем она просила. Засыпая, она протянула мне белую розу: «Помнишь, я обещала тебе дать три розы! Эта принесет тебе покой». Снег на вершинах Альп, облака на рассвете, когда еще не взошло солнце, пена морского прибоя на песчаных берегах... О, с чем еще

сравнить белизну этой розы, если не с последним лучом улыбки, что послали мне ее нежные губы.

СТАРЫЕ НОТЫ

Если друзья покинули тебя, позови собаку. Если нет собаки ревом.

Что делать тому, в чей дом пришли беда и одиночество? Смертельная болезнь погоняет время. Силы тают с каждым мгновением. Друзья боятся твоего зова и своего бессилия помочь тебе. Доктора интересуются больше твоими предчувствиями, сновидениями и не могут обещать единственного, что тебе надо, — жизни. Страх охватил Бламина. Он перестал верить всему, что составляло его мир, людям, книгам, идеалам и, наконец, смыслу своего бытия. В какой-то момент он почувствовал себя беспомощным ребенком, брошенным близкими и не знающим, что делать.

Подул ветер, и ветви огромной старой липы застучали в его окно. Он выглянул в сад. Его безмолвный крик о помощи был услышан. В самом деле, как он мог забыть своего преданного друга, который видел его еще младенцем, принимал его на своих широких ветвях, когда он был подростком, слушал биение его сердца и первые юношеские признания, утешая в минуты печали его уже совсем взрослого человека. Бламин открыл окно и коснулся ветвей. Мокрые листья покрыли его лицо прохладными поцелуями.

Комок горечи и благодарности встал в горле, он закрыл глаза и заплакал. — Успокойся, все хорошо, — прошептал чей-то ласковый голос. Не веря себе, Бламин взгляделся в сумерки. Сомнения исчезли. Перед ним стояла девушка, греза из его детства. Он уже не помнил, что было вначале, — выдумал ли он ее и затем встретил, или наоборот. Да не все ли равно! Главное, что она существует. И у нее есть имя — Кайя. Такое нежное и певучее.. Сколько чудесных минут она подарила ему, когда он был мальчиком, она звала его посмотреть на танцы лесных фей, она приводила его к пруду, где между звездами отражениями натягивались серебристые струны. Водяные девы играли на и пели, танцевали фавны. Она хранила его во время ураганов, когда с гор неслись дикие табуны кентавров, круша на своем пути все живое. Она баюкала его в лунные ночи и рисовала на стене прелестные картинки. И как он мог в конце концов поверить в то, что все это лишь его фантазия, что это девушка из сновидений, что ее нет в действительности, а есть только его разгоряченное воображение. Впрочем, один человек склонен был выслушивать его и, казалось, напротив, приходил в хорошее расположение, когда он рассказывал о Кайе. Это был его Доктор...

— Кайя, Кайя! Ты простила и не оставишь меня? Мне так плохо! Я остался один и, главное, эта болезнь, от которой я должен умереть, — торопливо говорил Бламин. — Доктор, вместо того чтобы лечить меня, без конца расспрашивает о моем прошлом, просит все вспомнить, даже то, чего никогда не было, а только казалось... Помоги мне, Кайя. Я уже готов даже умереть, но пусть это произойдет на твоих руках!

Девушка молчала, и лишь руки ее обнимали и гладили его.

— Я подумаю. Что-то мне подсказывает, что не все потеряно.

И опять, как в детстве, она стала приходить к нему по ночам. Они пускались в воспоминания, или она пела и рисовала ему картинки. Бламин успокоился совершенно счастлив.

и их на них

— Знаешь, Кайя, мне кажется, я никого в жизни не любил, кроме тебя. Ведь те, кому я дарил сердце, всегда чем-то напоминали тебя. Но те женщины уходили, а ты одна оставалась в моей душе!

— Наверное, так же как ты в моей, — отвечала Кайя.

— Послушай, а я ведь так и не знаю, кто ты! — воскликнул вдруг Бламин. — Я думаю, ты — душа дерева, что растет под окном. Разве это не так?

— Немножко так, — ответила девушка, — только липа эта выросла на могиле той, которая некогда была человеком.

— И ты на нее похожа?

— Может быть, а может, ее душа соединилась с деревом, и получилась я, — ответила Кайя.

На следующий день она пришла раньше обычного.

— Наш вчерашний разговор навел меня на одну мысль, — сказала девушка.

— Какую? — спросил Бламин.

— Твое здоровье все хуже. Ты едва встаешь с постели. Твоя жизнь может очень скоро оборваться, и надо спешить.

— А что я могу сделать?

— Давай попробуем обменяться телами. День человеческой жизни стоит месяца жизни дерева, — ответила Кайя. — Самое главное — выиграть время. И еще, в твое тело войдут не только силы растений, но и иная душа. Кто знает, может, болезнь отступит передо мной, и ты вернешься в свое исцеленное тело.

— Но как это сделать, Кайя? — воскликнул Бламин.

— Спроси своего доктора, — ответила она. — Мне кажется, он не зря тебя так много расспрашивает. Верно, он знает и может гораздо больше, чем показывает.

И когда Бламин рассказал о предложении Кайи доктору, тот ничуть не растерялся.

— Главное, чтобы вы, мой милый, вдруг не раздумали верить своей грезе, обозначив ее как галлюцинацию. Спойте вместе песню деревьев, держась за руки и не раскрывая глаз, в ночь полнолуния.

— Но я не знаю ее, — сказал Бламин.

— Твое дерево вспомнит, да и я помогу вам. Я буду играть, а вы петь. И так случилось, как они хотели.

В ночь полнолуния Бламин с трудом добирался до дерева и обнял его за ствол. Через какое-то время он почувствовал, как его рук коснулись прохладные ладо-ни Кайи. Из раскрытоого окна его комнаты раздались тихие звуки рояля. Они запели, и старинная мелодия словно сама рождалась в душе Бламина.

Наутро высохшая сгорбленная старуха с огромной опухолью на груди лежала в постели вместо Бламина. Доктор устало смотрел на нее и молчал.

— Да, пожалуй, стоит предупредить ваших знакомых, что вы не хотите никого видеть. Пищу для вас можно оставлять в гостиной.

Шли дни. Уродливое больное существо быстро менялось. Горб вскоре исчез, спина выпрямилась, опухоль рассасывалась. Морщины таяли, и их место заняла нежная, как у ребенка, кожа. Не прошло и полугода, как прелестная Кайя во всем цвете своей красоты и юности скользила по комнатам дома. Что касается Бламина, то теперь он в облике воздушной грэзы являлся по ночам к своей возлюбленной и вел с ней долгие беседы. Однако их радость вскоре омрачилась, На старой липе образовался страшный нарост, который разъедал дерево с неумолимостью рока.

— Что делать? — опять в ужасе спрашивал Бламин. — Судьба побеждает нас.

— Вернемся в прежние тела, и если суждено кому-то умереть, пусть умру я, — сказала Кайя.

— Нет, этому не бывать! Я умру, зная, что тебя не станет, — воскликнул Бламин

— Но я так же люблю тебя и не смогу без тебя жить, — отвечала она. В тревоге они снова обратились к доктору.

— Вам нет нужды опять меняться телами, — сказал он. — Дождитесь срока. В день перед смертью дерева я соединю вас теми узами, которые некогда были разорваны. И ты, Бламин, не умрешь, а зародишься в теле Кайи. Согласны ли вы?

— Конечно, да! Но что за узы, о которых вы упомянули? Доктор взглянул на них и улыбнулся.

— Нет ничего случайного в жизни, и я расскажу вам, что предшествовало вашей встрече. Лет сто назад в этих местах жили три близких человека. Сила чувств, стремление к красоте, преданность искусству делал и их похожими, хотя обстоятельства разделяли их. Один был композитор. Звали его Сегор, и много толков ходило о его музыке и о нем самом. Говорили, например, что его произведения могут предопределять судьбу, и многие приходили к нему заказать пьесу, как порой заказывают портрет художнику. В данном случае это сравнение не лишнее. Композитор привередливо относился к своим моделям, то заставляя их надевать роскошные платья, то помещая в особую обстановку, что позволяло ему видеть и понимать человека. Так это или не так, но композитор пользовался известностью, хоть не очень многие понимали его музыку.

Среди толпы последователей Сегор выделял одну юную Ученицу. Она восхищала его не только своим музыкальным даром, но и поразительной чуткостью. Так, в иные моменты она была способна угадывать его мысли, чувства, а порой, закипая творческим порывом, создавала произведения, под которыми ее Учитель с гордостью

мог бы подписать свое имя. Ей первой проигрывал Сегор свои новые произведения, ее советы ценил выше, чем заключения своих маститых коллег, умудренных опытом и знаниями. И, конечно, что скрывать, он любил ее.

Это было и его дитя, и женщина-идеал, которая вдохновляла его талант! Однако разница в возрасте и положении смущали его. Он понимал, что как Учитель не имеет права навязывать ей свою любовь. Не достаточно ли было их духовной близости и общего служения искусству?

Но однажды до композитора дошли слухи, что его Ученица собирается замуж за друга детства — пылкого молодого Поэта, чьи стихи нравились и самому Сегору. Сердце его упало. Он не мог, да и не собирался бороться за свою возлюбленную, но, запервшись дома, написал сонату, которая должна была стать его последним произведением. В первой теме он изобразил свою Ученицу так, как он ее видел. Вторая выражала всю силу чувств к ней. В финале он прощался с ней и разом со всей своей жизнью, подписывая себе смертный приговор.

Он не хотел никому показывать свое произведение. Но случилось так, что его Ученица пришла к нему, когда его не было дома. Случайно ли, но ее внимание привлекли ноты, лежавшие на рояле. Она стала разбирать их и фактически прочла это музыкальное письмо, написанное ей Учителем. Сила его чувств и безысходность финала потрясли ее. В ужасе потерять своего наставника и быть причиной его гибели, она решила отказаться от обещаний, данных Поэту и, жертвуя собой, вернуть Учителю покой и радость жизни. Впрочем, стоит ли говорить, что и ее сердце было задето величавым образом своего старшего друга, и ей польстила глубина и красота его любви, выраженная в сонате.

Итак, она повернулась к Сегору, надеясь, что молодость Поэта поможет ему легче справиться с утратой. Увы, она недооценила его. Удар был столь силен, что бедняга пошел по тому же пути, каким прежде прошел его соперник. Он решил умереть. Гордость, однако, мешала ему сделать этот шаг просто. Он послал композитору вызов на дуэль, решив подставить себя под его пулю. Могли он догадаться, что его противник принял точно такое же решение? Узнав о неизбежной дуэли, их возлюбленная пришла в полное отчаяние и увидела единственный выход из ситуации тоже в смерти. Зная, что музыка Учителя определяет судьбу, она снова проникла в его дом и переписала финал сонаты. Теперь посылка смерти была направлена не на героя, но на героиню. Трагическая поступь траурного марша обрывала тему, где была изображена она, а не Сегор. Странные обстоятельства свели воедино все пути. Сегор отправился на дуэль в полной уверенности, что не вернется живым. На этот же час назначила концерт его Ученица, которая должна была исполнить его сонату. Поэт шел на поединок в том же настроении. Оба выстрелили мимо цели, но услышали тихий вскрик своей возлюбленной. В этот самый момент она закончила играть сонату в новом варианте и бездыханной упала возле рояля. Разрыв сердца оборвал ее жизнь. Оплаканная всеми, кто знал ее, она была погребена на краю долины, и на ее могилу посадили росток липы. Стоит ли говорить, что и поэт, и музыкант забыли вражду в общей утрате и протянули руки друг другу. Вскоре безутешная печаль свела в иной мир поэта, а вслед за ним и музыканта. Прошло время, и липа выросла в прекрасное огромное дерево.

Пути судьбы вновь привели на землю Поэта, и, сам того не подозревая, он вновь встретил и обрел свою возлюбленную.

— Вы хотите сказать, что я и был тем безумным поэтом? — воскликнул Бла-мин. — А Кайя — ученица волшебника-композитора?

— Я сказал то, что сказал, — ответил доктор. — Вы можете понять это. Ваша болезнь — это вызов на дуэль, это выстрел, который вернулся к вам через сто лет смертельной опухолью.

— Но откуда вы все это знаете? — не унимался Бламин.

— Наверное, и я занимаю какое-то место в этой истории, — рассмеялся доктор. — Не. согласились бы вы предложить мне оставшуюся роль композитора? Старый долг Кайе и вам вернул и меня в эти места. Мне нужно было распутать нити, связывающие нас и, главное, найти ноты той злосчастной сонаты. Теперь все на своих местах. Судьба через меня возвращает вам непрожитую человеческую жизнь, которую вы посвятите друг другу.

— А вы? Что с вами? — спросили разом Бламин и Кайя.

— Я напишу новое произведение. В нем не будет тревоги, но только радость и призыв к счастью. Оно будет посвящено вам, и, если я не утратил прежних способностей, мои пожелания сбудутся.

ЧЕРНАЯ БЕЛОЧКА

День подходил к концу, и солнце садилось за гребень синеющих гор. Алое сияние закатных лучей разлилось на снегу, и деревья пытались удержать его волшебным кружевом своих теней. У опушки леса в изрубленных доспехах лежал рыцарь, кровь сочилась из его ран по холодной броне, и вместе с ней его покидала жизнь. Он чувствовал приближение смерти, но не хотел этому верить. Всего час назад он был полон сил и отваги. Глаза и теперь могут видеть его неприступный замок, чьи серые башни угрюмо вознеслись над долиной. Слава о его ратных подвигах еще гремит из уст странствующих трубадуров. До сих пор мало кто решился бы бросить ему вызов и скрестить мечи. Что же за злая судьба привела его к поражению? Да, конечно, и он не без греха, его упрекали в жестокости и грубости, которые он проявлял к врагам. Соседи за бешеный нрав, ди-кую гордыню и беспощадность прозвали его Черным Рыцарем, Но он же был рожден воином, защищал свою честь и лишь страхом мог заставить уважать себя. Тем несправедливее казался рыцарю его конец. Он вспомнил прекрасную Голинду, которая могла увенчать его доблесть. В самом деле, она просто должна была принадлежать ему. О ней также пели песни и рассказывали чудеса. Первая дама королевства, она выращивала цветы, которые не увядали, пока у дарящих не иссыкало чувство любви. В ее парке росли деревья, поющие в ночи полнолуния. В ее владениях гости могли видеть веющие сны... И конечно же, ее заприметил Принц. Мало ли на свете богатых и прекрасных принцесс, которые могли легко сделать Принца счастливым? Но нет, он нашел себе избранницу в своей стране, тем самым перейдя дорогу другим достойным кавалерам. Коварный сердцеед, он воспевал ее в стихах, которые доставляли в ее замок голуби. Он посыпал ей приветы на игрушечных корабликах, что по ручьям плыли к озеру; где она купалась. Он дарил ей драгоценные украшения, незаметно надевая их на цветы и растения ее сада.

Мог ли Черный Рыцарь повторить все эти нежности? Нет! Он был прям и откровенен. Его любовь не требовала ухищрений.

Он явился к Голинде и похитил ее. Пускай она не любила его, но он дал ей срок, чтобы она оценила его чувства. Он готов был преданно служить ей и исполнял ее прихоти... Что ей было нужно еще? Почему она в слезах твердила, что получать может только тот, кто умеет давать?... И тут, конечно, явился этот незваный освободитель Принц. Вряд ли ему по зубам оказался замок Черного Рыцаря, но он бросил вызов на поединок. Уверенный в победе, рыцарь принял его. Они сражались долго и жестоко. Увы, удача изменила Рыцарю, хотя он мог поклясться, что превосходил Принца в силе и ловкости.

И вот он, лежа на снегу, умирал, а душа его, преисполненная чувствами, судорожно цеплялась за жизнь. Рыцарь со стоном повернулся к деревьям. У подножья сосны журчал подо льдом ручей. Кажется, конь рыцаря поскользнулся на этом месте и продавил ледяной покров. Легкое облачко тумана поднималось над этим местом. Солнце зашло, холодный порыв ветра бросил в лицо рыцарю горсть снега. С ветвей дерева соскользнула белочка и с любопытством уставилась на умирающего. Последние силы и надежда покинули его.

— Пора! — прошептал беззвучный голос Смерти.

— Нет! — отчаянно вскрикнула душа Рыцаря.

— Пора! — повторила Смерть.

— Нет, нет! — горячо запротестовал Рыцарь. — Я еще молод и полон сил. Я хочу жить! Как угодно, где угодно и кем угодно!

Его взгляд впился в белочку. Еще мгновение, и душа его перелилась в оцепеневшего от ужаса зверька. Он задрожал всем телом, и вдруг пушистая шкурка из золотисто-рыжей стала черного цвета. Черная белочка перепрыгнула через мертвого рыцаря и скрылась в ветвях деревьев.

Прошел год. Голинда пережила немало счастливых дней после свадьбы с Принцем. Однако Черный Рыцарь не исчезал из ее памяти. Особенно в долгие зимние вечера ей чудились тихие стуки в окно, и к вою ветра примешивался едва слышный свист. Он будил ее память и звал ее, звал, звал... И вот в годовщину поединка Принцесса Голинда оседлала коня и, взяв цветы из оранжереи, отправилась к месту, где был убит Черный Рыцарь. Вот опушка леса, ручей у сосны. Голинда вдруг похолодела: на земле лежало выплевленное из снега тело рыцаря с раскинутыми руками. Подле него прыгала черная белочка. Она не убежала от принцессы, а легко вспрыгнула на ее протянутую руку, видимо, полностью ей доверяя.

Задумчивая вернулась Голинда в замок, оставив цветы на груди снежного рыцаря. С этого момента словно тень пробежала между ней и Принцем. Черная белочка стала неразлучна с принцессой, забавляя и развлекая ее. Правда, порой она пугала принцессу, когда неотрывно смотрела в ее глаза; а однажды, вскочив на открытый клавесин, она прыгала по клaviшам так удачно, что принцесса узнала мелодию. В замке Черного Рыцаря его хозяин высыпал ту же песенку.

Проходили дни, а счастье все реже посещало Принца и Принцессу. Голинда чувствовала, что причиной этому ее белочка, но прогнать ее не имела сил. Прошел еще год. В глубоких подвалах замка белочка отыскала гнездо ядовитых пауков Одного из них она отнесла в покой и бросила на спящего Принца. Он умер не проснувшись, и

никто не догадался о причине его смерти. Ненамного пережила его Принцесса и вскоре тоже сошла в могилу, а Черная белочка вернулась в лес.

Прошло сто лет, и вся история удивительным образом повторилась. Опять Родился тот же принц, и прекрасная дама, и Черный Рыцарь, хотя носили они уже другие имена. Вновь сошлись в смертельной схватке Принц и Черный Рыцарь. Яростно звенели мечи, и эхо боя сбивало снег с деревьев. Внезапно Рыцарь увидел свою возлюбленную Даму. Лицо его было обращено к Принцу и губы шептали его имя. Отчаянье охватило Рыцаря: «К чему мне жизнь без любви?» Из глубин сознанья пришла память о бессмысленной попытке Разбить чужую любовь ради своей. Разве смог он наполнить собой сердце принцессы, убив Принца. Нет. Она умерла вслед за ним, оставив его в одиночестве и печали.

Рыцарь закрыл глаза и ринулся навстречу сверкающему клинку Принца, и день кончался, и вместе с ним умирал Рыцарь. Но род черных белочек не пресекся, и послушный судьбе зверек вновь принял в себя мятущуюся душу Рыцаря. И год спустя поверженный рыцарь из снега лежал на прежнем месте, а в его пустом замке из окон башни лился призрачный свет. Но на этот раз не Принцесса, а Принц приехал к месту поединка. Что привело его? Может, перебирая в памяти подробности боя, он понял, что в последний момент оказался орудием самоубийства Рыцаря. Невольная жалость проснулась в его сердце, и каким утешением явилась для него черная белочка, соскочившая ему на плечо. А во дворце с потемневшим лицом его встретила Принцесса. Ее сердце, памятуя о предательстве, не приняло зверька. Лишь уважая привязанность Принца, она терпела присутствие Черной Белочки. И год спустя ядовитый паук ужалил Принцессу. Принц не пережил ее смерти и последовал за ней.

И еще сто лет миновали, и в третий раз встретились все трое в одной жизни, В жестокой схватке сошлись Принц и Рыцарь. Меч Принца внезапно переломился, а клинок Рыцаря взметнулся над его головой. Одно мгновение отделяло Рыцаря от победы, но что-то остановило его руку. Легкое тельце Черной Белочки метнулось с ветвей на его плечо. Он вложил меч в ножны и, повернув коня, двинулся к замку. Принц, недоумевая, последовал за ним.

Тяжелые двери замка растворились, с лязгом и скрежетом опустился подъемный мост, и Прекрасная Дама вышла навстречу соперникам. «Чтобы получать, надо научиться давать», — промелькнуло в голове Рыцаря. Что мог он дать ей, кроме того, чтобы принести свою любовь в жертву ее счастью.

— Вы свободны! — молвил Рыцарь Даме. Она молчала. Принц положил к ее ногам обломок своего меча.

— Вы свободны! — повторил он ей, улыбнувшись.

— Да, да, мы все свободны, — ответила она.

Рыцарь опустил голову и повернулся, чтобы идти. Прекрасная Дама остановила его:

— Я с вами, если вы не вздумали изгнать меня из своего замка...

Он с изумлением глядел на нее, не веря, что любовь его, наконец, нашла отклик. А она протянула руку и коснулась его плеча. Черная Белочка перескочила на ее плечо и внезапно ее шкурка из черной превратилась в золотисто-рыжую. Последние лучи

вспыхнули в пушистом комочке, и белочка понеслась к вершине сосны и оттуда метнулась в темнеющее небо вслед за уходящим солнцем.

МАТЬ

Как жить дальше — вот вопрос, который скорее должен был беспокоить юное сердце, вступающее в пору зрелости, чем старика, уже прошедшего большую часть своего пути. Тем не менее жил в одной стране некий человек по имени Наверное, не существовало дела, которым бы он ни занимался, но ничто приносило ему счастья. Друзья успокаивали его тем, что самое главное в выполненном: и дом построил, и посадил не дерево, а целый сад, и вырастил ребенка. Чего еще нужно ему?

Но Ниор продолжал оставаться недовольным. Чего-то недоставало ему со дня рождения, а в этом, верно, и крылась причина: он не знал своей матери. Когда он чуть подрос и задал вопрос отцу, тот ответил, что мать его столь прекрасна была для мира, что не могла оставаться в нем. Потому существует она в иной стране и когда-нибудь Ниор с ней встретится.

Вот каким образом случилось, что сначала мальчик, а затем взрослый чело-век всю свою жизнь мечтал о встрече со своей матерью. О, во скольких сновидениях она посетила его, но стоило ему открыть глаза, как дорогие черты исчезали из сознания, как снежинки от прикосновения солнечных лучей. Ниор вглядывался в лицо нянюшки и спрашивал: не она ли его мать? Та со слезами качала головой и уходила.

— Может, ты моя мама? — спрашивал он прекрасную женщину, ставшую его женой. И в ответ получал лишь снисходительную улыбку:

— Я мать твоего ребенка, но не твоя.

— Не в тебе ли прячется моя мать? — обращался Ниор к своей дочери, глядя в ее светящиеся радостью глазки. Нет, ясна была душа ребенка и никого не скрывала в себе.

И грезы о прекрасной королеве, что где-то на краю земли правила страной, вновь заполняли голову Ниора. Он представлял, что когда-нибудь он станет королем, соберет несметные богатства, выстроит роскошный дворец и, разыскав свою мать, преподнесет ей в дар все, чего он добился. Порой, еще в детстве, мальчик делился своими мечтами с отцом и просил совета, как ему быстрее осуществить их.

— Для всего придет время, если ты умеешь ждать, — учил отец. — Но я бы предложил тебе иные ценности, которые не поставят тебя в зависимость от судьбы. Например, ты мог бы останавливать время и расширять пространство, сливаясь с ним. Наконец, ты можешь научиться любви, не ожидая ответа или воздаяния.

И странные уроки задавал он сыну. Так просто, однажды осенью, он послал Ниора собирать желуди.

— Близятся морозы, укрой их в нашем доме и ухаживай за ними. Весной ты сможешь высадить в землю маленькие побеги, а затем помочь им вырасти. Подумай, какие прекрасные деревья станут твоими друзьями, и не исключено, что они поделятся с тобой тайнами времени.

А в другой раз отец предложил Ниору спать под открытым небом, чтобы научиться получать тепло от света звезд, чувствовать землю, слышать музыку ветра и волн:

— Это соединит тебя с природой, уничтожит страх и даст возможность превращаться во что угодно — от муравья до облака.

И еще один, оказавшийся трудным урок предложен был Ниору. Он должен был вырастить брошенного щенка, который был от рождения слепым. Вначале это не доставляло Ниору хлопот, затем стало тяжело. Забота о калеке, когда он постоянно натыкался на предметы, заставляла мальчика страдать вместе со своим несчастным другом. Пес принимал пищу только из рук Ниора, который воплощал для него всю радость и смысл жизни. Однажды случилось несчастье. Ниор уехал из дома, а пес выбежал через незапертые двери. Напрасно его повсюду искали, он, вероятно, заблудился и погиб. Эта потеря оказалась тяжелым ударом для Ниора, тем более что в это же время чья-то жестокая рука срубила несколько молодых дубков, посаженных им. После этих переживаний Ниор забросил заветы отца и стал жить по собственному разумению.

Время текло быстро, а счастья Ниор не добился и, бросив свой дом, отправился в путь — куда глаза глядят.

И случилось, что судьба занесла его в страну, где король скончался, не оставив наследника. Многие претендовали на его место, но поскольку за любым выбором могла разгореться междуусобная война, жители решили сделать королем странника, который первым появится на дороге, ведущей в столицу. И, конечно, этим странником оказался Ниор.

Он стал королем, и несметные сокровища заполняли его подвалы. Самая красивая девушка страны должна была разделить с ним трон.

Накануне коронации и свадьбы Ниор остался один в прекрасном дворце, который грезился ему еще в детстве. Мечты исполнились, но пусто было в сердце Ниора. Он взглядался в голубую поверхность зеркал и видел за роскошью наряда усталого старика с потухшими глазами и согбенным станом. Он переводил взгляд на портрет невесты и понимал, что она никогда не сможет полюбить его.

Он с усмешкой играл драгоценными камнями и осознавал, что ни один из них не представляет ценности без хотя бы крошечного луча света. И тогда Ниор вновь накинул на себя плащ странника и тихо вышел за ворота.

Была ночь, и тысячи звезд сверкали в небесах. Ниор вспомнил уроки отца, и сердце его забилось так странно, словно ударяло в колокол. Он услышал его протяжный, глубокий звон и, слившись с ним, коснулся ближайших звезд. Счастье наполнило его, ибо он утерял свое тело и приобрел плоть всего мира. Вспыхнула его душа радостью и гармонией и в одно мгновение готова была сгореть, как падающий метеор, но человек протянул руки к дубовой аллее. Ветер пронесся в кронах деревьев и столетние гиганты, за чьими желудями он ухаживал, — ответили на его призыв и остановили время. Ниор почувствовал, что любое его желание, но только одно, может исполниться в этот миг. Он хотел пожелать встречу с матерью, но вдруг вспомнил свою собаку, привязанность и страдание кото-, Рой держали в плену его душу.

Сколько раз в детстве Ниор молился, чтобы его бедный друг увидел свет почувствовал радость и полноту жизни, как и он. Теперь, имея горький опыт исполненных желаний, которые оказались ему ненужными, не лучше ли было поделиться возможностью счастья со своим слепым псом. Ниор представил собаку и призывающе засвистел.

Мгновение — и радостный, здоровый пес оказался перед Ниором, прыгая, визжа и стараясь лизнуть его в мокрые от слез глаза. Не был ли то урок любви? Сердце человека переполнилось и раскрылось. Ему навстречу, из глубин ночи выступила прекрасная королева и вместе с нею первые лучи рассвета. Он узнал в ней ту, что снилась ему в детстве, ту, что некогда дала ему жизнь и теперь пришла, чтобы взять его с собой в ту незримую страну, на краю или за краем земли, где жило вечное счастье.

ПОТЕРЯ

С последними лучами гаснущего солнца жизнь маленького пажа Эргольда должна была оборваться. Так сказал придворный астролог, так думали все знавшие мальчика и так чувствовал он сам. Всего пару месяцев назад был убит на турнире его рыцарь Брок, и тогда-то началась болезнь пажа. Он не хотел верить в смерть господина и три дня не отходил от мертвого тела, молясь и взывая к душе Брука, чтобы она вернулась на землю. Напрасно его маленькое сердце Разрывалось между тоской и надеждой. Чуда воскресения не было, текли долгие, мучительные часы и, как по ступеням, уводили рыцаря от этого мира все дальше и дальше.

В день похорон у пажа не осталось сил, чтобы проводить господина в последний путь. Что-то надломилось в душе мальчика, и грозная тень обреченности пала на него. В самом деле, несчастье не приходит одно. Не успела еще просохнуть земля на могиле Брука, как король Тулип прислал сватов к вдове рыцаря, прекрасной Флее. Темные слухи поползли по дворцу, что гибель на турнире была подстроена, что перед боем ему поднесли кубок с зельем, отнимающим силы, что в седле перерезали ремни и т. д. Так или иначе, но все мрачнее поворачивались события, и разум пажа заколебался, он стал путать события, утверждал, что теперь ему должно наследовать имя рыцаря, и леди Флея не выйдет замуж за короля, так как является его законной женой.

В конце концов его поместили в круглую комнату на самом верху сторожевой башни и оставили одного. Никто не пришел навестить пажа. Темный страх, что никому не дано заглядывать безнаказанно в воронку смерти, отталкивал людей, и не сам ли больной мальчик свидетельствовал об этом предостережении.

Меж тем умирающий бессильно раскинулся на подушках, глядя, как в узком окне, в розоватых лучах заката фантастическим пионом распустилось маленькое облако. Мерный стук башенных часов отдавался под сводами, не нарушая какой-то особой тишины. Она же наваливалась на грудь пажа, и он невольно сдерживал дыхание. Сердце все больше отставало от ритма часов и билось глухо и слабо. Синеватая тень упала на изголовье, Эргольд повернул голову.

Около него сидела странная девочка его возраста. Воздушную красоту ее, пожалуй, можно было сравнить с грезой или сновидением. В прозрачности лица проглядывало множество иных лиц, и в многообразии разом можно было увидеть и слезы, и улыбки, зов и отвержение. Тело и грациозные руки синеватой дымкой окутывала тончайшая ткань. Глаза таили неподвижность и огромность моря. В их опаловом цвете жила сама вечность или то, чему нет названия.

— Ну что? Пора? Ты пойдешь со мной? — прозвучал тихий голос, хотя губы ее не шевельнулись.

Паж отчаянно замотал головой:

— Нет, нет! Я не хочу, я еще маленький. Дай мне пожить хоть немножко. Пожалуйста, отпусти меня, я тебе что-нибудь подарю...

Она засмеялась, видя его испуг.

— Ну что же ты можешь мне подарить?

— Я... я дам тебе тот цветок, что за окном. Он такой большой и красивый! Она кивнула.

— Ты, верно, и сам не знаешь, как точно угадал. Это единственный дар, который я согласилась бы принять. Пусть так! Это твой выкуп, но ты должен начать новую жизнь. Твое детство окончилось вместе с любовью к рыцарю. Отныне воля к достижению должна руководить тобой!

Она коснулась губами его лба и протянула руки к окну. Облачко, напоминающее розовый пион, исчезло.

— Прощай, паж, будь в следующий раз послушней.

— Спасибо и тоже прощай, — ответил мальчик.

Наутро от его болезни не осталось и следа. И воистину в иного человека превратился паж. Доспехи убитого рыцаря остались ему в наследство, и вскоре он стал достоин их. Несмотря на юность, его отвага и неукротимость заменили опытность и силу, поставив его в число первых рыцарей королевства. Однако король Тулип не любил его и как будто опасался. Виной тому могло быть участие Флеи, ставшей к тому времени королевой, в судьбе Эргольда. Так или иначе, но однажды судьба расставила их так, что они заступили друг другу дорогу. Король на пиру оскорбил юного рыцаря и отказался принести извинения. Эргольд поклялся, что вынудит обидчика скрестить с ним мечи.

Прошел год, и Эргольд во главе войск, собранных из недовольных в захваченных Тулипом провинциях, осадил столицу.

Король вынужден был выйти за стены и вступить в сражение. Шестерых отважных рыцарей сокрушил он, прежде чем встретился с Эргольдом. Жестоко сражались рыцарь и король, нанося друг другу тяжелые раны. Несчастье было на стороне Эргольда, и последний удар его сразил короля. С триумфом войска вошли в город и победителя хотели короновать на трон, однако церемонию отложили до выздоровления рыцаря. По приказу Эргольда его отнесли в ту самую круглую комнату сторожевой башни, где он однажды уже умирал. И опять в ночной тишине повторилась странная встреча с девочкой. Она звала его, а он умолял ее оставить ему жизнь.

— Я не собираюсь брать твою жизнь хотя бы потому, что не я дала ее тебе. Я просто зову тебя в путь. Ты не можешь оставаться таким, какой ты есть, — отвечала она.

— Нет, нет. Клянусь тебе, что я изменюсь, но дай мне получить то, к чему я так стремился и ради чего произошла вся эта ужасная битва, да и вся моя жизнь!

— Да. Я знаю, тебя ждет корона и королева Флея... Но ты остаешься еще очень непослушным. Постарайся поверить мне в следующий раз, — сказала девочка и исчезла.

Эргольд исцелился от страшных ран и был коронован. Вместо яростного воина страна получила рассудительного короля и осторожного политика. Все, что затевал он, ему удавалось, и могуществу его, казалось, не было предела. Впрочем, была в его жизни граница, которую ему не удавалось перейти. Две страны соседствовали с королевством. Нижняя, уходившая в долины, предоставлявшая ему убежище, когда он бежал от короля Тулипа, и Верхняя. Эта вторая страна была закрыта для Эргольда. Она уходила в царство заснеженных хребтов, и вел в нее единственный путь через узкий перевал. Каменный замок с огромными воротами охранял дорогу в Верхнее королевство, и миновать его не было возможности. Трижды король Эргольд пытался проникнуть в заповедный край и трижды вынужден был поворачивать обратно. Первый раз он явился на перевал с отрядом самых сильных рыцарей.

— Кто ты? И что несешь с собой? — спросили невидимые голоса за воротами.

— Я король Срединной Страны и несу с собой свой меч! — отвечал Эргольд. Тишина была ответом ему. И напрасно его рыцари пытались взять замок штурмом. Их веревки разрубались стражами, они падали на скользких, покрытых льдом стенах, ворота не поддавались тарану и лишь глухо гудели, отгоняя коней.

Второй раз Эргольд переоделся купцом и в ответ на вопросы сказал, что он торговец, везущий с собой золото и самоцветы. И снова никто не открыл ему ворота.

В третий раз король взял с собой лишь посох странника и дорожный плащ.

— Кто ты и что несешь с собой? — раздался вопрос.

— Я странник и несу с собой лишь свою жизнь, — ответил Эргольд. Но и тут ему не повезло.

Верхняя страна дразнила его воображение. Какие странные и чудесные запахи приносил ветер из-за гор, какая удивительная музыка слышалась порой из-за стен замка. Но самое главное — это была тайна, раскрыть которую для короля становилось смыслом жизни.

Быстро пролетело время царствования. Умерла королева Флея, поседела голова короля и старость согнула его прежде прямой стан. И странно: все, казалось, осталось прежним и в то же время изменилось. Придворные не знали ограничений своей свободы, но чувствовали себя ущемленными. Народ был сыт и обут, но не испытывал благодарности к повелителю. Войска гремели золотом в карманах, но оставались недовольными.

Эргольд вызвал старых советников и спросил, почему в стране царит недовольство. Много ответов услышал он, но один оказался особенно точным и болезненным. Причина недовольства в том, что на троне сидит старый король!

— Причем здесь старость, я остался тем же, что и раньше, — произнес король.

— Вы уже не тот, — скорбно покачал головой советник.

— В том-то и беда, что ты остался тот, а время изменилось, — шепнул в ухо королю знакомый голос. Королю ли было не узнать его? Он принадлежал девочке-судьбе.

После встречи с советниками король впал в хандру, а затем решил, что на него посягают враги. В тюрьму были брошены те, кого подозревали в заговоре. И наверно, это подтолкнуло недовольных к решительным действиям. Составился настоящий заговор, и очень скоро к столице подошли восставшие рыцари и окружили ее. Силы оказались не равны. У короля осталась лишь горстка преданных воинов. А кроме того, во главе заговорщиков стоял доблестный юный рыцарь, которого король некогда подобрал на улице и сделал своим пажом. И вот теперь самый близкий Эргольду человек пришел отобрать корону.

В ночь накануне боя король обходил своих воинов и прощался с городом, в котором правил столько лет. Ноги сами привели его к старой сторожевой башне, и он поднялся наверх, в круглую комнату. Девочка сидела на постели и молча глядела на короля.

— Как, ты уже ждешь меня? — удивился Эргольд.

— А разве не поэтому ты пришел сюда? — ответила она. Король опустил голову:

— Ты права, но сейчас я прошу тебя исполнить последнее желание. Я хочу оказаться рядом с человеком, который меня предал.

Девочка с грустью махнула рукой:

— Ты все-таки хочешь чувствовать себя приговоренным, хотя твоя судьба в твоих руках, но идем, я помогу тебе.

Они вышли за стены города и углубилась в стан врагов. Никто не остановил их. Король подошел к палатке, где спал его бывший паж. Рука его легла на рукоятку меча, но сострадание внезапно наполнило его сердце и направило мысли в иную сторону. Что будет дальше, подумалось ему. Вождь заговорщиков падет, и появятся новые претенденты. Страна будет ввергнута в междуусобицу. Немало еще прольется крови и немало проклятий будет послано вслед старому королю.

Эргольд снял меч и корону и положил их рядом со спящим. Губы его коснулись лба юноши, и он повернулся к своей спутнице. Они сели на коней, и сумерки скрыли их путь. Долго скакали они, пока не оказались в горах. С изумлением король обнаружил, что стоит перед воротами, ведущими в Верхнюю страну.

— Кто ты и что несешь с собою? — раздался старый вопрос.

— Я — Эргольд и у меня ничего нет, даже жизни, — ответил король.

— Входи! — произнес голос, и ворота растворились. Они въехали в Верхнюю страну, и словно гигантский камень упал с души короля. Дышалось глубоко и свободно. В сердце разливалось ликовение.

— Дальше ты отправишься один! — сказала девочка, улыбаясь ему. — Впрочем, это будет означать, что только без меня. Другие уже ждут тебя.

Юный рыцарь в золоченых доспехах подскакал к королю и, соскочив на землю, коснулся его стремени. Эргольд в замешательстве глядел на него, узнавая за его юными чертами лицо своего рыцаря Брука. А за ним уже спешила воздушной походкой королева Флея, и голову ее венчал венок из весенних цветов. Король Тулип оставался подле дороги, и во взгляде его не было вражды.

— Что за страна и что я должен здесь делать? — спросил Эргольд.

— Это Верхняя страна, и ты должен по-новому прожить свою старую жизнь. Когда это тебе удастся, ты превратишься в ребенка, ибо здесь время движется в обратную сторону. А теперь прощай, мой прошлый и будущий паж. Я приду за тобой, когда наступит срок, и поведу дальше. Надеюсь, ты будешь послушным?

— Да, я буду очень стараться, — ответил Эргольд, пытаясь как можно ярче впитать в себя ее образ. — Мне так хочется поскорее снова увидеть тебя!

— Спасибо, это признание стоит того облачного цветка, который ты однажды подарил мне!

ДЕНЬ ТУМАНА

В детстве весь мир — твой дом. Солнце заходит за горизонт, когда ты хочешь спать, ветер налетает, когда жарко, пение птиц, шум прибоя озвучивают ту музыку, что живет в душе и превращает в песню или танец твое начинающееся бытие. Времени много, его хватает на все. Простор души не встречает границ ни в земных пределах, ни в божественных сроках дня, посланного солнцем. И если все-таки не хватает их, то усталость не мешает брести путями, что отмеряются светом звезд...

Но вот это единство с миром и цельность бытия вдруг начинают расползаться. Сказки и грезы теряют силы, отступают или, как Снегурочка, растекаются горючими слезами под жаркими поцелуями солнца. Реальность приходит на смену волшебству и празднику жизни. Вместе с ней ты познаешь бесконечную разделенность людскую со всеми этими «мое твое», одиночество мира, крошечного, затерянного среди миллионов, миллиардов других. И тут является необходимость бороться... за клочок земли, за кусочек времени, которое можно потратить на себя, за собственный взгляд и мысль. Ах, разве так мал и тесен мир? Отчего мы приходим в него, уже заклейменные, как рабы, Долгом? И сколько этих долгов, трудно перечесть... В самом деле, когда уходит из сердца любовь, на смену ей спешат долги. Впрочем, они еще и до того воронами вьются и осмеивают детские восторги. Карр-карр, ха-ха-ха. Рождественских чудес захотелось! Чтоб вместо обыденщины работы жизнь светлым даром обрачивалась...

И вот рано или поздно, а чаще всего в осень лет начинает сердце искать свой угол и крышу над головой. Но что делать, если пора для постройки дома прошла? Исполненная полета душа парила над землей и почти всегда опережала события, а теперь вот все возможности оказались упущенными, и ты везде безнадежно опоздал... Более практическое, новое поколение, не чинясь совестью, скопило, а вернее, вырвало богатство из рук обманутых стариков и возвело себе роскошные и столь безвкусные особняки за высокими, как у тюрем, оградами.

В затянувшееся до декабря безвременье, которое не назовешь осенью, потому как хотя голые деревья еще утопают в опавшей, бурой листве и густом зеленом мху, а сквозь дождливые слезы тихий свет небесный взирает на пустую, неприглядную землю, но и не зима это, так как нет мороза и снега, двое мечтателей брели вдоль берега моря. Намокший желтый песок, сбившийся в низкие дюны, цеплялся за ноги и затруднял движение, залив глухо шумел, хотя ветра не было. Густой, сероватый туман тяжелыми клубами окутывал бесконечно длинную полосу берега и примыкающего к нему леса. Пожалуй, никого больше не нашлось, кто мог бы оценить прозрачную красоту корявых деревьев, которые вдруг обернулись застывшими в танце лешими, кикиморами, болотной тварью, лесными карликами и гранитными великанами, высыпавшими к морю. Что за потеха тут устроилась под колдовским, курящимся небом, под задыхающимся смехом прибоя, что свистел, хрюпал и плевался холодными брызгами? Промозглая сырость, вкупе с пугающей нечистью, побуждала путников включить все свое воображение, чтобы противостоять дурноте. Естественно, что фантазия их толкнула представить уютный дом, где растоплен камин, где спокойно стучат часы, а в тишине и уюте их ждет накрытый стол с обильным ужином и горячим-горячим чаем, впрочем, возможен и кофе, непременно свежеразмолотый, с крепким ароматом, схожим горечью со вкусом желудей.

Прихотливая грязь вскоре увлекла и согрела людей. От усталости не осталось и мысли. Какое могло быть утомление, если они всего час назад покинули свою усадьбу, что спряталась совсем рядом, вон за теми деревьями, где особенно густился туман. Если они вышли прогуляться и заодно поискать своего белого коня. Он с утра отправился побродить по окрестным полянам, чтобы вдохнуть еще разок отошедшие запахи трав и листвы, да вот припозднился и все не возвращается домой. А, кстати, вот же на мокром песке четко отпечатанные следы копыт. Теперь нужно только идти по ним, чтобы наконец встретить этого драгоценного члена семьи, обнять его длинную, теплую шею с шелковистой гривой, прижаться к огромной голове с умными, черными глазами и услышать ласковое пофыркивание.

Скорей бы... Уже сумерки грядут. Вряд ли на закате солнечные лучи пробьются к земле, чтобы проститься с ней и последним алым поцелуем возвестить о приходе ночи.

Вот впереди мост через ручей. Раньше, когда здесь жили финны, существовало столько названий, чуть ли не для каждого камня, столько преданий и примет. Вот в одном из них говорилось, что есть заговоренные лесные мостики. Если перейти их, закрыв глаза, то можешь попасть совсем в иные места, а то и в иное время. Забавно? Не попробовать ли? А почему бы нет? Кажется, ничего не случилось. Но все-таки это легкомыслie — так увлекаться прогулкой в туманный день. Не лучше ли было всем оставаться дома? Слушать лесную тишину в оправе недалекого прибоя и редких звуков чутких деревьев. Они скрипят, зябко потягиваясь, то сонно похрапывают, отзыаясь на шум волн, то настороженно прислушиваются к перестуку капель, усеявших мириадами бусин ветви елей, берез, ольхи и многих других из царства флоры.

Разве не средоточие уюта в этом двухэтажном домике, фантастической архитектурой напоминающего миниатюрный замок? Его башенки с острым верхом гордо возносятся над кроной деревьев и крутым обрывом. Некогда здесь пролегала граница моря, и по песчаным отмелем летел сверкающий, яркий прибой, дробил береговую гряду, прятал в тайных пещерах самоцветы и золото осени... Потом залив отступил, лес спустился с обрывов, наступая на пятки морю, и жизнь потекла здесь по новым канонам. А замок еще казался кораблем, оставшимся на берегу, как памятник ушедшему миру Нептуна. И сравнению помогало несколько деревьев, прорастающих дом насквозь, от пола до

крыши. Для них был специально прорублены отверстия в потолке, и их стволы заменяли поддерживающие колонны. И все в доме должно было не противостоять природе, но выявлять и подчеркивать гармонию с ней. Взять, например, нижний зал. Огромная комната с высоким потолком и цельным окном-стеной, выходящим в сторону моря. В углу ее, под корнями дуба, в прорубленном полу, несколько ступенек вели к настоящему роднику. Он вечно журчал, даже в лютую зиму, и его песенки наполняли жизнью, радостью, миром весь дом. Зеленый мох изысканным бордюром соединял цепочку живописных камней, покрытых узорами лишайника, и опоясывал по периметру всю комнату, вплоть до камина. Ах, камиин, камиин! Ну не самое ли лучшее место это во всем лесном замке? Вытесанный из красного гранита с готическим замком посередине, который венчала голова единорога, А по обеим сторонам массивные, деревянные фигуры. Одна изображала плачущего медведя с опущенной мордой и передней лапой у глаз, другая — мощного вепря, вырывающегося из норы. И когда в пасти камина вспыхивал праздник огня, десятки безумных от веселья саламандр исполняли фантастические танцы, зажигая отблесками сухие кленовые листья, развешанные по стенам вместе с затейливыми корягами.

А против окна, обращенного к лесу, стояло старинное темное зеркало в бронзовой оправе. За стволами отраженных в стекле деревьев скрывался потайной ход вглубь горы. Там, в сумраке известковой пещеры жили сталакиты. Там существовало гулкое эхо, превращавшее простой звук в музыкальную фразу, словно там хранился язык забытой страны или волшебный инструмент, сочиняющий песни. И как мудрые пауки заплетают кружевом паутины тайны углов (не в них ли сходятся и расходятся стены, не в них ли располагаются пресловутые краеугольные камни всего строения), так и в боковых помещениях нижнего этажа висели темные gobелены. Нет, они были темными лишь во мраке вечернего света или хмурой зимней поры, но в иное время, весны или лета, осени или яркого зимнего утра, они расцветали вместе с природой и светили самыми радужными красками. Очарование их околовывало не прихотливостью настоящего мига, заставляющего распуститься еще нераскрытые почки или бутоны, но скорее чувством времени. Да, в этих gobеленах жило время, существовала тайная кропотливая жизнь тех, чьи пальцы неутомимо сплетали рисунки узоров в единую картину, чье сердце щедро отдавало в молчании свои часы, дни, месяцы и годы бесконечному полотну gobеленов. И вот все оттенки их чувств, мыслей, переживаний впитывались их работой и затем создавали ауру творения. В сочетании с сюжетом эта атмосфера не только возрождала идеалы былых веков, но вещала также о величии человеческого Духа, что ковался вместе с железом оружия и доспехов, но был острее и тверже и одновременно — легче пуха и нежнее цветов. Любовь и преданность, бесстрашие и гордость, честь и устремленность сплетались из волшебной ткани и тепла сердец. И имя им было — грезы.

В верхнем этаже комнаты располагались в трех башенках. Одна узкая лестница, как в извилах раковины, вела к ним и где-то на уровне потолка останавливалась у трех загадочных дверей. Окованные старинной медью, они предлагали входящему выбор. «Налево пойдешь, ничего не найдешь. Направо пойдешь, от счастья уйдешь. Прямо пойдешь, себя обретешь». Одна комната являла собой капитанскую каюту, словно перенесенную сюда с какой-нибудь испанской каравеллы. Вся атрибутика древних навигационных приборов, а также гарпуны, абордажные крючья, заряженные шпаги вместе с глобусом и картами заполняли пространство. Второе помещение вполне могло соответствовать мансарде алхимика. Колбы, реторты, сушеные травы, коллекции минералов и великое множество мертвых бабочек в стеклянных футлярах. Они, словно в вечном сне, кружились среди фантастических человечков, стоящих на полках. Третья комната, без потолка, была вытянута вверх до самой остроконечной крыши, покрытой

красной черепицей. Она предназначалась для музыки. Затейливо инкрустированная фисгармония, небольшая арфа, поблескивающая золотыми отблесками валторна, несколько скрипок и старинные барабаны составляли убранство комнаты. Под карнизом, расчерченным как нотные страницы, висели, неведомо откуда, огромные кованые ключи. Прихотливость их форм позволяла представлять их нотными знаками, по которым, при желании, возможно было прочесть мелодию. Эта мелодия и звучала в сумерках, когда шел дождь и навстречу ему из трубы выползло облако дыма. Оно окутывало башни замка и сгущало кроны деревьев. И сам дом с теплыми желтыми или цветными витражными огоньками окон становился живым существом, этаким маленьким великаном, высунувшим голову из земли, чтобы поглазеть на лесные чудеса и поведать о фантазиях подземных гномов, которые записывали песни родников, подпевали ветрам и ковали сокровища в лунные ночи...

Однако же куда подевался этот белый конь? Кстати, то же самое можно было спросить и про дорогу. Она тоже куда-то подевалась. Путники прошли уже не одну милю, давно пора было наткнуться на торные пути, ведущие к городу. В конце концов здешние места знакомы с детства и запутать в них немыслимо. Но вот незадача: ни огней, ни протоптанных дорог, ни строений — лишь туман да следы лошадиных копыт, которые давно свернули с берега в лес.

Вот еще дернула нелегкая поиграть с закрытыми глазами в заклятый мостик. Дурная шутка получилась...

И вот, словно в страшном сне, просвистела стрела над головой и впилась в ствол дерева. Женщина вскрикнула и закрыла лицо руками. Мужчина схватил наперевес толстую палку, на которую опирался, и обернулся назад. Трое вооруженных, закованных в тускло блестевшие доспехи всадников вылетели на поляну и ринулись на путников. Первая, вторая, третья атаки не увенчались успехом — слишком неповоротливы оказались кони и туман изменил расстояние, но сомнений в исходе неравной схватки не было, нападающие не искали добычи... Ими владел демон убийства, и упустить жертв они не собирались.

Ах, этот день, верно, потому он и тянулся бесконечно долго, что был последним. Смерть не спешила и поджидала своих избранников в конце пути. Как это ловко получилось: сначала им дали увлечься собственной фантазией, затем за манили таинственными следами лошадиных копыт и, наконец, здесь в глухи будет поставлена точка их жизни... Вот и палка дала трещину, и отбиваться от трех оборотней стало нечем.

И вдруг! Как часто в душе просыпается отчаянное обращение к Всевышнему, Оно еще не выговорено словами, но сердце уже ударило в набат. Звук его летит, выстраивая мост к Творцу. Порой секунды достаточно для ответа, и он приходит, Появляется это чудесное вдруг. Звучит, как в старинное время охоты или на рыцарских турнирах серебряный голос трубы. Сдвинув кошмар ночного убийства, на поляну вылетает из тумана нечто необыкновенное. То ли белый конь с огромным рогом на голове, то ли воин с копьем, пригнувшийся к коню. Так или иначе, трудно понять. Трещат и ломаются кусты от громадных скачков. Темные всадники тщетно пытаются повернуть прочь и ускользнуть от белого вихря. Жуткий хруст костей, захлебнувшись крик и мертвая тишина леса, завершающая ужас ночной драмы.

В липком поту и нервной дрожи путники схватились за руки и бросились вперед по тропинке, вглубь леса. Вот крутой подъем, сверкнул огонек над головами, пахнуло

теплом и горько-сладким дымом березовых поленьев. Перед беглецами встал из тумана дом, похожий на маленький рыцарский замок. И в нем все было так, как им пригрезилось каких-то несколько часов назад, когда они наткнулись на следы лошадиных копыт. Самое замечательное, что дом оказался не пуст, у него не были хозяева. Вот только сказать с определенностью, кого они встретили, путники не могли. Точно, что там была юная, прекрасная женщина в длинном средневековом платье. Бледное лицо ее светилось божественной улыбкой, какие воспроизводили старые художники на лицах ангелов. Однако вместе с нею был то ли один сказочный единорог, то ли рыцарь и белый конь. Как-то странно, словно во сне, они то раздваивались, то соединялись, и все скрывала какая-то древняя тайна. И всю ночь хозяева пытались поведать о ней, а путники понять их. Звучали одна за другой попытки изъясниться на каком-либо известном языке, пока под утро, под разглядывание гобеленов, под аккомпанемент арфы и пение, история троих не стала ясной до подробностей.

В самом деле, что случилось и с кем? Что за странная встреча прошлого и настоящего? Что за смещение эпох и фантазий? А может, и впрямь существует параллельное время, и события текут не только из прошлого в будущее, но и наоборот. В конце тысячелетия, как и в столетьях, случаются такие странные вещи, как смещение времен. И понять это едва ли возможно, остается послушать, если не можешь поверить.

В конце тринадцатого столетия король Бриан собирался отметить сразу три события. Первое, — победу над своим давним врагом, герцогом Фердинандом, который столько лет опустошал приграничные области страны. Второе — подготовку к крестовому походу в Святую землю, захваченную сарацинами. И третье — это признание своим сыном пажа Тигмоля. Последнее событие более других занимало короля. Будучи не очень счастлив в браке с королевой Унгильдой, которую ему навязали в государственных интересах, король влюбился во фрейлину из свиты королевы, прекрасную Лигвену. Видя увлеченность Бриана, девушка спросила у своей госпожи позволения покинуть двор. Согласие было дано, и фрейлина скрылась с глаз короля. Несколько лет о ней ничего не было известно, хотя ходили слухи о ее замужестве. Потом ее не стало, а ко двору прибыл ее сын и был взят в пажи. Поначалу король не испытал ничего, кроме досады. Потом, взгляdevшись в мальчика, обнаружил в нем поразительное сходство с собою. Конечно, и речи не могло быть, чтобы Тигмоль был его сыном, но эта похожесть на короля свидетельствовала о глубокой любви фрейлины к Бриану. Нося в сердце образ своего возлюбленного, Лигвена передала его своему ребенку. Ситуация осложнялась тем, что королева Унгильда страдала бешеной ревностью, и уже не раз одно подозрение на близость к королю могло отправить невинных женщин в иной мир. Королева знала толк в ядах, а в решительности ее никто не сомневался. Для того были еще и другие основания, кроме ревности. Унгильда стояла на страже прав своего сына, принца Рильда, законного королевского наследника. Меж тем король Бриан проявлял все большую привязанность к Тигмолю. Старая любовь в нем нашла причины к возрождению. Он отыскал портрет Лигвены и поместил в сокровенном уголке своих покоев. Долгие часы и дни проводил в беседах с Тигмolem. Наконец однажды он вызвал королеву Унгильду и потребовал дать клятву не посягать на жизнь или здоровье Тигмоля. В противном случае Бриан угрожал отправить супругу вместе с приближенными на плаху.

— В ваших интересах оставить в покое пажа Тигмоля и заботиться о его безопасности, — закончил король.

Королева вынужденно поклялась, но поинтересовалась, отчего короля так озабочил какой-то паж.

— Просто я люблю этого мальчика и собираюсь признать его собственным сыном.

— Но ведь это не так, и вы не посягнете на права наследника, даже если объявите Тигмоля незаконнорожденнымbastardом, — возразила королева.

— Разумеется, — ответил Бриан. — Но я хочу, чтобы у пажа был отец. Бедный король, он не предполагал, даже в своем гневе, до чего коварна была

Унгильда. Если она не могла уничтожить Тигмоля, то ничто не мешало ей избавиться от того, кто ей угрожал. Вскоре после того как Тигмоль был объявлен вторым королевским сыном, стараниями супруги король Бриан был положен на погребальный мрамор, и королева получила соболезнования от съехавшихся вассалов и гостей.

Принц Рильд должен был занять трон, но королева не спешала с коронацией.

— Вы должны как следует насладиться безмятежностью вашей юности, прежде чем возьмете на свои плечи груз государственных забот, — говорила она сыну. Он вполне соглашался с ней и со всем пылом отдался радостям и удовольствиям, которые доставляли ему власть и богатство.

В забвении пролетело почти десятилетие, а он все оставался принцем при старой королеве. Однако, наконец, честолюбие подтолкнуло леность души, и он потребовал трон. Мать попробовала удержаться и поселяла вражду к брату-бастарду, уверяя, что он ищет возможности самому захватить престол. Пока принц не коронован, ему грозят опасности, но как только это случится, в стране может вспыхнуть мятеж. Это был довольно грубый шантаж, и Рильд понимал тайные интриги матери, но решил разом отделаться и от брата, и от Ун-гильды. Тигмоль с отрядом рыцарей был отправлен в войско крестоносцев, шедших в Святую Землю. О старой королеве распустили слухи, что она занедужила и к ее речам и поступкам следует относиться не столь серьезно. В самом деле, давний интерес к ядам перерос на старости лет в страх отравления. Унгильда постоянно меняла поваров, ничего не ела в гостях и держала целую когорту рабов, которые должны были пробовать пищу, что готовили для нее. Не мудрено, что принц легко перехватил бразды правления. Однако речь идет в большей мере о бастарде. Отважный и добрый рыцарь, он и не мнил о соперничестве с Рильдом. Двусмысленное положение незаконнорожденного наследника унижало его, и он старался как можно реже бывать при дворе. Поход к Гробу Господню был для него желаем во всех отношениях. Меж тем рать крестоносцев разделилась на части из-за несогласия вождей. В раскаленной пустыне войска изматывались непрерывными стычками вместо одного большого сражения. Армия таяла также от голода и жажды. Бессмысленность похода, наконец, обнаружила себя во всей очевидности, и крестоносцы повернули обратно. Немногим довелось добраться домой. Среди них оказался Тигмоль. Из похода он привез арабского скакуна, который, как утверждали, родился на Святой Земле в канун празднования Рождества. Конь отличался изумительной понятливостью и был предан своему хозяину. Вероятно, таково же было и отношение Тигмоля. Спутники бастарда рассказали, что однажды конь вывихнул ногу и не мог двигаться. Враги наступали, и жестокая смерть ожидала любого из крестоносцев. Сарацины не брали пленных. Тем не менее Тигмоль отказался бросить коня. Товарищи простились с ним, думая, что видят его в последний раз, но сарацины оценили поступок рыцаря и его верность коню. Его не тронули и отпустили с миром.

Интересно, что дети нередко повторяют сюжет жизни своих родителей, и Тигмоль нашел свою судьбу также в свите королевы. Поэтому уместно, да и необходимо, будет

рассказать еще об одном действующем лице этой истории. Итак, в свите фрейлин Унгильды состояла одна прелестная дева по имени Глэсс. Дочь какого-то свергнутого короля, она была взята под покровительство до лучших времен, которые все не наступали. Среди всей свиты не было равной ей в игре на арфе и пении. Сама королева могла засыпать лишь под музыку Глэсс, а монахи нередко приглашали ее спеть в утешение умирающим рыцарям. Немало достойных юношей искали ее руки, невзирая на ее бедность, но Глэсс всем претендентам давала вежливый, но твердый отказ. Еще в детские годы общая судьба сирот связала ее с Тигмolem, и сердце ее принадлежало только ему. Когда бастард вернулся из похода, то подарил своего удивительного коня своей возлюбленной. И никто, кроме них двоих, не мог сесть в седло удивительного скакуна. С появлением коня Глэсс словно наполнилась новыми впечатлениями. Из уст ее полились песни и мелодии, которых никогда раньше не слышали. Однажды девушка призналась рыцарю, что конь сопровождает ее в сновидениях и отвозит в далекие чужеземные края. Тигмоль усомнился в этом, но Глэсс описала ему местность, в которой он сражался с сарацинами. Конь воистину оказался непростым, и его привязанность к своей госпоже могла вполне соперничать с чувствами самого рыцаря.

Принц Рильд заинтересовался жизнью своего брата. Слава храброго рыцаря, благосклонность фрейлины, песни трубадуров, редкий конь — все это посеяло зависть. В злую игру решил вовлечь принц Тигмоля. Однажды, отослав рыцаря с поручением, принц объявил о турнире, призом которого должна была стать рука Глэсс. Вернувшегося рыцаря принц попросил просто выступить на турнире, не разъясняя сути дела. Одно условие было поставлено Тигмолю. Он не должен был снимать шлема и объявлять свое имя в случае победы.

Семерых противников выбил рыцарь из седла. Восьмой выехал на ристалище в таких же доспехах, какие были на Тигмole. Под броней и парадной попоной, закрывавшей коня, трудно было распознать и арабского скакуна, принадлежавшего бастарду, ибо кони были одной масти.

Вот за гремел и трубы герольдов, и последний противник был сброшен на землю. Не видя больше никого, кто готов был скрестить копья, Тигмоль тронул коня и покинул поле, не подняв забрала. Только на следующий день он узнал, что никто не расходился после турнира, дожидаясь победителя. Под самый вечер на Ристалище въехал рыцарь-двойник и снял шлем. Это оказался принц Рильд. Его наградой стала Глэсс. В один вечер жестокий обман лишил Тигмоля невесты.

Самому бастарду тут же было приказано покинуть двор и не приближаться к нему менее чем на десять миль до особого повеления принца Рильда. За ослушание ему угрожала позорная казнь.

Меж тем во дворце готовились к свадьбе и коронации Рильда. Увы, Глэсс захворала, и свадьбу отложили. Еще через какое-то время пришло известие, что избранница Рильда скончалась. Тигмоль ушел на берег моря и стал думать, как ему свести счеты с жизнью. На закате дня облачко пыли поднялось на дороге, и через несколько минут перед рыцарем предстал его благородный конь. Привязанная к седлу, на нем покоилась мертвая Глэсс. В руках ее было короткое письмо: «Я не ушла и буду всегда с тобой, но только конь поможет найти тебе дорогу ко мне. Твоя любящая Глэсс». И когда солнце закатилось за горизонт, благородный скакун вместе с девушкой ускакал от рыцаря.

Прошло немало дней, прежде чем он вернулся. Их дружба окрепла, и они уже не могли обходиться друг без друга. Теперь Тигмоль полностью поверил в чудесные силы коня.

В сновидениях они достигали Святой земли и однажды в ночь Рождества оказались у Вифлеемских яслей. Какая-то незримая стена мешала коню преодолеть последние шаги и приблизиться к заветному месту, но также и рыцарь один не смел подойти ближе, чтобы поклониться Спасителю Мира. И вот, только вместе, слившись в едином порыве любви и устремлений, они смогли принять участие в празднике Света. Какова была мольба рыцаря и коня Божественному Младенцу, можно было догадаться. Снова радость и покой сияли на челе рыцаря, а конь его танцевал, гарцуя в бледных лучах народившегося месяца.

Они вернулись обновленными и исполненными неземной любви и света. Народ собирался толпами, чтобы лишь взглянуть или дотронуться до них. Королева скончалась в утре их появления в столице. Принц Рильд бросил трон и бежал из страны, опасаясь расплаты за свое коварство, хотя никто не угрожал ему.

Всего день видели Тигмоля и его белоснежного коня, а затем они исчезли. Если верить песням трубадуров, то и конь, и рыцарь нашли тайную обитель у берега моря, где их ждала не мертвая, а живая Глэсс. Но в то же время в окрестностях королевства появилось удивительное — волшебный Единорог. Прекрасное и грозное существо, словно высеченное и отшлифованное из белоснежного мрамора, оно было исполнено неземной чистоты и священной грации. Сам воздух вокруг него сгущался в огромные, прозрачные кристаллы, заставляющие цветы и травы разгораться ярчайшими красками. В такт с цоканьем копыт, задевающих камни, они ударялись друг о друга едва зrimыми гранями, и от этого рождались дивные звоны иных пространств. И, как сгущенный луч серебряной осенней луны, посреди лба животного красовался витой у основания рог. И не страх внушал его сверкающий белизной конец, но казался он королевским скипетром властителя великих и светлых сил природы. В минуты напасти, в борьбе за справедливость, защищая слабых и поддерживая веру, на рыцарских турнирах и трудных дорогах жизни вдруг возникал из неведомого мира Единорог. Слившиеся воедино, Рыцарь и Конь вступали в бой и всегда побеждали. Но кто мог засвидетельствовать, что это не легенда, не грэзы? Кому удавалось увидеть их приют, чтобы подтвердить их реальность? Верно для того необходимо было особое стеченье обстоятельств и смещение времени и пространства. Того и удостоились в конце столетия двое бездомных путников. И было то видение Единорога знаком Радости и Счастья, не правда ли?

ГРОЗА

Есть люди, притягивающие грозу, и любить их опасно, как опасно пытаться тронуть шаровую молнию. Во всей округе обширной Винтольской долины не было ни одной девушки, которая могла бы сравниться с красавицей Стеллой. Однако большинство искателей приключений и просто любопытных поначалу ждало разочарование. Мало примечательное, хотя и с правильными чертами лица, стройная фигура, умеющая двигаться совершенно бесшумно, легкие, парящие жесты... Неужели этого было достаточно для очарования? Однако недоумение гостей быстро исчезало. Вечно летящее небо над долиной приносило темные облака из-за гор, и пары дней не проходило без ненастя. Ветер сгибал и ломал деревья в диких ураганных порывах, гремел гром, хлестали ливни... И вот тут-то странное превращение охватывало Стеллу. Обычно тихая и задумчивая, она словно пригубляла какого-то волшебного напитка. Глаза ее внезапно разгорались голубым пламенем. Густые волнистые волосы оживали и обрамляли точеную головку, как крылья. Тело не просто двигалось, а начинало фантастический танец, переливаясь из одной грациозной позы в другую. Голос приобретал звучность и красоту музыкального инструмента типа арфы. И главное, она

вся лучилась таинственной радостью переполнявших ее чувств. Ее сердце внимало ветру и непогоде. Они будто раздували в ней бешеный костер беспричинного восторга. Воистину, в эти моменты она действительно становилась звездой, как и значило ее имя, звездой яркой, безумно прекрасной, бесконечно влекущей к себе! О, сколько раз, одна или в присутствии гостей, не в силах сдерживать себя, Стелла бросалась к роялю, и дивные, неповторимые импровизации лились в пространство из-под ее пальцев. Но если они не исчерпывали ее чувств, она кидалась к конюшне и через мгновение мчалась по лугам, не выбирая дороги, и ее алое платье бросало вызов самому Небу.

Гроза меняла свое направление, из-под лиловых туч вылетали ослепительные молнии и устремлялись по следу безумной всадницы, но она всякий раз успевала ускользнуть от огненных стрел, зато расщепленные горящие деревья почти всегда составляли ее эскорта. А те, кто ее встречал в это время, испуганно крестились и отворачивались или закрывали глаза. И, конечно, судьба Стеллы не могла быть обыкновенной.

Ее связь со стихией грозы не сулила спокойной жизни. Да, впрочем, она и сама не могла бы существовать без потрясений. И, если гроза медлила за горами, девушка в любой момент могла поторопить ее. Для этого, как утверждали ее соседи, достаточно было Стелле начать распускать и расчесывать черепаховым гребнем свои длинные волосы. Искры сыпались с них электрическим дождем, и тотчас запевал ветер, небо хмурилось, а еще через короткое время налетала буря.

Однако, что бы ни рассказывали о Стелле, стоило увидеть ее хоть раз, чтобы затем помнить всю жизнь. Жила она вместе со своей старой бабушкой, которая, несмотря на дряхлость, обладала такой же способностью двигаться совершенно беззвучно, и этим нередко приводила в отчаяние дворовых собак. Они пугались ее крадущейся, сгорбленной тени и, поджав хвосты, удирали прочь.

И вот среди соседей Стеллы появился один молодой виконт по имени Эдмунд. Свое поместье он унаследовал от какого-то дальнего родственника, и только спасаясь от долгов, да и в силу нужды, он прибыл в эти заброшенные места. Встретив Стеллу, он, не задумываясь, отдался во власть ее колдовских чар. Отвага юности, мечтательный склад ума, тайна, окружавшая красавицу, взбудоражили его воображение, и он решил, что девушка послана ему самой судьбой. Однако неожиданно бабушка Стеллы встала на его пути. Как-то Стелла играла на рояле, а Эдмунд, внимая ей, не упускал пауз, чтобы рассказать девушке о своих чувствах. Внезапно позади него раздался короткий, старческий смешок, и сухая рука коснулась его плеча. Виконт передернулся и отпрянул в сторону.

— Все, что вы говорите Стелле, чистейший вздор! Вы ей не пара, а ваша «огромная» любовь и преданность не больше капризного котенка.

— Какого котенка? — в замешательстве спросил Эдмунд.

— А вот такого! — отвечала старуха, указывая на руки молодого человека. И тот в ужасе обнаружил у себя на руках пушистого котенка. Была ли то игрушка или настоящее животное, Эдмунд не понял. С детских лет он испытывал странную неприязнь и страх к этим четвероногим, шныряющим по подвалам и чердакам вместе с крысами, а тут еще ему показалось, что острые когти впились в его грудь. Вне себя от боли и досады он отшвырнул котенка в камин. Виконт мог поклясться, что внутри него не было ни дров, ни огня, тем не менее в камине вдруг вспыхнуло пламя, заметались

огненные языки, а черный силуэт котенка выгнул спину и стал расти. Потом с оглушительным шумом лопнул и рассыпался тысячами искр.

Растерянный виконт проворчал что-то насчет колдовских штучек, за которые можно и поплатиться. В ответ старуха гневно указала ему на дверь. Он был вынужден уйти, но это обстоятельство не охладило его пыла. В один из грозовых дней он увидел, как из усадьбы Стеллы вылетела всадница в алом платье амazonки, и помчался вслед за ней на самом лучшем из своих скакунов. До самых сумерек гнался Эдмунд за ней. Наконец она остановилась у леса и спешилась. Виконт рванулся к ней и чуть не остался в лесу. Перед ним, опираясь на серебряную трость, стояла не Стелла, а ее бабушка. На этот раз в ней не было угрозы, и даже яркое платье на скрюченном теле не создавало картины зловещего гротеска. По морщинистому лицу старухи стекали то ли капли дождя, то ли слезы...

— Оставьте в покое Стеллу. Ни вам, ни ей судьба не подарит счастья, — умоляюще произнесла она.

— И что я должен сделать? — спросил виконт, тронутый ее тоном.

— Уехать и, главное, забрать своего котенка! — последовал ответ.

«Да она не ведьма, а сумасшедшая, — решил Эдмунд, возвращаясь домой. — Однако как она умудрилась столько часов скакать на коне при всей своей дряхлости?»

Последующие встречи со Стеллой были удачнее. Девушка благосклонно выслушивала Эдмуда и даже дарила ему редкие улыбки. Тем не менее что-то стояло между ними, и чуждая воля, более могущественная, нежели чувства виконта, развела их.

Случилась война, Эдмунд покинул имение и вскоре забыл о своем увлечении среди грохота сражений, победных фанфар, бесшабашной жизни воина, готового в любой день станцевать с самой смертью.

Однако бурная молодость незаметно пролетела. Эдмунд очнулся, как от пьяного угары, и обнаружил себя в седине и солидном возрасте. Дважды он пытался устроить свою судьбу, но неудачно. Одна его супруга умерла, вторая сбежала. Детей у виконта не было, и он жил в каком-то провинциальном городе совершенно один. Имение в Винтольской долине он давно проиграл в карты, а память о тех днях приносила не самые радостные чувства. Близилась старость и давала знать о себе все усиливающейся рассеянностью. Как-то, перебирая бумаги, Эдмунд наткнулся на нераспечатанное письмо. В нем было приглашение на день рождения Стеллы, которое должно было праздноваться через неделю. Пораженный, виконт мигом собрался и отправился в путь. Оиночество было для него страшнее самых волшебных соседей. Через несколько дней он уже был на месте. Сердце Эдмунда странно забилось, когда он увидел, что усадьба Стеллы совсем не изменилась. Густые кроны деревьев нависали над длинными аллеями. Из дома доносились звуки рояля. Вот они смолкли. Дождь начинал накрапывать, но неожиданно остановился. Со ступенек дома спустилась Стелла. Ни малейшей морщинки не появилось на ее лице. Та же легкость движений и изысканность поз отличала ее походку. За ее спиной возникла фигура вечной старухи. Она напоминала огромную ползущую по дорожке улитку.

Усадьба оказалась полной гостей. К вечеру зажгли фонарики, и приглашенные музыканты взялись за инструменты. Погрузившись в сладкие грезы, забыв о прожитых

годах, виконт танцевал со Стеллой, и чувства его кипели, как в молодые годы. Он пытался что-то объяснить девушке, но она каждый раз прижимала тонкий пальчик к его губам. Наконец, они оказались в отдаленной от общей залы комнате. Эдмунд обнял Стеллу и поцеловал. Тотчас кто-то царапнул его за ногу. Он увидел котенка, выскочившего из камина. Искры так и сыпались с его шкурки, а он, подняв хвост трубой и выгнув спину, носился вокруг людей и мешал им перейти за пределы огненной черты. Стелла побледнела и в отчаянье прижала руки к груди. Мгновение — и вся усадьба вспыхнула, как факел.

— Закройте глаза и бегите, — крикнула Стелла. Виконт повиновался ей и бросился прочь из дома. Странно, с закрытыми глазами, он сразу нашел дорогу, и пламя, отступив на миг, не обожгло его. Однако, вновь открыв глаза, Эдмунд обнаружил сплошную стену огня, окружившую дом. Среди него выделился силуэт старухи с воздетыми к небу руками.

— Забери котенка, — прохрипела она. Еще короткое время, и от усадьбы осталось лишь пепелище. И тогда только налетела гроза, и хлынул ливень. Эдмунд не помнил, как добрался до лошади и вернулся домой. Неделю или две виконт пролежал в бреду. Наконец медленно стал поправляться. Опять попалось ему в руки письмо-приглашение от Стеллы. Он внимательно перечитал его и обратил внимание на адрес и дату. Послание было написано тридцать лет назад и адресовано на усадьбу в Винтольской долине.

— Ну и бред, — облегченно вздохнул Эдмунд. — Я, кажется, заблудился в собственных снах.

Позади него послышался шорох. Пушистый черный котенок тихо выпрыгнул из камина и под его лапками задымился ковер. Виконт кинулся на него, но животное перемахнуло в сад. Во дворе у Эдмунда бегали две борзые. Хозяин натравил их на котенка. Две живые стрелы разом кинулись на черный клубок, раскрыв пасти, но в то же мгновение с воем отпрянули назад. Ожоги на мордах и поджатые хвосты были единственным результатом атаки.

Наверное, месяц Эдмунд посвятил поимке котенка и тушению вспыхивающих то здесь, то там пожаров. Потом ему приснилась Стелла, которая передала ему котенка:

— Пожалуйста, верни его и не причиняй ему вреда, — произнесла она.

И вот снова виконт ехал в Винтольскую долину, а котенок дремал у него на коленях.

Вскоре причудливая решетка парка и осиновая аллея встали перед Эдмундом. Колонны усадьбы белели сквозь зелень кустов как ни в чем не бывало. Виконт протер глаза, тотчас пламя пожарища и грохот оглушили и ослепили его. Он прижал котенка к груди, и мгновенно вернулась картина мирной, ничем не потревоженной жизни. Знакомые по прежнему разу гости бродили по нарядным залам, звучала музыка. И как раньше, в самой дальней комнате Эдмунд нашел Стеллу. Она сидела за роялем, но руки ее бессильно лежали на коленях.

— Я принес котенка, как вы просили, — промолвил Эдмунд.

— Так отпустите его навсегда или заберите себе! — рассмеялась Стелла. — В нем ваша любовь.

Еще мгновение, и котенок запрыгал по клавишам. За ним неслись белые тонкие пальцы музыканта.

Опять вспыхнуло и запыпало пламя.

— Это наш последний танец! — прошептала Стелла, обнимая виконта. Они закружились среди огня, и безумие повело эту странную пару вслед за собою в иной мир.

Наутро в старинном, заросшем парке, где когда-то, лет тридцать назад, сгорела усадьба, у могилы Стеллы нашли бездыханное тело старого виконта. Он улыбался и казался счастливым.

СЕРЫЙ ЗАМОК

Над берегом широкого залива тянулась гряда холмов. Их северные склоны нависали обрывами над песчаными дюнами, поросшими хвойными деревьями. Там у одной из глухих дорожек, ведущих к морю, возвышался мало приметный среди деревьев замок. Его серые стены определили название замка, и когда небо закрывали облака и шел дождь или на землю наплывал туман, отыскать Серый замок становилось нелегко. Он словно превращался в невидимку, сливаясь с тусклым фоном окружающего и прячась за стволы высоких сосен. И в сумерках, когда ветер раскачивал деревья, казалось, что и очертания замка начинают двигаться над обрывом, словно замок топчется на месте и собирается прыгнуть вниз. А с берега моря его звала бесконечная заунывная песня прибоя. Вихрился песок среди голубой осоки, скрипел и трещал старый лес, и крики чаек надрывали сердце.

В давние годы в Сером замке жил кавалер Триголь. Никто не знал, сколько ему лет. Старики рассказывали, что их родители помнили хозяина замка во цвете лет и с тех пор он не менялся. Конечно же, само собой напрашивалось простое объяснение: старому хозяину приходил на смену молодой, и в свой черед его сменял следующий... Однако никто не встречал в окрестностях замка за многие годы ни одного ребенка, не видел ни одного могильного холма, которые могли бы свидетельствовать о смене владельцев. И если так, то кавалеру Триголю должно было быть не менее двух сотен лет. Нелепость! Если взглянуть на его статную фигуру, легкие и быстрые движения, услышать его звонкий голос, малейшие подозрения в старческом возрасте пропадали. Впрочем, к этой загадке можно было подойти и с другой стороны. Говорили, что кавалер Триголь увлекался алхимией и чернокнижием. Может, это позволило ему сбросить с себя власть долгих лет, сохраняя силы и молодость... И вообще многое странного окружало его личность и связанные с ним истории, которые будили воображение и вызывали тревогу соседей.

Взять хотя бы жизнь в замке. В дневное время он казался пустым и заброшенным. Но стоило ночному мраку окутать землю, как в витражах окон загорались разноцветные огни, подобные рождественской елке, из-за стен слышалась музыка, ворота в замке открывались, и слуги, облачившись в рыцарские доспехи и держа дымные факелы, поднимались на башни или выходили к дверям. Казалось, Серый замок был готов встретить любого гостя. Однако недобрая слава отпугивала многих. Даже разбойники обходили замок стороной, хотя о богатствах, хранящихся в подвалах кавалера Триголя, ходили легенды. Немногие посетившие его жилище, рассказывали о роскошной библиотеке, где хранились книги в золотых переплетах, свитки папирусов, странные тома с деревянными страницами и бронзовыми обложками. Великолепная посуда из

венецианского стекла и богемского хрусталя украшала интерьеры залов, удивительное собрание оружия со всех концов света было развезено по стенам. Но самым удивительным являлась портретная галерея, которая спиралью спускалась по коридорам вглубь подземелий замка. Сотни изображений прекрасных дам, прославленных рыцарей, юных пажей, звонкоголосых менестрелей, неподражаемых шутов заполняли коллекцию хозяина.

Наверное, все-таки замок был достаточно известен среди ценителей красоты и древности. Его посещали, стараясь не привлекать внимания ни к себе, ни к владельцу. И, верно, этому способствовало странное правило для посетителей

замка. Даже во время балов гости должны были сохранять молчание. Они танцевали, восхищались произведениями искусства, пировали за великолепными столами, но кроме музыки да боя часов не раздавалось иных звуков. Возможно, шум голосов мог спугнуть то призрачное счастье, которое дарила красота, поселившаяся в замке. Интересно, что кавалер собирал в свою коллекцию портреты счастливых людей или, во всяком случае, они были написаны в ту пору, когда люди считали себя счастливыми... Это могло бы составить ему добрую репутацию, если бы не слухи, что многие из тех, чьи портреты попали в Серый замок, незаметно исчезали. То ли меняли свою судьбу и покидали дома, не оставив после себя следа, то ли они вообще уходили из этой жизни — доподлинно неизвестно. Художники, которых нанимал кавалер, были связаны столь серьезной клятвой, что ни золото, ни угрозы не могли заставить их разговориться о тайнах Серого замка и его посетителях.

Однажды весной в соседнем городе был устроен роскошный бал. Со всей округи съехалась масса гостей. В числе других был приглашен кавалер. К удивлению многих, загадочный затворник принял приглашение. Остроумие, легкость шуток, поэтический дар делали Триголя желанным собеседником. Однако более других достоинств привлекала его способность угадывать судьбу. Среди толпы гостей оказалась юная графиня Жилинда. Это был ее первый бал. Радость жизни, полнота чувств, сила молодости переполняли ее и, будь она даже менее прекрасна, то все равно привлекала бы взоры. Прежде всех ее заметил и пленился ею герцог Брасс. Мало кто знал, что молодой наследник герцогского трона должен был в этот вечер выбрать себе невесту. Выполнение этого условия делало его законным правителем края. Выбор герцога был мгновенным, так же как порыв его пылкого сердца. Он пригласил Жилинду на танец и после танца подарил ей кольцо с сапфирами. Только абсолютный невежда, увидев это, мог не понять значения этого дара. И только человек совершенно не дорожащий своей жизнью осмелился бы после этого пригласить графиню на следующий танец. Кавалер Триголь сделал это, презрев изумленный ропот толпы. Вероятно, его сочли сумасшедшим, и герцог допустил, чтобы бал продолжался как ни в чем не бывало. Жилинда, оказавшись в сложном положении, тем не менее оценила риск и отвагу Триголя.

— Вы дружите с судьбой, как о вас говорят, кавалер. Что сулит она вам в этот момент?

— Она послала мне встречу с вами и грядущее счастье! — галантно ответил Триголь.

— Мое счастье с герцогом? — уточнила графиня.

— Нет! Мое и ваше... — ответил кавалер. — Что же касается герцога Брасса, то он не принесет вам радости.

Дошли его слова до герцога или нет — неизвестно, но вскоре после танца один из придворных, известный своей ловкостью в поединках, намеренно толкнул кавалера и вынудил его к вызову на дуэль. Через короткое время еще двое молодых людей, искавших покровительства в карьере при герцогском дворе, придавшись к каким-то мелочам, разыграли ссору. К утру следующего дня Триголь должен был участвовать в трех поединках. Подробности их ошеломили многих. Кавалер Триголь опоздал к первой и второй дуэли, назначенным в одном и том же месте, и любезно предложил своим противникам разом удовлетворить их обиды, скрестив шпаги одновременно с тремя. Секунданты хотели воспротивиться, сочтя силы явно неравными, однако кавалер убедил их доводом, что в любой дуэли всегда выявляется преимущество того или иного бойца.

Итак, четыре шпаги разом скрестились и ожесточенно вступили в бой. Через десять минут шпага одного из противников была выбита кавалером из рук и передана секунданту. Через четверть часа та же судьба постигла шпаги оставшихся противников.

— Вы удовлетворены, господа? — спросил кавалер.

Отдохнувший первый яростно запротестовал. По знаку Триголя всем троим вернули шпаги. Они напали на кавалера. Однако на этот раз они еще решили использовать кинжалы и метнули их в Триголя. Один из них, оцарапав ему плечо, вонзился в грудь второго противника. Третий, решив, что его товарищ переметнулся на сторону кавалера, внезапно накинулся на первого, и оба разом поразили друг друга. Триголь вышел победителем, не пролив и капли крови своих противников.

Целую неделю город гудел о колдовских чарах кавалера, а виновник этого скандала явился в дом графини Жилинды и просил ее руки. Наверное, эта дерзость — перейти дорогу правителю края — привела бы Триголя за решетку или к еще большим неприятностям, но дама постаралась до времени сохранить его визит в тайне. Сам кавалер напрасно пытался убедить юную красавицу в том, что ее выбор противоречит воле звезд и герцог ей не пара. Получив отказ подарить ему свое сердце, Триголь просил о милости сделать портрет Жилинды. Не желая еще больше огорчать его, она дала согласие. На следующий день явился художник от кавалера и стал писать ее портрет.

В последний день лета город праздновал свадьбу герцога Брасса и прекрасной Жилинды. Звенели колокола, свадебный кортеж был украшен цветами, а в это же время золотая карета, запряженная белыми лошадьми с плюмажами из павлиньих перьев, увозила портрет невесты в Серый замок.

Пронеслись, как стая ласточек, дни веселья, и слепящий восторг молодости стал отступать перед трезвыми буднями. Грусть пришла в сердце Жилинды. Не находя причин, она думала, что портрет унес с собой часть ее жизни и счастья.

Образ таинственного кавалера поселился в ее снах. Все могло бы быть еще терпимым, но у герцога оказалось безумно ревнивое сердце. Имя кавалера, произносимое во сне его женой, вызвало целую бурю в его душе, и напрасно Жи-линда пыталась объяснить свои чувства и успокоить его. Однажды герцог решил пробраться в Серый замок и узнать тайны его владельца. Взяв лишь слугу, он отправился ночью к жилищу Триголя. Веревки помогли ему взобраться на стену и заглянуть в окно. По галереям роскошных зал, взявшись за руки, двигалась сверкающая лента гостей. Тихо звучала чарующая

музыка. В первой паре, возглавляя череду танцующих, шел кавалер Триголь, а рядом с ним, цветя улыбкой, счастливая Жилинда.

Сдирая в кровь руки, герцог спустился на землю и погнал коня к городу. Одно всепоглощающее желание владело им. Ударить в набатный колокол, поднять войска и вернуться к Серому замку, чтобы не оставить камень на камне. Лишь приблизившись к городу, он несколько пришел в себя. Дворец его окружала тишина. Герцог рванулся к спальне. Его жена мирно покоилась в постели. Сознание вернулось к Брассу. Возможно ли, что кавалер нашел двойника прекрасной Жилинды и привел ее к себе? А может, то было чистейшее колдовство? Не опозорит ли себя герцог, впутав имя герцогини в расправу над кавалером?

Вначале следовало поступить осторожно. Герцог переодел в купца одного из своих верных людей и послал его в Серый замок, чтобы купить портрет Жилинды. Посланец его вернулся с пустыми руками. Кавалер не нуждался ни в золоте, ни в драгоценных камнях.

Отныне кавалер мог считать свою цитадель обреченной. Хорошо вооруженный отряд герцога окружил Серый замок и двинулся на штурм. Никто не ответил на грозные завывания боевых труб и гром барабанов, но в башнях и на стенах вдруг появились защитники. Не было на них рыцарских доспехов, шли в бой они прямо с бала в нарядных одеждах с мечами в руках, но больше всего поразило нападавших молчание противников. Ни звука не вырывалось из их сомкнутых губ, даже если оружие пробивало их тела. Они сражались ожесточенно и, несмотря на раны, никто не покинул стен. Невольный страх охватил воинов герцога. Уже добная половина отряда лежала под стенами Серого замка, а число защитников не Уменьшилось ни на одного человека. Герцог вынужден был отвести войска.

Поражение и нестерпимая ревность продолжали мучить Брасса. Он потерял сон и покой. Наконец, однажды, чувствуя, что сходит с ума, он оседлал коня и отправился в замок один. Кавалер словно ждал его.

— Я пришел просить пощады и помощи! — сказал герцог.

Кавалер кивнул:

— Да, вы соединились с душой, которая вам не пара. В этом нет ничьей вины, а лишь расположение звезд, под которыми вы родились и которые вас ведут.

Потом он дал ему незажженную свечу и повел по своей галерее с коллажей портретов.

— Смотрите на лица, — сказал он. — Когда ваше сердце узнает ту, кому оно принадлежит, свеча загорится сама.

Они медленно кружили по коридору, спускающемуся в подземелье. От множества лиц, которые оживали под их взглядами, начинали слезиться глаза. Вот перед ними встал портрет Жилинды. Свеча герцога на мгновение вспыхнула и тут же погасла. Кавалер Триголь увлек герцога за собой. Наконец, перед портретом одной из дам в старинном одеянии свеча Брасса загорелась и не потухла. Кавалер снял портрет со стены и понес в тайную комнату, замыкавшую галерею. Там стояло зеркало в огромной раме, закрытое покрывалом. Кавалер поставил портрет на кресло перед зеркалом и сдернул с него

занавес. Через мгновение с полотна портрета исчезло изображение женщины. Зато из глубины стекла выступила прекрасная дама и подошла к герцогу.

— Кто вы? — спросил он, отшатнувшись. Она была похожа на герцогиню Жилинду, как родная сестра, но разница в одеянии и какой-то бесконечно далекой улыбке разделяла их тождество. Кроме того, она молчала. Сердце герцога наполнилось вдруг покоем. Он услышал музыку и, поддаваясь ее чарам, последовал за своей дамой.

Ночь кончилась, и его возлюбленная вернулась через волшебное зеркало в свой портрет.

— Что я должен сделать, чтобы исцелиться и быть счастливым? — спросил герцог.

— Отпустите Жилинду и возвращайтесь сюда! — ответил кавалер.

Это было слишком тяжело. Как только Брасс увидел жену, в нем вновь вспыхнул целый костер недобрых чувств. Помертвевшими губами он сообщил ей, что дает ей свободу в обмен на свое сердце. Герцогиня сняла кольцо и, молча, накинув плащ, двинулась к дверям. Брасс не выдержал этой минуты.

— Куда ты идешь? — закричал он, теряя самообладание.

— Туда, откуда ты пришел! — ответила Жилинда. Дикая ревность охватила герцога. Он захлебнулся в ней и, подчиняясь ее власти, ударил жену шпагой в середину спины.

На третий день состоялись похороны. Двор известили, что герцогиня внезапно умерла от разрыва сердца. Траурная колесница выехала из города, чтобы отвезти Жилинду на кладбище, расположенное за городом. Дорогу процессии преградил запыленный всадник на взмыленном коне. Это был кавалер Триголь.

— Ваша светлость! — обратился он к герцогу. — Вы дали свободу Жилинде. Она больше не принадлежит вам ни душой ни телом!

Герцог не знал, что возразить. Меж тем Кавалер, подняв тело герцогини на коня, помчался в сторону Серого замка. За ним бросились в погоню. Герцог Брасс несся по пятам, настигая Триголя.

Перед волшебным зеркалом встал кавалер, держа в объятиях мертвое тело герцогини. В этот момент его настиг предательский удар Брасса. Кровь кавалера пала на Жилинду, и оба исчезли, словно истаявший дымок. В глубинах зеркала появились две фигуры. Кавалер и Жилинда, взявшись за руки и улыбаясь, медленно отступали в зеркальный лабиринт. Обезумевший герцог рубил зеркало со всего плеча, но на нем не оставалось и легкой царапины. Наконец герцог рыдая упал на пол и бился головой о землю. Очнулся Брасс лишь во дворце. Два портрета привез он из Серого замка. Оба были очень похожи, но один изображал герцогиню Жилинду, другой — неведомую даму из каких-то веков. Вернуться в Серый замок герцогу больше не удалось. Дорога к нему потерялась и, вероятно, навсегда. Разум Брасса помутился, он отказался от дел и жил один, вдали от дворца, в обществе двух портретов, которые он называл жизнью и смертью. Единственной мечтой герцога было войти в зеркало кавалера и обрести покой в волшебном Зазеркалье.

ЗЕРКАЛО

Ложь родилась в зеркале.

Темны изречения, оставленные нам древними. Ночными извилистыми тропами блуждает ум за убегающей мыслью. И она, словно призрак, многократно раздваивается, расчертывается — вот уже целый хоровод вокруг, но не остановить его, чтобы сделать выбор и окончательно понять наставления мудреца.

И эти слова о зеркале... Страшно от них. Себя ли мы видим в осеребренном стекле? Таким ли, каков он есть, предстает мир, появляющийся на зеркальной поверхности? Лицо человека мгновенно и неуловимо меняется, встречаясь со своим отражением. А окружающее? Всмотритесь... Будет ли это покрытый деревьями берег, опрокинутый в гладь лесного озера, будут ли потускневшие краски старого портрета, выступившие из сумрачной голубизны запыленного зеркала — вы почувствуете разницу. Трудно определить ее, но она есть. И странно... даже самые безотрадные картины обретают непонятную жизненность и очарование в своих отражениях. Еле заметное изменение формы, а скорее цвета, создает ту привлекательность, которую многие предпочут непосредственному созерцанию природы. И на застывшей воде тихого озера покажется другой берег и другие деревья, принадлежащие иному миру. То же и с портретом. Черты его заснувшего лица, темные глаза вдруг найдут в стекле именно ту краску, которой владеет одна жизнь, которой нет названия и которая исчезает с приходом смерти. Кто ж познал тайну отражения и в чем она заключена? Отчего истинные знатоки искусства приближаются к нему с осколком зеркала, словно с фонарем, указывающим путь?

В старинные годы созданием зеркал ведали алхимики, искавшие философский камень. Понятие золота имело более широкий смысл, чем тот, который ограничен металлом, и преображение мира на поверхности стекла могло служить прообразом превращения простых элементов в драгоценные. И не в стихии ли огня, сковавшей металл, родилась бесцветная зеркальная краска, мечта многих поколений художников? Только гении добывали ее в пламени творящего духа, но молчали, чтобы не быть распятыми невежеством толпы. «ЛОЖЬ РОДИЛАСЬ ИЗ ЗЕРКАЛА...» Наш век с насмешкой может отбросить эту фразу. Культ науки, фанатичное стремление к объективности распространилось повсюду, и зеркала не остались исключением. Они только отражают. Теперь им не выдержать аналогии с философским камнем. Судите сами, сравнив ремесло с искусством. Разница огромна, если вспомнить, например, венецианские зеркала. Ощущали ль вы когда-нибудь всю гамму их прозрачных красок? Погружались ли в таинственную глубину, где жизнь неподвластна времени? Терялись ли среди захватывающего чувства новизны давно знакомых предметов, обретших неожиданную гармонию и красоту? Тогда вам известно то незримое существо, обитающее в стекле, чье призвание «не спрашивать и не отвечать, но означать». Оно, как и вода, творит свой собственный мир, вместо того чтобы просто отражать окружающий.

Не знаю, поверите ли вы, если я расскажу историю моего друга Августа Бавли. Воле рока или случая было угодно, чтобы я стал свидетелем событий, которым тщетно искать объяснений. Попытавшись это сделать, я остановился бы перед альтернативой признать себя мистиком или безумцем. Вы, конечно, улыбнетесь, подумав, что эти понятия не так уж далеки друг от друга. Пусть. Моя роль свидетеля исключает права судьи, и я уступаю их вам.

На свете есть род людей, которые незаметны не потому, что замкнуты или скромны, не в силу полного отсутствия каких-либо достоинств, а из-за удивительной

гармоничности, позволяющей им настолько сливаться с окружающим, словно они надевают шапку-невидимку и растворяются в воздухе. К числу их я отношу Августа Бавли. Встречаясь с ним, человек оставался самим собой. Бавли никогда не изменял круга ваших мыслей. Простившись, вы тотчас забывали о нем, так что порой не могли бы с уверенностью ответить, попадался ли он на вашем пути сегодня. Я сомневаюсь, чтоб кто-нибудь взялся точно описать его внешность. Мы привыкли к ярлыкам, определяющим тот или иной характер, те или иные черты, но Август воплощал в себе саму природу. Он был то красив, то уродлив, то приятен, то отвратителен, и это настолько совпадало с вашим собственным настроением и картиной окружающего вас мира, что не давало возможности делать заключения. Душа Бавли поражала все той же естественностью. Кажется, еще в том возрасте, когда вступают в самостоятельную жизнь и выбирают свой путь, Август решил отиться течению судьбы: «Я хочу расти свободно, как дерево, которому не обрубают ветви, чтобы оно стало выше или шире. Пусть все желания, стремления, порывы, заложенные во мне, найдут свой выход. Я не стану жертвовать ни одним из них, как бы ни противоречили они всему предыдущему».

Отбросив логику разума, презрев прошлое и отрекшись от будущего, он стал служить идолу настоящего. Изменчивость Бавли не уступала изменчивости жизни, но я далек от того, чтобы завидовать ему. Да, как только тучи покидали его небо и рассвет прогонял ночные тени, на лице его появлялась улыбка ребенка, рожденного в это утро. Да, не сомневаюсь, что понятие счастья для Августа включало в себя несоизмеримо большие величины, но я также знаю, что закон равновесия властвует над всем сущим, и тяжесть печалей, посещавших моего друга в непогоду, вряд ли была кому-нибудь по плечу.

Из близости к природе вытекала и страсть Августа к путешествиям. Каждую весну он встречал на юге, зима же могла застать его в Заполярье, где он наблюдал северное сияние. По возвращении его рассказы были столь живы, что, казалось, источали немыслимые ароматы ночи. Голос Бавли до сих пор звучит в моих ушах. Он отличался необыкновенной музыкальностью, словно не один инструмент, а сразу целый оркестр принимал участие в создании его речи. Но странно, что впечатление от голоса не переносилось на его обладателя. Музыка его слов проникала в глубину сердца, и образы, рожденные ею, всплывали, будто из вашего собственного воображения под шум морского прибоя, стук камешков или напевы ветра.

Однажды летом Бавли посвятил себя раскопкам на древнем берегу Колхиды. Там, на месте исчезнувшего греческого города Диоскурии, купаясь в море,

он обнаружил под водой остатки какого-то храма. Сравнительно небольшая глубина позволила ему наслаждаться прикосновениями к стройным ионическим колоннам, мрамор которых тянулся со дна навстречу солнцу, как живое существо. Среди зеленой чащи водорослей Бавли вдруг увидел луч света. Набрав побольше воздуха, он нырнул так глубоко, как позволяли силы. Перед глазами вдруг стало белоснежное изваяние античной скульптуры Аполлона. Юноша протянул к нему руки, пальцы его судорожно сжали какой-то предмет, но запас воздуха кончился, и он очутился на поверхности, старинное зеркало в тонкой резной раме из эбенового дерева после многих столетий покинуло подводную гробницу и отразило синь полуденного неба. Правильный овал зеркала, обрамленный черной каймой, внушал непонятную печаль, и это чувство усиливалось зигзагообразной трещиной, пересекавшей стекло почти посередине. Нижнюю часть зеркала будто заволакивало легкое облачко. Предметы в нем расплывались и виднелись, как сквозь слезы. Зато верхняя давала такое явное отражение, словно с обратной стороны его светило свое солнце. Бавли еще много раз нырял в этом месте, пытаясь найти фигуру, увиденную им в зеркале, но тщетно. Только

обвалившийся портик храма с выбитой в камне надписью подтвердил, что он посвящен Аполлону. Бавли вернулся на берег. Дальнейшие поиски не приносили результатов, а разразившаяся буря совсем оборвала их.

Итак, зеркало из храма Аполлона украсило жилище моего друга, хотя многие из его близких суеверно предвещали ему несчастье, которое приносят разбитые зеркала. «Приметы сбываются у тех, кто в них верит», — смеялся Бавли. И поначалу казалось, что скорее удача посетила его дом вместе с находкой. Я уже говорил, что в силу некоторых особенностей он оставался для окружавших его людей незаметным. Это имело и свою обратную сторону — Бавли был одинок. Мы уже привыкли иронизировать по поводу яркой раскраски индюка, не соответствующей содержимому головы. Просвещение как будто давно научило нас отдавать преимущество внутреннему богатству перед внешним, но факт, древний, как земля, что в человеческих взаимоотношениях радость глаз по-прежнему ценится больше радостей ума. Прекрасное — это эпитет юности, самой счастливой поры жизни, и любовь, как ее высшее выражение, разве не принадлежит в первую очередь молодым? В их руках находится возможность продолжения людского рода, и в сочетании прекрасных форм рождается та гармония, которую мы называем любовью. Мудрость же принадлежит годам, разрушителям сил и творений. Их ценности другие. Мой друг не был стар, но, наградив его многими Достоинствами, природа скрыла их от посторонних глаз. Бавли в силу своей «незаметности» не смел претендовать на любовь. А именно ее так жаждала его душа. Годы шли, но еще ни одна женщина не подарила ему свое сердце, ни одна не склонила своего лица к его потрескавшимся от безответной страсти губам.

И вот, с появлением зеркала внезапно все изменилось. Глаза, о которых Бавли мечтал, наконец, обратились к нему. Первой, кто ответил на его призыв, была Иветта. Августу она показалась самой феей утра. Светлая и радостная, она наполнила дом песнями и цветами. Мрачная обстановка комнат вдруг приобрела новую жизнь. Старые вещи стали звучать и издавать тонкий аромат под ее руками. Стены раздвинулись, собираясь сделать вздохи замерли. Все прониклось готовностью одарить их счастьем. Но странной и недолгой оказалась любовь Иветты. Она ни разу не назвала Августа по имени. Тайный страх прятался за темными зрачками ее нежных глаз, и в объятиях ее Август вместе с радостью открывал муку, которая явилась однажды на пиру царя Валтасара. Пир Бавли также оборвался, оставив его душу израненной и опустошенной. Легким, случайному движением рок отнял у него жизнь Иветты. В день скорби, возвращаясь с похорон, Август собирался посвятить свое сердце вечному оплакиванию потеряянной возлюбленной, ноу порога его ждала подруга Иветты — Жанна. Она вошла в дом вместе с ним, не спросив позволения, и осталась в нем, не нарушив траурной тишины.

Слова о кощунстве к памяти умершей замерли на устах Августа, когда Жанна положила ему руки на плечи: «Иветта отдала мне ключ от вашего дома». Что же помешало ему возразить ей? Сила ли ее пальцев, сдавивших плечи, густота рыжих локонов, выплеснувшихся на грудь? Нет. Это был страх. Страх и обреченность, которые однажды он уже чувствовал к Иветте. Утреннюю зарю сменило полуденное солнце, но меч времени висел над ним. Велика была воля к жизни у Жанны, но вскоре нелепая случайность растворила перед ней те же двери, что ранее раскрылись перед Иветтой.

Шаги смерти не успели еще замереть, как следом явилась Нора. «Не ждала ли ты своей очереди?» — с гневом спросил ее Бавли, но она не ответила. Печаль тонкого лица напомнила ему об одиночестве, на которое обрекала его судьба, отнимая

влюбленных. Слезы не дали ему возможности разглядеть ее. Он опустился на пол, и только трепетные руки Норы сумели поднять его. Вечер сменил сияние дня. Но тесным стало ложе любви для Бавли. Терзаемый тревогой и смутными догадками, он не находил покоя, а если сон являлся к нему, то в виде кошмаров, где неведомый противник беспрепятственно входил в дом и уничтожал цветы его сада. И вот тайна его страданий внезапно разрешилась.

Однажды под утро Август отчетливо услышал тяжелые шаги у постели. Сделав невероятное усилие, он открыл глаза. Нора лежала рядом с ним. Страстная улыбка еще дрожала на ее губах, но из-под ресниц струились слезы. Темный силуэт женщины, закутанной в тунику, прижался к висевшему перед альковом зеркалу. А в его глубине, словно в раскрытом окне, виднелось сумрачное море, вспененная полоса прибоя и фигура полуобнаженного юноши с луком в руках и колчаном за спиной. Легкие сандалии крепились золочеными ремнями к быстрым ногам, короткий плащ развевался по ветру, вот он оглянулся. Лунный свет, прорезавшийся сквозь тучи, упал на его лицо, и Бавли узнал Аполлона. Еще мгновение, и он исчез в волнах. «Сон», — мелькнуло в голове у Августа, но ужас рассеял его последнее заблуждение, когда женщина, стоявшая у зеркала, шевельнулась. Белизна прекрасного лица, открывшегося ему, была ослепительна. Но тем страшнее казалось ледяное пламя глаз. Крик застыл в горле Бавли, а сердце сжалось в крохотную точку, готовую вот-вот исчезнуть.

— Я — Геката, богиня смерти! — прозвучал ее голос, и многократное эхо понеслось, как в лабиринте, по всему его телу, подхваченное каждой клеточкой. — Это зеркало принадлежало мне, и я подарила его Аполлону. Кто из бессмертных обитателей Олимпа мог бы отказаться от моего дара, который служит дверью меж двумя мирами? Благодаря ему боги сходят на землю. Но красота надменна и безжалостна. Приняв зеркало, Аполлон, однако, отверг мою любовь, словно я была недостойна его. Только смерть способна обуздать дерзкого бога, и она идет по его следам, отнимая у него тех, кто делит с ним любовь. Взгляни, несчастный! Рядом с тобой на ложе та, чей приговор свершится сегодня. Она уйдет вслед за теми вероломными, кого ты уже проводил в последний путь. Все, кого ты любил, принадлежали богу солнца, и ты теперь знаешь своего соперника. Зажги в своем сердце факел мести, не бойся его сил и помоги мне наказать его. Здесь у ворот жизни и смерти властвуют законы, которые не могут нарушить даже боги. Если смертная женщина отвернется от любви Аполлона и не будет принесена никакая иная жертва за вход в зеркало, проклятие падет на голову солнцеликого. Он никогда больше не сможет перешагнуть грань двух миров. Но ты должен укрепить и замкнуть свое сердце. Только таким путем ты победишь. Знай также, неразумный, что люди питаются обманом. Их чувства принадлежат богам, и только объедки со стола попадают к смертным, которые думают, что любят друг друга. Ты можешь вкусить пищу богов, если отберешь ее у Аполлона!

Она исчезла, а Бавли долго не мог пошевелиться. Безумием казалось все, что произошло с ним. Наступил день. Нора встала, и Август не смел удержать ее. Одна мысль наполняла его трепетом и ожиданием. Если сбудется ночное пророчество Гекаты и Нора не вернется, значит, все, что он пережил, не бред. Оно сбылось.

Еще не кончился вечер, как испуганные друзья принесли ему весть о внезапной гибели Норы. Бавли принял ее молча, только глаза, исполненные боли и тревоги, обратились к зеркалу. Смутная пустота покоилась в нем, но когда он подошел ближе, темный клубящийся туман выступил на мгновение ему навстречу, и среди него мелькнуло легкое, истаивающее лицо Норы. Ночь воцарилась в его доме, и в течение года Август жил, осененный ее сиянием, не в силах оправиться от пережитого, поверить в

реальность встречи с греческой богиней, отказаться от мыслей о виновности в смерти женщин. Не раз он хотел избавиться от страшного зеркала, но руки ему не повиновались, не смея даже коснуться его. Только когда тяжелая бархатная портьера скрыла холодный свет, струившийся из зеленоватых глубин стекла, Бавли успокоился. Никто больше не являлся к его порогу, словно с тремя женщинами, прошедшими через его дом, исчерпалась все возможности, предуготованные ему жизнью. Опять он был один, и ничьи глаза не задерживались на нем. Но траур бывает вечен только у камней. Как-то весной в его опустевшем сердце вновь зазвучала робкая песня любви. Бавли услышал ее, и воспоминания повлекли его на кладбище, где уснули его печальные грезы. Долго он бродил по непросохшим дорожкам, пока не остановился перед мраморным надгробием, привлекшим его внимание. Две бронзовые фигуры темнели у основания усеченной колонны. Одна изображала амазонку в греческом шлеме с опущенным мечом.

У ног ее склонился Аполлон со сломанным луком. Был ли то символ судьбы, победившей человека? Или отвага и красота вместе оплакивали ушедшего? Странные слова надгробия делали композицию еще более двусмысленной: «Любовь умолкла там, где ненависть рыдает». Самая смелая фантазия не могла бы пренебречь традициями. Несомненно, Аполлон олицетворял любовь, тогда как амazonка с мечом несла на себе знамение ненависти. Памятник увековечивал обвинение или страшное признание того, кто его воздвиг.

Тайные предчувствия, жгучее любопытство охватили Бавли, и он попытался что-нибудь узнать у кладбищенского сторожа.

— Там похоронен музыкант, — последовал ответ. — Он умер от разрыва сердца, красив он был необычайно, за что его называли Аполлоном. А памятник поставила жена, которая была под стать ему, глаз не оторвешь. Она часто его навещает.

Через несколько дней, вновь посетив кладбище, Август увидел около могилы музыканта женщину с цветами. Она оглянулась, словно почувствовала, как тревожно забилось его сердце. И он уже не смог уйти, сама судьба возвещала ему свою волю из серых глаз Анны. Стихия воды нашла в ней воплощение своей мощи и слабости одновременно. Это была женщина-волна, но из тех волн, что рождаются ночью в безветрии. Они исторгнуты со дна океана тяжелым вздохом земли. Они незримы и почти бесшумны. В молчании звездного неба, отраженного морем, издалека раздается едва уловимый свист, нежный и печальный, как голос свирели, застывшей на ноте соль. Звук дрожит, переливается, незаметно нарастает, и вот где-то в поднебесье глаза различают белую полосу, которая быстро приближается. Нет, вы отказываетесь верить себе, когда вдруг видите исполнинскую стену, несущуюся вам навстречу. Белый гребень венчает ее и рас-

секает воздух, как лезвие опускающейся сабли. Вот с жалобным плачем ребенка все море покачнулось, встало по вертикали, подняло вас на высоту, с которой при свете дня вы могли бы увидеть оба берега. Ужас и восторг остались где-то внизу. На мгновение вы замерли, забыв о смерти и о жизни, а затем с бешеною скоростью спустились по другую сторону стены. Снова недвижное море и мрак ночи, озаренный мерцающими звездами. Но вы уже не тот, если гибель вас миновала. Вы узрели самую истину мироздания в открывшейся бездне небес и морского дна. Вы забыли все, что вас наполняло до этой минуты. Вы утеряли способность к слезам, так же, как к смеху... Если, если... конечно, ваше сердце не приняло эту волну за сон. А падения во сне не оставляют следов.

И вот Анна вошла в дом Бавли. Старинные портреты в золоченых рамках, изящные безделушки, стоявшие на полках, гобелены на стенах не привлекли ее внимания. Она подошла к черной портьере, завешивающей зеркало, словно знала, что за ней таится, и заглянула в стекло:

— Если вы захотите когда-нибудь сделать мне подарок, то уберите это разбитое зеркало.

— Нет, — ответил Август. — Пока вы будете приходить сюда ради меня, оно не принесет несчастья.

Но этой же ночью он проснулся от щемящих звуков. Кто-то, захлебываясь, рыдал у его постели.

— Анна, Анна, — в страхе стал звать Бавли. — Кто это плачет? Вы слышите?

Теплая рука легла ему на голову.

— Это флейта. Не бойтесь.

— Анна, но ведь ваш муж был флейтистом?

— Мой муж всегда был и есть и будет Августом Бавли.

Любовь Анны казалась безумной, признания звучали, как бред. Ночи напролет она изливала ему душу, словно, заточенные в подземелье на целые столетия, ее чувства, наконец, вырвались наружу, ослепляя и оглушая Августа. Глаза ее не знали сна, уста не насыщались поцелуями. Торжеством звучал ее голос, когда она говорила о свободе, которую ощущала рядом с Бавли, о почти звериной радости, которую ей дает одно только прикосновение к нему. Она сравнивала его с воздухом, без которого нельзя дышать, с огнем, дарующим жизнь, с самой любовью, побеждающей власть смерти. Потрясенный, Август не мог отвечать ей. Ее чувства казались ему то незаслуженными, то внушенными богиней Гекатой. Он сдерживал свое сердце, страшась дать волю стихии, которая клокотала в нем: «Анна разлюбит меня и погибнет, как только почувствует мою слабость и поймет, что я всецело принадлежу ей».

Второй заботой, омрачавшей его, была музыка. Каждую ночь отдаленные звуки флейты, напоминавшие стоны и плач, надрывали его душу, и он знал, что они доносились из зеркала. Однажды в отсутствие Анны Бавли попытался разбить его. Но ни молоток, ни топор не оставили даже легкой царапины на хрупкой поверхности стекла.

— Я хотел сделать подарок, который вы у меня просили, — сказал он Анне, когда она вернулась. — Но не смог.

— Ваш подарок — это вы сами и то, что вы разбудили мое сердце, когда я уже разуверилась в существовании любви.

— Но разве красота мужа не трогала вас?

— Она слепила меня, будучи таким же талантом, дарованным ему природой, как способность к музыке. Она покоряла и в то же время вызывала возмущение, что извечное и почти единственное преимущество женщин оспаривалось мужчиной. Только одно светило может владеть небом, и наш союз скорее напоминал поединок. Никто не становился победителем в этой борьбе, пока не пришла смерть. Жестокая насмешница, она увенчала мертвца, отняв лавры, у живого. Память сделала мужа неуязвимым, и то, с чем я боролась при его жизни, с торжеством воцарилось над моей душой. Лишь встреча с вами разорвала путы и дала мне прозрение. Я увидела, что кроме солнца есть звезды, я поняла, что быть собой, хотя бы угольком, — важнее, чем отражать чужое пламя.

Тайна надгробия приоткрылась глазам Бавли, но странные чувства охватили его при мысли о судьбе музыканта и Анны. Не сотворена ли душа человека, чтобы быть одинокой и самой создавать свое небо? К чему это страшное стремление к власти, к обладанию чужой жизнью, которое порождает любовь?

А между тем Бавли сам участвовал в этой битве, и она еще не была окончена. Наступила ночь, когда флейтист вышел из зеркала. Август открыл глаза и узнал Аполлона, но Анна видела в нем бывшего мужа. Бог склонился к ее ногам. Самые пламенные слова, самые униженные мольбы произносил он, пытаясь добиться ее любви. Но ни красота его, ни слезы не получили ответа. Тогда Аполлон стал упрекать ее за неверность, клянясь все простить, если она подарит ему прощальный поцелуй. Анна оставалась непреклонной. Наконец, он поднялся и направился к морю, что опять шумело в зеркале. Там, за горизонт заходило в лиловые тучи малиновое солнце. В последний раз тишину пронизала тоскливая мелодия флейты. Бог красоты и любви навсегда покидал землю. Август не смог этого вынести. Он забыл о себе и об Анне. Бесконечное сострадание переполняло его, и он бросился вслед за Аполлоном.

— Остановись! — загремел голос Гекаты, и ее грозная фигура попыталась преградить ему путь. Но было поздно. Бавли упал в зеркало, и море поглотило его. Зато смеющийся Аполлон опять оказался в комнате. Он протянул руки к Анне и тут же отпрянул в сторону. На лицо женщины опустился сверкающий шлем, легкие доспехи амазонки покрыли ее гибкое тело, и короткий меч со звоном покинул ножны. Бог отшатнулся. Анна отвернулась от Аполлона и шагнула вслед за своим возлюбленным. Стекло, превратившись в воду, приняло ее и скрыло от глаз.

«Ложь родилась после зеркала» — гласила третья надпись на резной раме из черного эбенового дерева. Я с изумлением глядел в это страшное зеркало, в котором исчезли Август Бавли и Анна. Где же та трещина, что пересекала его поверхность? Ее не было. Может, она существовала только в воображении? Не знаю. Но я выполнил до конца волю моего друга. Я вернул зеркало морю в том же месте, где его нашли, у берегов Диоскурии.

Нет слез в душе моей. «Жизнь не утекает, ибо смерть не трещина».

Август и Анна здесь. Они незримы для глаз, но мое сердце их чувствует и знает. Иначе как бы я смог рассказать вам о том, что с ними произошло.

ВОЗВРАЩЕННЫЙ СОН

В стране светлых холмов много лет никто не смеялся. Наследница престола, принцесса Ольвис, с детских лет была поражена тяжелой болезнью. Врачи и кудесники, астрологи и чернокнижники отступились от нее, предрекая ей неизбежную смерть.

Потому долгий траур царил в королевстве, хотя принцесса еще жила. День и ночь около постели ее дежурили сиделки и близкие придворные, а последнее время сам король и королева поочередно проводили ночи в покоях

дочери. Слезы отчаяния душили родителей, когда они видели страдания дочери и ничем не могли облегчить их.

Странная болезнь терзала несчастную принцессу. Стоило ей сомкнуть глаза, как она попадала под власть каких-то чар. Безумным казалось окружающим ее поведение. Она с кем-то разговаривала, смеялась, плакала, могла внезапно вскочить и бежать по дворцу и крепкие замки не останавливали и двери сами распахивались так, что никто не мог угнаться за ней.

Самое ужасное, что неведомые силы в это время вливались в нее, крепкие замки не останавливались, двери сами распахивались перед ней, открывая путь к высоким дворцовым башням. И она взбегала по крутым лестницам и вдруг оказывалась на скользкой черепичной кровле. По узким карнизам, острым конькам крыш, на высоте, где от одного взгляда кружится голова, ступала тоненькая фигура принцессы, а у слуг и придворных в ужасе замирало сердце. Никто не мог последовать за ней и остановить ее смертельно опасный бег.

Некоторые приближенные рассказывали, что видели, как пару раз Ольвис срывалась с башни и падала вниз, однако, невероятное стечние обстоятельств или удача не давали ей разбиться.

То ветви деревьев подхватывали ее на лету, то кусты и трава. Но иные утверждали, чудо не в случайности, а в том, что во время сна принцесса лишалась веса и становилась подобной пушинке. Потому многие при дворе за глаза называли ее Пушинкой. Тем не менее, ни на что не надеяясь, но пытаясь сохранить недолгие дни, ее окружили неусыпной заботой и подле Ольвис поочередно должен был кто-нибудь находиться. Хотя принцесса таяла на глазах и лицо ее едва выделялось среди белоснежных подушек и простыней, Дух, вселявшийся в нее во время сна, мог унести ее далеко. Принцесса и сама говорила, что не хочет, чтобы родители видели ее смерть и потому незримо улетит в последний день в страну, где не будет печали. Да, с некоторых пор Ольвис страдала от своей не столько болезни, сколько от переживаний своих близких. Их еле сдерживаемые слезы и беззвучное рыдание надрывали ей душу.

Лучше всего принцессе было, когда подле нее оказывался юный паж Та-мин. Он знал много песен и сказок, и мог без конца развлекать ее. Но вот однажды случилось неизбежное. Король и Королева пришли утром в комнату дочери, и постель ее оказалась пуста, а паж, свернувшись клубочком, спал в огромном кресле у изголовья. Горе и гнев ослепили короля, хотя он сам ни Разу не смог удержаться от сна, когда дежурил около дочери. «Схватить его и заковать в цепи», — закричал он слугам. Но, когда Тамин открыл глаза и увидел, что Ольвис исчезла, его сердце не выдержало тяжести испытания и остановилось.

И, конечно, принцессу нигде не нашли, как не искали, лишь белое облачко долго висело весь этот печальный день над дворцом, пока вечерний ветер не унес его к горизонту вслед за уходящим солнцем.

Странная смерть принцессы остановила после себя какие-то надежды.

«Она не простила со мной и это знак того, что я еще встречу ее!» — сказала королева.

«Она не могла раствориться в воздухе и я не пожалею ничего, даже своей жизни, чтобы вернуть ее!» — заявил король.

Да, пока принцесса болела, все понимали неизбежность и тайно ждали ее смерть, а когда она умерла, никто не захотел поверить в это. В комнату принцессы принесли живые цветы и ее любимые вещи, день и ночь там горели канделябры, а у дверей стояла празднично одетая стража, чтобы встретить Ольвис, когда она соизволит вернуться в свои покои. Народу же вообще никто из придворных не смел сообщить, что наследницы престола больше не существует.

Снова и снова король обращался к различным чародеям с просьбой помочь ему, суля несметные богатства. Никто не брался за дело. Лишь однажды король получил странный совет от астролога: обратиться к Единорогу. Это волшебное животное обладает великими силами, но подчиняется лишь невинным девам. Кроме того, оно любит драгоценные камни и особенно опалы, которые по цвету сходны с их глазами. Здесь в окрестностях столицы, в горах, охотники встречали единорога и о нем до сих пор слагают песни менестрели.

Можно попробовать найти и испытать его силы. Безумная надежда вспыхнула в душе короля. Он вспомнил, что в его сокровищнице хранился старинный опал, который привез из похода на Восток его воинственный прадед.

Драгоценный камень держали в специальной кладовой, где стояли золотые курильницы, с постоянно горящим огнем и, где был из-под земли холодный ключ.

Придворные дважды в год из подвалов выносили опал на свет лунных лучей и утверждали, что камень из раза в раз вырастает в размерах. Оставалось найти юную, невинную деву, что вместе с опалом приманила бы Единорога своей песней. Не желая никому доверить этого дела, король сменил платье и сам отправился на поиски. Долго пришлось ему бродить по собственному городу, пока наконец, однажды вечером из окошек неказистого дома он не услышал тонкий, дрожащий голосок, поющий незатейливую песенку.

Король вошел в дом, и его сердце сжалось от вида нищеты, царившей вокруг. В доме жила сирота, потерявшая родителей, и соседи изредка делились с ней своей едой. Но самое печальное, что девочка была больна и не надо было обращаться к врачам, чтобы понять, как мало дней жизни ей оставалось. Однако при появлении гостя, улыбка осветила ее лицо и не оставила и следа печали.

Она смотрела на короля с такой добротой и сочувствием, что он первый не выдержал и отвел глаза.

В самом деле, он почувствовал, что этот ребенок скорее сам готов утешить его, чем принимать жалость.

Память о судьбе дочери заставила короля глотать слезы.

— Ты живешь здесь одна и ничего не боишься? — спросил он.

— Нет. Ничего. Днем у меня есть солнышко, а ночью луна и звезды, и они защищают меня от мрака.

— Скажи, — продолжал король. — Есть ли в твоей жизни какое-нибудь желание, которое не исполнилось?

— Я всем довольна, хотя в трудные минуты, мне казалось, что лучше бы родиться принцессой, носить красивые платья, танцевать и жить во дворце и сделать счастливыми много, много людей, которые разделили бы мою радость.

Король от души улыбнулся: «Засни скорей и завтра твое желание исполнится».

— Вы, разве волшебник? — спросила девочка

— Нет, но мы с тобой должны его найти!

Утром Арджейл, как звали девочку, проснулась во дворце, в комнате принцессы, и придворные склонялись в поклоне, обращаясь к ней. «Мой бедный король, — сказала королева. — Вы, верно помешались от горя, если решили пережить заново еще одну смерть». Король не ответил, но вновь весь двор стал служить новой принцессе, угадывал каждое ее желание, и проводя бессонные ночи у ее ложа. И никто не роптал. Чувство тайной вины владело королем и его приближенными. Каждый мог упрекнуть себя в нерадивости. Они засыпали в ночи своего дежурства у постели Ольвис, пока однажды ни проспали ее конец. Теперь, рядом с Арджейл, им давалась возможность искупить свой грех перед исчезнувшей принцессой.

И, конечно, мало кто понимал, что Арджейл, внезапно попав в сказочный дворец, потеряла сон. Присутствие короля и королевы, придворных и слуг стесняли ее и мешали уснуть. Ее силы быстро таяли. Тем не менее, она оставалась ласковой и радостной, а главное, она так искренне и заразительно восхищалась красотой, что возить ее по бесчисленным комнатам, показывать и рассказывать о портретах, скульптуре, об истории страны было удовольствием для каждого. Правда это омрачалось часто мыслями о болезни, но Арджейл, словно угадывая настроение, тут же начинала петь, аккомпанируя себе на маленькой арфе и, казалось, что счастье вновь вернулось во дворец.

Но вот пришли, дни, когда состояние Арджейл стало быстро ухудшаться. КОРОЛЬ не отходил от нее ни на шаг. Как-то, в ночь полнолуния, он отоспал придворных за драгоценным опалом и сам вынес Арджейл в парк. Девочка ничего не спрашивала у короля, но как будто все понимала.

— Мы будем звать волшебника — сказал король. — Спой песню, Арджейл!

Губы ее задрожали.

— У меня нет сил, — отвечала она. — Но может, если я прикоснусь к опалу, они вернутся.

Король наклонился над сверкающим, как радуга, камнем, алые, голубые, зеленые лучи поплыли волнами в воздухе, чаруя глаза.

Арджеил была на его руках, и он уже чувствовал усталость, но стоило ей дотронуться до драгоценного опала, как она потеряла вес. Еще мгновение и, как пушинка, она взлетела в воздух и затанцевала над садом. Линущий голосок нарушил тишину ночи, и дивная песня понеслась над деревьями к лестным холмам, рождая эхо.

Время остановилось, а затем, рядом с опалом, как сказочное видение появилось прекрасное белоснежное животное. Казалось, это был благороднейший, тонконогий конь, отлитый из серебра, с золотистой длинной гривой до самой земли, но во лбу его торчал белоснежный витой рог, а из-под него смотрели огромные глубокие, человеческие глаза. В них читался немой вопрос.

Арджеил приблизилась и обняла единорога за гибкую шею.

— Я умираю, добрый волшебник, и хотела бы обратиться к тебе с последней просьбой. Если можно верни дочь этому добром королю. Пусть моя жизнь послужит выкупом за нее!

Король похолодел: ни он, ни кто-либо из приближенных не рассказывали девочке о принцессе Ольвис и о совете астролога. Единорог не шевельнулся, но взгляд его устремился к королю. Отчаянье ледяным дождем хлынуло в душу владыки. Он и сам не представлял, как привязался к этому несчастному ребенку, повторявшему судьбу его дочери. «Нет, — прошептал он Единорогу. — Возьми все. Возьми опал и мою жизнь, но оставь эту девочку на земле».

И то, что случилось позднее, казалось чудом. Откуда-то приплыли темные тучи. Одна из них сгустилась до каменной плотности, превращаясь в черного всадника с длинным копьем. Единорог ринулся навстречу. Они ошиблись и загремел гром. Забрало слетело с черного рыцаря и открылось древнее, старушечье лицо с глубоким провалом пустых глазниц. И не было сомнений, что это сама Смерть! Снова помчались друг к другу Единорог и всадница. Сверкнула молния и старуха покатилась по земле. Буря бешеным скакуном взвилась и унеслась прочь. Арджеил бросилась к черной фигуре, ползвшей в пыли. Еще мгновение и, вместо мерзкой старухи, из травы встала принцесса Ольвис. Благородный Единорог топнул копытом и исчез. Однако в ушах короля остались слова, произнесенные неизвестно кем: «Из незримой страны можно вернуть лишь прожитую жизнь и это будет бесконечно повторяемое прошлое, но ты просил об этом и твоя дочь будет с тобой все твои дни. Что касается Арджеил, то она наполнит собой твое будущее, ибо ты отвернулся от настоящего и отказался принять потерю. Своей волей ты избрал свою судьбу и пусть душа твоя извлечет урок — заслоняясь от потери, ты не даешь места приобретению. Иллюзии и мечты станут твоим уделом, о, человек, застывший меж прошлым и будущим и лишенный настоящего».

Он не роптал... И странная жизнь пришла во дворец короля. В течение дня принцессой Пушинкой в дворцовых покоях являлась Арджеил и ее песни звали короля к добру и красоте, но лишь наступала ночь ее мест занимала Ольвис.

И снова король становился на стражу возле своей дочери. Он уже не спал и видел, как она защищает его от всех, кому он был должен, или кто пришел ему отомстить — будь то срубленный лес, иль поверженный враг, раненое на охоте животное или обиженный крестьянин. Своей жизнью платила принцесса за жизнь отца. Был ли счастлив король, трудно сказать. Так же королева и двор и обе принцессы...

Впрочем, дважды в году этой стране возвращались гармония и радость. В эти дни с холмов спускался волшебный Единорог и из сокровищницы выносили драгоценный опал.

ИВОВАЯ АЛЛЕЯ

В самом конце огромного парка, окружающего опустевший дворец, находилась старая ивовая аллея. Изящным полукругом она завершала границу королевских угодий. Сохранившие стройность бурые стволы все свое великолепие подняли к небу.

Серебристые уборы ветвей тянулись к земле лишь затем чтобы осенить ее, но любой ветерок тот час взметал их вверх.

В легких сумерках вся аллея удивительно напоминала разнаряженных в зеленовато-серебристые платья дам. Ровными парами они замерли, прислушиваясь, не прозвучит ли музыка, чтобы двинуться в торжественном танце к горящему огнями, далекому дворцу.

Так радостно это ожидание, так грациозны движения рук-ветвей, нескромно приподнявших полы нарядов... И пленительные улыбки, и легкий, чуть слышный смех так и витают в аллее...

Но заходит солнце, так и не долетела мелодия из роскошных зал старинного дворца... только несется над парком тягуче-унылый звон колокола. И вместе с его траурными ударами медленно скользит по аллее одинокая тень. Тяжело опираясь на палку, бредет она, в глубокой задумчивости, от начала аллеи и до конца и путь ее освещает одинокий фонарь. Он словно плывет по воздуху, потому что ни фигуры человека, ни руки его не видно.

Деревья трепещут, чувствуя и узнавая его. Длинные листья тянутся, чтобы коснуться тени, но безуспешны их попытки. В пустоте они не находят ничего и, как слепые, ощупывают тонкими пальцами самих себя. Тогда из этих касаний рождается тихий плач деревьев... верно потому, ни одна птица не гнездится в ивой аллее. Верно потому, старыми легендами овеян парк. Может и стоит заглянуть в одно из воспоминаний, хранимых деревьями.

У одного могущественного государя было два сына. Они так походили друг на друга, что даже родители порой не могли их различить. Правда, когда они подросли, все затруднения сами пропали.

Один принц, по имени Кир, обладал очень твердым и сильным характером, и терпеть не мог никаких советов или просьб. Что бы ему ни предложили, он, не задумываясь, тут же отвечал отказом. Объяснений ждать не приходилось и принц, гордо вскинув голову, устремлялся прочь.

Второй принц, которого звали Кэй, напротив, отличался покладистым нравом, с детства привык к послушанию и буквально со всеми соглашался. Никто из придворных не мог вспомнить и одного случая, когда бы ему было отказано в просьбе.

Итак, зная определенно, чего ожидать от принца «Нет» и от принца «Да», можно было на встречу с иностранными послами направлять либо одного, либо другого. Результат всегда предугадывали безошибочно.

Пришло время совершеннолетия и король решил разделить свое огромное государство на три части. В одной он решил оставаться сам, а другие отдать наследникам.

Призвав сыновей, он обратился к ним:

— Я хочу, чтоб Вы разделили со мной престол и взяли на себя заботы о западной и восточной областях королевства...

— «Нет» — немедленно ответил Кир.

— «Да!» — произнес Кэй.

Отец благосклонно кивнул Кэю и обернулся к упрямцу.

— Что ж, — сказал он, не могу Вас неволить, однако и менять свои решения не собираюсь. Вы женитесь, и ваша супруга будет править в стране, а Вы останетесь при ней принцем-консортом!

Кир, разъяренный беседой с королем, поклялся, что женится на первой встречной даме, которая попадется ему при выходе из дворца. Как раз, навстречу принцам, в ворота въезжала карета юной фрейлины. Ее звали Нэйс и она была уже обручена с одним отважным кавалером. Это обстоятельство ничуть не смущило Кира. Он остановил карету и, приклонив колено, просил у дамы ее руки. Фрейлина пришла в замешательство и лишилась дара речи. В это же время ее поклонник нагнал карету. Разобравшись в ситуации, он вежливо попытался объяснить принцу, что Нэйс уже обручена с ним. «Нет!» — отвечал Кир и выхватил шпагу. Кэй пытался остановить их, но напрасно через пару минут тяжело раненый кавалер упал на землю, а даму в обмороке увезли обратно домой. На ее пальце красовалось кольцо принца Кира, которое он насилино надел ей на руку. Вначале король хотел вмешаться в это дело, но затем решил, что дешевле будет избавиться от бешенного нрава своего сына, хоть таким образом. Скандал не получил огласки.

Через неделю принц Кир женился и отбыл в отведенное ему владенье.

— Я Вас ненавижу! — сказала Нэйс после торжественной коронации.

— «Нет!» — ответил принц-консорт.

— Что ж, посмотрим, а пока я запрещаю Вам являться ко мне без зова, — заявила королева и указала ему на дверь.

Судьба Кэя сложилась тоже необычно. Поначалу поданные его были в восторге, получив щедрого короля, который будто забыл слово «нет» и не мог никому отказать в его просьбах. И никто даже не помышлял, что за добротой улыбки и участливым

взором прячется не самое счастливое сердце на свете. Поток, ждающих его милостей, не иссякал так быстро, как таяла казна и возможность молодого короля. Его совесть порой разрывалась на части, пытаясь осчастливить подданных, и при этом соблюсти границы этикета. «Король выше закона» — льстили ему приближенные, но ему не становилось легче.

В самом деле, на каждом шагу Кэя ждали искушения, с которыми не так легко было справиться. Начать хотя бы с того, что он был хорош собой и наделен многими талантами.

Он сочинял стихи и песни, отлично рисовал, но главное его украшал артистический дар.

Он мог легко прочесть в душе собеседника, что тот хотел бы видеть. И тут же с поразительной достоверностью являл в себе этот образ.

И вот одни, общаясь с королем, видели в нем могучего владыку, защитника слабых и опору добродетельных, другие встречали в нем остроумного собеседника и тонкого дипломата, третьи — славного добряка, которому так приятно излить душу, четвертые находили увлеченного поклонника красоты и так далее.

И, конечно же, самые восторженные чувства он вызывал у дам.

Наверное, благодаря их пылкости с одновременным стремлением соблюсти женскую скромность и целомудрие, король, едва взойдя на престол, уже был окружен репутацией опасного сердцееда, против которого не может устоять ни одно сердце. Однако, кто бы знал истину? Нужен ли был ему бесконечный хоровод красавиц, ищущих его общества, желающих быть изображенными на его портретах, воспетыми в его стихах, одаренными его вниманием и изысканными сюрпризами?

Немногие могли догадаться, что имеют дело не с пресыщенным искателем наслаждений, но с послушным, слабым мальчиком, робеющим поступать не так, как от него ждут, боящимся кого-либо оттолкнуть или обидеть. Быть может это смешно, но Кэй порой стеснялся своего сана и власти. И вот, скрытый актерскими масками, он играл бесчисленные роли, которые ему навязывали окружающие. Более того, Кэй сделался невольной добычей, за которой устремились на охоту чуть ли не все дамы его королевства.

Вход шли самые необычные ухищрения, причем прекрасные охотницы, словно сговорившись, забывали о ревности и соперничестве, ибо каждая желала быть отмеченной его вниманием и дарами.

И вот на лесной прогулке, одна из дам вдруг падала в обморок и, испуганный король должен был доставлять несчастную в ближайший охотничий домик.

Случайно ли, но свита оказывалась где-то в другом месте и королю приходилось вначале собственоручно приводить красавицу в чувство, а затем выслушивать признания в любви, вкупе с упреками в жестокосердии. В конце бурных сцен Кэю предлагался выбор, подарить несчастной жизнь или стать свидетелем ее смерти. Кольцо с ядом или острый кинжал сжимали уже не дрожащие и слабые руки, и король видел это...

Иной раз горячие просьбы усаживали Кэя за мольберт или заставляли взяться за арфу. Однако краски, стихи, музыка не тушили, а скорее раздували огонь любви, и тайны сердца изливались на короля столь обильно, что он переставал понимать не только других, но и самого себя. И, тем не менее, проклятая привычка не давала ему возможность сказать «нет».

Воображение тут же рисовало ему кровавые развязки отчаявшихся получить его благосклонность.

Ужасно было и то, что весь двор устраивала его холостяцкая жизнь. Таким образом он, принадлежал не себе, а всему двору и королевству.

Но однажды весной, на пышном балу, где лица гостей были скрыты под масками, король встретил прелестную даму. Нижняя часть ее лица была скрыта шарфом. Она была обряжена индийской баядеркой и ее танец, как и угадываемая изысканная внешность, заставили сердце Кэя затрепетать. Как странно, незнакомка не смотрела на него с восторженной преданностью или затаенным вызовом. Глаза ее были печальны и строги, хотя она без сомнений узнала в нем короля.

Впервые его артистизм оступился, он застеснялся своей жизни, самого себя. Он не мог понять ее отношение, он не слышал в ней отклика своим пробудившимся чувствам.

Она же ушла, а он даже не узнал ее имени. Снова и снова устраивал маскарады король, дама являлась во дворец и танцевала, не открывая ни своего лица, ни имени, ни происхождения. Молча она выслушивала восторги короля, его стихи, песни, принимала драгоценные украшения из его рук, но ни разу не подарила ему даже улыбки.

Бедного Кэя все больше околдовывала тайна, он считал незнакомку неземной феей и буквально боготворил ее.

Дело дошло до того, что весь двор вознегодовал против поведения короля и странной незнакомки, которую многие сочли за злую колдунью.

Открыть глаза Кэю не представлялось возможным. Он готов был согласиться со всеми доводами, но лишь появлялась незнакомка, он принадлежал только ей. В конце концов составился заговор. Во время очередного праздника, когда король и таинственная гостья уединились в беседке, их окружили. Как раз в этот момент Кэй предложил своей даме сердце и корону. Заговорщики вышли из темноты и наложили оковы на руки короля. Тут же даму заставили снять маску и объяснить, кто она. Открытие истины ошеломило, пожалуй, всех присутствующих. Это оказалась Нэйс, королева Западной страны и жена принца-консорта Кира.

Никто не осмелился стать на ее пути или задержать ее.

Она ушла, а Кэя отвели в тюрьму. Предлагать корону жене своего брата, королеве другой страны? Это имело лишь одно обозначение — измена. Суд присовокупил к обвинению пустую казну, розданную самим же придворным, и легкомыслie владыки ведущее не к завоеванием, не к свершению великих дел, но к служению любви. Пока король угождал всем и каждому, он был приемлем, но попытка стать самим собой, оказалась для него смертельной. Он был приговорен к казни. Мужчины торжествовали, а дамы не смели перечить или высказывать сочувствие осужденному.

И странно, никто не верил, что эта игра, затеянная самими придворными, закончится так трагично для самого щедрого и благородного из игроков. В самом деле, в этом спектакле король был не виновником, а жертвой. Но остановить финал уже не смог никто.

Даже королева Нэйс, прискакавшая на казнь во главе отряда отборных рыцарей. Увы, они опоздали всего на минуту. Палач уже опустил свой меч.

Схватив голову Кэя, королева завернула ее в золотую парчу и исчезла среди облака пыли.

Тело короля погребли в парке у подножия старой ивы с серебристыми листьями. Вскоре страну присоединили к Западному королевству и под властью Нэйс и принца-консорта никто без слез не мог вспомнить блаженное время правления Кэя. В самом деле, ссора царствующих супругов отражалась на жизни всей страны. Суровость отношений, подозрительность не давали поводов для праздников.

Принц Кир, фактически удаленный от двора, вел отнюдь не веселое существование. Противоречи всем окружающим, он привел себя почти к полному одиночеству. Его попытки завести друзей были безуспешными. Он понимал, что ему подчиняются, не соглашаясь с ним, и страдал, не находя ни в ком сочувствия. Лишенный общества королевы, Кир хотел найти себе возлюбленную среди придворных дам, однако его упрямство толкало выбирать именно тех, у кого он не вызывал абсолютно никаких чувств.

Одни откровенно смеялись над ним, другие боялись гнева королевы, третьи не выносили его заносчивости.

Несколько больше Киру везло в воинских делах. Он же раз доказывал свою доблесть в поединках, но славу его развенчивали соперники. Они утверждали, что поддавались ему на дуэлях, так как понимали, что жизнь принца, даже консорта стоит достаточно дорого.

Тем не менее, в войне с соседними странами принц выказал себя с самых лучших сторон, хотя его вечная склонность к противоречию едва не губила все дело.

В конце концов, Кир сдружился с дорогой. День и ночь он мог странствовать по разным закоулкам своей и чужих стран и лишь конь и пара проворных собак разделяли его общество.

Меж тем прошло немного времени со дня смерти Кэя, как Западную страну облетело известие, что в парке, окружающем дворец, появился призрак.

Старая служанка, оставшаяся в бывшем королевском дворце, видела в сумерки фигуру короля, который бродил по парку, неся в руках какой-то узел, завернутый в золотую парчу.

Потом одна из дам подтвердила, что Кэй возвращается к своему жилищу. Можно было бы заподозрить ее в фантазии, однако, то, что случилось с ней заставляло предположить иное. Впавшая в тоску после казни Кэя, красавица вдруг ожила, как засыхающий цветок, поливший ключевой водой. Впрочем, эта встреча с королем стоила ей слишком дорого — она внезапно умерла. Исполняя последнюю волю умерший, ее

погребли в парке, вблизи от могилы ее возлюбленного. Вместо пышного надгробия на месте погребения посадили плакучую иву.

Но история тем не кончилась и вскоре вторая дама сообщила, что казненный король вернулся к ней. Всем было понятно, что встреча с покойником означает скорую смерть и конечно финал оказался тем же. Еще одна ива украсила парк. А страшное поветрие продолжалось.

Одна за другой бывшие возлюбленные короля уходили в парк, где уже расположилась целая аллея из серебристых плакучих ив.

Узнав о происходящем, королева решила сама разобраться во всем. Тайно прибыла она в Западную страну и к вечеру, скрыв лицо глубоким капюшоном, отправилась в парк опустевшего дворца. Сырой ветер пронизывал ее насквозь, низкие облака стлались над землей, погоняемые полной луной.

В конце длинной ивой аллеи ее ждала высокая фигура, запутанная в плащ. Королева затрепетала, но звуки арфы внезапно нарушили тишину. Призрак пел, и голос его чаровал, сливаясь с лунным светом и шепотами ночи. Все ближе сходились они, пока сильные руки не обняли королеву.

«Я Вас люблю» — прошептал знакомый голос.

Нэйс отбросила капюшон.

— И вы готовы разделить со мной трон? — спросила она.

— Нет, — хотел проговорить незнакомец, но что-то вдруг сломалось в нем.

— Да! — произнес он. — Тысячу раз «Да» — в его глазах не было больше ни гордости, ни холода.

Принц-конsort стал королем.

Глава 4. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

Истории, приведенные в этой главе, важны для гармонизации взаимоотношений человека и Природы.

Сегодня все чаще приходится слышать о неблагоприятной экологической обстановке, кризисе, катаклизмах. Что мы оставляем в наследство своим детям? Тенденция к потреблению все ближе подводит нас к разрушению того мира, в котором мы живем. С болью приходится видеть, как некоторые дети, подражая взрослым, БЕЗДУМНО рвут цветы и листья, оставляют после себя мусор на берегу озера, забывают тушить костер. Сегодня особенно важно развивать более осмысленное отношение к окружающему миру, к Природе, к живому. Тем более, что именно мир природы, точнее мир природных стихий, является местом обитания множества чудесных волшебных созданий — природных духов: эльфов, фей, русалок, гномов, троллей, домовых, саламандр и т. д.

Духи цветов, деревьев, камней — это не просто фантазии сказочника или мифологизмы. С деревьями и камнями связаны интереснейшие древние культуры. И

сегодня целительные свойства камней используются в литотерапии, а способность растений и деревьев взаимодействовать с энергиями человека широко обсуждается и используется в лечебной практике.

Так или иначе, но идея бережного отношения к природе в наши дни особенно актуальна. Экологические сказки помогут открыть способность души человека тонко чувствовать окружающий мир, стремиться к добру и Красоте. В таком контексте можно строить обсуждение этих историй.

ЦВЕТОК ЭЛЬФА

Жили-были в Санкт-Петербурге двое людей. Его звали Лед, а ее Диала. Он был садовник, а она музыкант. Лед любил музыку, особенно, когда ее исполняла Диала, а она любила цветы, особенно те, что вырастил Лед. Все было хорошо, пока однажды они не поссорились. Причина была пустяковая, но день оказался страшно неудачный для всех. Диала одна отправилась в Павловский парк, чтобы развеять настроение. Была осень, и среди травы и листьев она увидела незнакомые цветы. Они так нежно благоухали и словно сами просились в руки... Будь рядом Лед, Диала не поддалась бы искушению. Он всегда был против того, чтобы рвать цветы.

- Им может быть так же больно, как и нам, - говорил он. - К тому же мы не знаем их жизни. А вдруг у них есть дела поважнее, чем просто служить нам украшением?

Но Лед остался в городе, а досада на него заставила Диалу поступить по-своему. Она сорвала цветы и поспешила домой, так как собирались тучи. И надо же было, чтобы в одном из цветов сладко спал маленький эльф! Проснувшись он не сразу понял, где находится. Каково же было его отчаяние, когда он увидел! что попал в плен к людям. А ведь именно в этот день эльфы собирались улететь вместе с птицами в жаркие страны.

Возвращаться в парк было слишком далеко, да он и не смог бы найти дороги. К счастью, в дом пришел Лед и принес гладиолусы. Эльф кинулся к ним, чтобы утолить голод цветочным нектаром и немного успокоиться. Время шло. Последние листья облетели с деревьев. Диала была слишком занята, чтобы выезжать в парк, и только ее игра на рояле отвлекала эльфа от самых печальных мыслей. Ведь все реже Лед приносил цветы, их время проходило, и эльфу грозил бы настоящий голод, если бы не старый кактус, что жил на подоконнике. Приходилось питаться его горьким соком. Увы, столь однообразная диета заставила эльфа быстро осунуться. Он похудел, у него выросла зеленая борода, и странно испортился характер.

Всю долгую зиму эльф проклинал свою судьбу и негодовал на Диалу. Лед вызывал в нем более добрые чувства. Ведь он время от времени умудрялся приносить цветы, хотя за окном лежали сугробы и завывали вьюги. Наконец наступила весна. Эльф забрался в шляпку Диалы, когда она снова собралась в Павловск. Первая трава пробилась на поверхность, подснежники и одуванчики робко улыбались теплым солнечным лучам. Эльф радостно кинулся к знакомым дорожкам. В чашечках цветов он встретился с первыми эльфами, что вернулись в парк, но они едва узнали его.

- Что с тобой случилось? Ты превратился в старика и весь позеленел как кузнецик.

Бедняга Эльф расплакался и рассказал о своей несчастной судьбе. Увы, его история вызвала больше смеха, чем сочувствия.

- Ты получил хороший урок, - сказали ему эльфы. - Твоя лень и постоянное желание поспать наказаны судьбой. В следующий раз ты уж не будешь опаздывать к отлету. Ты сам виноват в своей участи.

Но Эльф не мог смириться с этим.

— Я-то лучше знаю, кто виноват, — пробормотал он, — и сумею наказать обидчицу.

Много волшебных растений в парке, а Эльф еще знал немало наговоров. И вот, когда Диала в очередной раз пришла в парк, кто-то колпнул ее в шею. Она хотела поднять руку, но вдруг превратилась в цветок. Это было ужасно — в одно мгновение потерять способность двигаться, говорить и, конечно же, играть, а последнее было для нее самой большой потерей. Ведь она так любила музыку! К счастью, в парке время от времени появлялись оркестры или бродячие музыканты. Они хоть немного утешали ее, Да, месть Эльфа удалась на славу. Бедный Лед много раз прибегал в парк и искал Диалу. Однажды взгляд его остановился на ней. Она задрожала от радости: вот сейчас он сорвет ее и увезет в город. Но он лишь вздохнул и пошел дальше. Не в его правилах было рвать цветы.

Зато нашлись другие люди, которые увидели прекрасный цветок и увезли в свой дом. Она стояла в вазе на старинном рояле, так напоминавшем ей собственный инструмент. Наступила ночь. Лунные лучи скользнули в комнату и коснулись Диалы. И вдруг она снова превратилась в человека. Забыв о всех горестях, она тотчас открыла рояль и стала играть. Мысли и чувства ее, стосковавшиеся по музыке, унесли ее так далеко, что она и не заметила, что пришло утро. И тут снова ей вернулся образ цветка, и она застыла в вазе.

Люди с тревогой вошли в комнату, где она стояла. Они слышали ее игру и думали, что их посетило привидение. Тем временем цветы, которые стояли с ней рядом, завяли, и их выбросили. Как-то к хозяйке пришли гости, и один из них сыграл на рояле какой-то экспромт, В награду ему подарили цветок Диалу.

— Вы заслужили цветок, который не вяннет, как и ваш талант! — сказала хозяйка.

Молодой человек принес Диалу к себе, но забыл поставить в воду. Если бы не лунные лучи, она бы погибла. Но вновь они превратили ее в человека. Она вдоволь напилась воды и задумалась о том, что же ей делать? В любой момент она могла превратиться в цветок и стать пустой забавой в руках людей. А их небрежность может стоить ей жизни. В комнату вошел молодой человек и, увидев незнакомку, очень удивился. Впрочем, ей не пришлось ему объяснять свое фантастическое появление в доме. Она была так прекрасна! Грация цветка сохранилась в ней, несмотря на перемену образа. К тому же она сама была музыкантом. Ночь быстро пролетела за игрой на рояле. Под утро Диала воспользовавшись моментом, нашла небольшую вазу, наполнила ее водой и взяла в руки. Молодой человек на минуту вышел, а когда вернулся, Диалы уже не было. Лишь цветок, подаренный ему, стоял в вазе на рояле.

Рассеянность его или иные обстоятельства, но Диала стала путешествовать из дома в дом, из одних рук в другие. В нее влюблялись, ее пугались, она поселяла слухи самые невероятные. Весь город гудел о призраках, о музыке, звучавшей в доме, где не было людей, о цветке, который не вяннет и приносит счастье. И лишь один человек понял, что происходит. Это, конечно же, был Лед. Дни и ночи бродил он по городу, пытаясь отыскать следы Диалы. Диала много раз приходила к его дому, когда ей возвращался

человеческий облик, но не могла его застать. И, наконец, Лед нашел дорогу к королеве эльфов.

— Я вырастил столько цветов для вас и ваших подданных, не могли бы вы мне помочь отыскать невянущий цветок, который еще обладает музыкальным даром?

— Кажется, я слышала о таком, что недавно появился в нашем королевстве, — ответила она. — Но что за выкуп ты готов заплатить за него?

— Все, что вы пожелаете! — ответил Лед.

— И ты даже готов разделить судьбу его и самому стать эльфом этого цветка, которому будешь служить вечно?

— Да! — ответил Лед.

И она превратила его в эльфа. Теперь-то он мог отыскать Диалу. Никакие стены и двери не были ему препятствием, если за ними находились цветы. А он еще чувствовал аромат Диалы, который вел его по следу. Но еще прежде, чем они встретились, лед столкнулся с обиженным Эльфом, который превратил Диалу в цветок. Тот притаился за окном большого старого дома, откуда раздавались звуки рояля.

— Тебе нравится игра Диалы? — спросил Лед.

— О да, конечно. Она так волнует мое сердце. Ведь ты знаешь, мы умеем только петь, и наши голоса так тонки, а здесь можно услышать весь мир, я даже думаю, что я не наказал эту девушку, а наградил, превратив ее в цветок, теперь она знает столько песен растений и эльфов.

— Но чтобы она могла играть, она должна вернуться в мир людей, — сказал Лед.

— Я думаю, она не захочет сама, — ответил Эльф.

— Так ты и сможешь наказать ее тем, что сделаешь то, чего она не хочет, — продолжил Лед.

— Пожалуй, что и так, — согласился Эльф.

— Так лети за своей волшебной травой и быстрой возвращайся.

Эльф улетел, а Лед проник в комнату. Темное облако заслонило луну, и вместо Диалы на клавиши упал белый цветок. Лед схватил его и прижал к груди. В то же мгновение они превратились в людей.

— Стойте! Я еще не успел расколдовать ее! — крикнул Эльф, появляясь в окне.

— У них свое колдовство, с которым нам не справиться, да и стоит ли пытаться, если это колдовство называется любовью, — ответил ему голос королевы эльфов.

ДЕРЕВЬЯ

Около старого покосившегося дома рос клен. В доме жила девочка по имени Твилла. Ее родители были бедны и не могли покупать ей игрушки, зато она дружила с настоящим большим деревом и считала себя самой богатой и счастливой на свете. В самом деле, зимой на ветвях дерева звенели сосульки, весной распевали птицы, летом оно хранило тень и нашептывало таинственные истории, а осенью его золотая корона освещала дом не хуже праздничной елки. Однажды, когда родителей не было дома, из печки вылез маленький гном. — Пых-Пуф, — представился он Твилле, — сегодня день моего рождения, и ты можешь поздравить меня.

Твилла была ему очень рада, тем более что выглядел он очень забавно: с длинной бородой, которую он заправлял за пояс, с красным дымящимся носом и хлопающими ушами. А вся его голова была таких же размеров, как и горбатое крошечное тельце. Однако держался он очень важно и не выпускал изо рта трубки. Кроме того, его старинный бархатный камзолчик украшали блестящие золотые пуговицы. Твилла достала большое красное яблоко, которым угостила ее проезжавшая мимо придворная дама, и подарила его гному. Тот внимательно посмотрел на девочку и закивал головой:

— А скажи-ка мне, дитя мое, часто ли доводилось тебе пробовать такие вкусные яблоки?

— Нет, — призналась Твилла. — Я еще никогда их не ела.

— Ну что же. Твоя доброта заслуживает награды, — молвил гном. — Можешь высказать любое твое желание, и если я буду в силах, то исполню его.

— Я хочу понимать язык деревьев, — сказала девочка.

— У тебя чистое сердце и прекрасный выбор, — заявил Пых-Пуф. — Пусть будет по-твоему.

Он снова забрался в печку и превратился в огонь. Дров не было, но он великолепно горел и вскоре дом наполнился теплом.

— Прощай! — крикнул гном. — Но мы еще встретимся.

С тех пор Твилле стало жить еще интереснее. Она начала понимать язык деревьев, и ее друг Клен пел ей такие чудесные песни, каких она никогда не слышала.

Но холодной весной клен срубили. Твилла была в это время в гостях у своих родственников. Когда она вернулась и увидела вместо своего друга пень, отчаянию ее не было предела. Она плакала не переставая, день и ночь, и в конце концов заболела. Пых-Пуф явился ей на помощь. Он предлагал ей красивые золотые украшения с драгоценными камнями, но она была безутешна. Тогда он поклялся, что покажет ей места, где лежит уголь, чтобы люди могли не трогать живые деревья.

К счастью, на пеньке от клена осталась одна не срубленная веточка. Каждый день Твилла приходила к останкам своего друга и плакала. Но вот удивительно — вначале пень дал еще несколько веточек, а затем стал так быстро расти, что уже к осени превратился снова в небольшое деревце. Конечно же, Твилла помогала ему. Она вспоминала все песни, которые он ей пел, и пела ему, возвращая тот дар, который получила сама. Прошло несколько лет, и на месте пенька красовался могучий клен, совершенно такой же, каким был раньше. За это время и Твилла выросла тоже и

превратилась в очень милую девушку. Но самым чудесным оказались ее голос и ее песни. Из дальних мест приходили люди, чтобы послушать ее.

Просыпал о ней и Принц, правивший этой страной, и позвал ее ко двору. Дело в том, что с ранних лет Принц страдал бессонницей. Самые искусные музыканты и певцы собирались к нему, чтобы развлекать его долгие ночи, когда он не мог уснуть. И вот Твиллу ждали во дворце. Самое печальное, что надо было прощаться с кленом. «Не грусти! — прошептал ей друг, когда она обняла его. — Я приду к тебе».

Твилла не поверила, но когда она ночью стала петь Принцу колыбельные песни, кто-то слегка постучал в окно. Она обернулась и увидела, что за стеклом виднеются ветки ее друга клена. Твилла растворила окно. Ночная прохлада проникла в покой, и вместе с ней тихий шелест листвьев, за которым девушка слышала голос своего друга. Он подпевал ей. Удивительно, но впервые за много лет Принц уснул, и счастливая улыбка не сходила с его лица всю ночь. Наутро он с изумлением увидел под своими окнами клен.

— Откуда это дерево? — спросил он.

— Это мой клен, — ответила Твилла. — Я не могу обходиться без деревьев, а в вашем парке одни цветы.

— Я разрешаю вам переделать мой сад так, как вы считете нужным, — заявил Принц.
— Отныне вы будете носить сразу два титула: Главной Хранительницы Королевских снов и Главной Королевской садовницы.

Очень скоро вокруг дворца вырос чудесный парк. По зову клена из разных мест явились ко дворцу самые красивые деревья. Высокие сосны потянулись чуть ли не выше дворцовых башен, густые ели, березы, ивы выстроились в тенистые аллеи. Веселые ручейки зажурчали среди них. Гранитные валуны поместились на перекрестках дорог, словно каменные рыцари, несущие дозор. Принц был в восторге и не знал, как вознаградить Твиллу, зато придворные были очень недовольны.

— Откуда появилась эта высокочка без роду и племени? — говорили они, — Принц проводит время только с ней и скоро мы, так же, как музыканты, можем остаться без работы и без места.

А Принц уже подумывал, не сделать ли Твиллу своей невестой. Но ведь и в самом деле она не могла похвастаться знатностью. Вот если б она сама первой призналась в любви, он бы мог, не ущемляя своей гордости, великодушно предложить свою руку. И Принц тут же придумал, как подстроить для этого момента удобные обстоятельства. Он вызвал Твиллу и сказал:

— Милая Твилла, вы вернули мне сон и, значит, здоровье. Вы сделали мой парк таким красивым, что я не устаю гулять в нем. Ваши песни изменили мою жизнь, и я не мыслю обходиться без них. Теперь я хочу вознаградить вас и готов выполнить любое ваше желание. Сколь бы дерзким оно ни показалось, я буду счастлив его выполнить!

Твилла склонила голову и ответила:

— Добрый Принц! У меня есть заветная просьба. Пусть в королевстве перестанут рубить живые деревья!

Принц пришел в замешательство:

— Да, но чем же люди будут топить печи?

— Для этого есть хворост, а во-вторых, уголь. Мой старый друг по имени Пых-Пуф сказал мне как-то, что знает места, где целые залежи этого топлива.

— А как же строить дома?

— Из камня! — ответила Твилла.

Принц был недоволен, но, выполняя слово, созвал придворных на совет.

— Я хочу издать указ, запрещающий рубить деревья! — заявил он.

— Это немыслимо, Ваше Высочество! — воскликнули придворные. — Люди не поймут вас и взбунтуются.

— Но я дал слово Твилле и должен выполнить его.

«Ах, вот откуда идут интриги! — обрадовались придворные. — Ну что ж, посмотрим, что из этого получится». И они стали распускать про Твиллу слухи один страшнее другого. «Твилла — колдунья. Она очаровала Принца и хочет захватить престол», — говорили одни. «Твилла хочет отнять у народа леса и продавать ему какой-то уголь, чтобы наполнить свою казну», — твердили другие.

Не прошло и нескольких недель, как все королевство загудело от возмущения. Где-то срубили дерево, и в семье дровосека заболел ребенок. Где-то случился пожар... Кто-то на охоте стал рубить дерево для костра и поранил ногу. Все эти обычные случаи теперь получили иное объяснение. Во всем оказалась виновата колдунья Твилла. Гонцы один за другим спешили ко дворцу, рассказывая все новые происшествия.

Вскоре сам Принц усомнился в Твилле и поверил дружному хору придворных и мнению народа. Твиллу заключили в тюрьму и собирались предать сюровому суду за колдовство. Однако ночью деревья взломали железные решетки и освободили Твиллу. Утром изумленный Принц увидел за окном вместо парка изрытое поле.

В одну ночь все деревья парка ушли от него. И, конечно же, без Твиллы старая бессонница вновь вернулась к Принцу.

Что же касается Твиллы, то она печально вернулась к своему дому и не знала, что ей делать. Ведь вскоре за ней пустится погоня, да и жители страны постараются схватить ее.

— Не бойся ничего! — сказал ей Клен. — Деревья никого не пропустят к твоему дому. И не грусти о дворцовой жизни. Скоро будет праздник деревьев, и я приглашаю тебя на наш бал.

Твилла задумалась, как ей приготовиться к празднику. И снова появился Пых-Пуф:

— Что бы ты хотела, Твилла? Может, на этот раз украшения гномов тебе подойдут? К тому же я принес тебе платье из листьев, травы и цветов. Никакая парча и алый бархат,

шелка и атлас не сравнятся с золотом и багрянцем осенних листьев, с яркостью и пестротой георгинов и гладиолусов, хризантем и астр!

Да, платье было великолепным, и, надев его, Твилла превратилась в необыкновенное цветущее дерево. Вот это был подарок так подарок.

— Я боюсь, что мне не захочется снимать его! — воскликнула Твилла.

— Тогда ты сможешь оставаться навсегда деревом, — сказал гном.

— Я этого так хочу!

— Что ж, попробуй об этом попросить короля деревьев на осеннем балу, — посоветовал гном и опять спрятался в печку.

И вот наступил праздник. Среди гор в глубокой уютной долине собрались деревья. Тысячи цветов и красок слепили глаза. Налетел ветер, загремела музыка, запели деревья, и хоровод двинулся вокруг чудесного озера, посреди которого на островке стоял гигантский тысячелетний дуб. Громадная золотая корона, усыпанная драгоценностями, венчала его вершину. Твилла вдруг увидела, как среди стволов у деревьев проступают лица. Впервые в жизни она увидела глаза деревьев, и они были так глубоки и прекрасны, хотя во многих таилась печаль. Вот король Дуб подал знак Твилле, и она приблизилась к нему.

— О, ты прекрасное маленькое дерево! Я вижу тебя впервые, и ты танцуешь легче всех! Я различил твой голос в общем хоре, и с ним тоже никому не сравниться. Твой наряд богаче королевского, и в отличие от других у тебя не одна, а две ноги. Скажи мне, кто ты?

— Она из людей, Повелитель! Она наш друг. Она хотела запретить людям рубить деревья! — раздалось множество голосов.

— Тогда я рад приветствовать тебя! — возгласил Король. — Ответь мне, есть ли у тебя желание, которое я мог бы выполнить?

— Да, Ваше Величество! — сказала Твилла. — Я хотела бы навсегда оставаться среди деревьев!

— Никто не против? — спросил Король.

— Нет, — ответили деревья.

Но вдруг чей-то голос произнес:

— Я против!

И среди расступившейся толпы появился Принц.

— Эта девушка принадлежит человеческому племени и не может стать деревом.

— Почему же, если она этого хочет?

— Она в обиде на людей, но я пришел к ней просить прощения. К тому же я люблю ее и хочу, чтоб она стала моей женой и королевой страны!

— Да, но я могу ей предложить такую же честь — стать королевой деревьев! — заявил Король Дуб. — Пусть она выбирает сама!

Твилла склонила голову:

— Простите меня, Принц! И простите меня вы, мудрый Король деревьев! Я не создана быть властительницей. И я отказываюсь от чести принять вашу руку. Мой выбор иной. Я хочу остаться деревом, а мой избранник — это мой Клен. С ним я хочу быть вместе всю свою жизнь!

— Да будет так! — возгласил Король Дуб, и праздник продолжался.

А печальный Принц вернулся во дворец. Он изгнал злых придворных и велел заново посадить парк. Стражайшим указом всем жителям королевства запрещалось рубить деревья. Ведь дровосеки могли срубить Твиллу. А она послала Принцу последний свой привет — горсть воды из волшебного озера в причудливом древесном грибе. Вода никогда не иссыкала. И в ней можно было во всякое время увидеть, как в зеркале, отражение Твиллы. Она улыбалась, и от ее улыбки самые чудесные сновидения слетались к постели Принца. И он больше не нуждался ни в каких лекарствах.

ГИНГО

У излучины Рейна, нависая над водой, стоит древний замок Бойген. Тенис-тый парк с каштановыми и лиственничными аллеями примыкает к нему с востока. Крепостные стены и башни давно уже никому не угрожают, и вьющиеся розы, виноградные листья и плющ покрывают их живописным ковром. Множество цветов, птиц, бабочек придают замку праздничный вид, но все кажется, что прошлое не исчезло навсегда, что какие-то тайны хранятся в этих стенах.

Поэтам и музыкантам являются они в грезах, дети пытаются отгадать их, мечтами смутно чувствуя какую-то особую атмосферу замка. Что там? Какая жизнь, какой характер, кто задумал эти гармоничные башни над рекой, которые отвечают скорее красоте человеческой души, нежели воинским замыслам. И впрямь, изысканное убранство комнат, спокойная скульптура, мирные, светские пейзажи на старых картинах и гобеленах, — все здесь дышит какой-то детской чистотой и непосредственностью. Как декорации для игры, но не для жизни, встают перед глазами длинные галереи, сводчатые потолки, уютный ритм колонн, каминов, лепнин, узких окон. Во дворе, против капеллы, стоит большое старое дерево с каким-то удивительно пропорциональным рисунком листьев. Они напоминают то ли примитивную печать, то ли знак, который мог быть взят из карт Таро. Дерево явно не из этих краев, и его название подтверждает это: Гинго. Возможно, оно из Индии, и под одним из его предков сидел некогда благословенный Будда. Однако здесь, в замке, с ним связана совсем другая история.

Лет двести назад замком владел честолюбивый барон Вольфганг фон Моргенштерн. Была у него дочь Бригитта, которую он хотел выдать замуж за какого-нибудь знатного вельможу, если не за кого-нибудь из членов королевской семьи. Наверное, стоило на это надеяться. Чудный голос был у Бригитты, и не только поэты, но и простой люд прозвывал ее Лореллей. В самом деле, развлекая частых гостей, выходила на берег

девушка, и средь мрака ночи несся ее голос, будя окрестные леса и холмы. Звенели струны лютни, огни на башнях замка отражались в быстро текущей воде, и молчание восхищенных людей значило больше, чем крики одобрения. Долго никто не мог нарушить тишины после ее пения. Казалось, голос ее обращается к каждому с самым задушевным призывом. Не минуло еще совершеннолетие дочери барона, а уж женихи чуть не толпами осаждали Бойген. И никто не знал, что сердцем Бригитты уже владел юный садовник. Для него пела девушка, не смея подать ему иной знак. Чем он пленил ее, трудно сказать. Дороги любви никому неведомы. Известно лишь, что цветы, выращенные садовником, дурманили головы сильнее иного вина и красоте их не было равных. А главное, что дерево Гинго он привез и посадил в замке. Только могло ли это помочь ему? Для барона он со всем своим искусством и талера не стоил. И как только зоркие глаза донесли вести о душевной склонности Бригитты, в тот же день изгнали садовника из замка с угрозой лишить его жизни, если он осмелится показаться вблизи Бойгена.

Однако поздно спохватился барон. У Бригитты под сердцем уже жило дитя этой несчастной любви. Судьба, однако, поначалу хранила бедную женщину. Барон отправился в поход и целый год отсутствовал.

А Бригитта, оказавшись больной, почти не выходила днем из своих покоев. Появился на свет мальчик, и прятала его дочь барона в домике садовника, где поселились преданные ей слуги. Только долго ли можно было хранить эту тайну? Опять дошли до барона смутные слухи. Велел он обыскать весь замок и уничтожить младенца, если его обнаружат. Крутой нрав был у него, и никто не осмелился бы его послушаться. В ужасе металась в запертой комнате молодая мать.

Только под утро узнала от слуг своих, что они, дрожа за жизнь, отнесли младенца под дерево Гинго, посаженое отцом его, и там оставили. Меж тем воины барона никого не нашли. Малым, но утешением было это известие для Бригитты. Сердце ее подсказывало, что чья-то сердобольная душа подобрала и спрятала ребенка.

Тем временем спешил барон выдать дочь замуж. Вскоре сыграли свадьбу с одним из тех, кого выбрал барон. Но не было счастья в семье, и детьми больше не наградил Бог Бригитту. Пыталась она найти исчезнувшего сына, которого даже окрестить не успела, но напрасно. Лишь лет семь-десять спустя встретила она ночью мальчика. Сидел он под деревом и смотрел на освещенные окна замка. Обратилась к нему Бригитта с вопросом: «Чей ты?» А ребенок лишь улыбнулся и ничего не ответил ей. Полночи провела с ним дочь барона, а как светать стало — ребенок исчез. Снова и снова искала Бригитта мальчика, но он появлялся лишь вочные часы, да и то лишь слушал ее, а потом исчезал. То ли сильное потрясение, то ли просто лихая болезнь, но вскоре сошла в могилу дочь барона, и лишь память о себе оставила.

А обитатели замка стали встречать вочные часы юношу. Чудные глаза его словно завораживали, и не было в них угрозы или мрака, что встречают у привидений. Только улыбался он и мимо проходил.

Решили люди, что безумен юноша, тем более что не отвечал он ни на какие вопросы, хоть и не был похож на глухонемого.

Прошло сто лет со смерти Бригитты. Новые владельцы жили в замке. И, словно повторяя историю, у хозяина замка появилась дочь, которую назвали Бригиттой. Чудный голос ее чаровал людей, и хотя никого уже не оставалось в живых, кто бы

лично знал дочь барона Вольфганга, тем не менее память о ней вновь взбудоражила умы.

Случилось так, что встретилась Бригитта-вторая с юношой из-под дерева Гинго и полюбила его. Видно, жил он в другом времени, потому что, как и прежде, сохранил он свою молодость и красоту. Впервые заговорил юноша с Бригиттой, но голос его был похож на шепот листьев. Может, потому прозвала его Бригитта «Гинго». Ночи напролет бродила эта пара по замку, и лица их были счастливее всех, кто попадался им навстречу. Утром же исчезал Гинго, а Бригитта возвращалась в свои покои. Подчиняясь обстоятельствам, девушка стала вести ночную жизнь. Только тесно ей показалось в замке, и стала она уговаривать Гинго отправиться по окрестностям на лошадях. Долго не соглашался юноша, но она упросила его. И в лунные ночи скакали они по берегам Рейна. Бригитта пела, а Гинго внимал ей с радостной улыбкой. Однако стоило побледнеть звездам, и они летели во весь опор назад к Бойгену. Таково было условие, которое поставил Гинго. Долго не могла понять Бригитта, куда он скрывается днем. Не отвечал на эти вопросы ее возлюбленный. И вот, однажды, далеко забрались всадники. Лошадь Гинго повредила ногу, и они не успели вернуться в замок. Солнце встало, и земля дрогнула за спиной Бригитты.

Оглянулась она и не увидела своего возлюбленного. Вместо него, раскинув ветви, стояло посреди поля большое дерево Гинго. Села Бригитта у корней его и уснула. Громкий голос разбудил ее. Увидела она всадников, окруживших ее.

— Откуда здесь взялось дерево? Еще вчера вроде бы его здесь не было. Впрочем, удачная находка, будет на чем дичь зажарить.

Поняла Бригитта, что это охотники, в чьих владениях она оказалась. Стала просить их не трогать дерева, но в ответ лишь смех услышала.

— Это мои угодья, и все, что здесь, — мне принадлежит по праву! — заявил один из всадников.

Соскочил он с коня и, схватив топор, ударил по дереву. Из рубца кровь хлынула.

— Остановись, рыцарь, во имя неба, разве ты не видишь, что жизнь губишь? — закричала Бригитта.

Но охотник еще раз взмахнул топором. Не помня себя, бросилась к нему девушка и ударила в спину кинжалом. Как зверь, захрипел охотник и пал. Схватили Бригитту его товарищи и, связав, повезли к судье. Не долго раздумывал судья. За убийство подлежала Бригитта казни, если не найдется за нее заступника, готового в поединке поддержать ее правоту. Обвинителем выступал брат покойного — рыцарь, которого все боялись. Огромного роста был он, и силы его хватало, чтобы медведя свалить. Никто из замка Бойген не решался принять бой. Ведь в случае неминуемого поражения все равно Бригитта была обречена на смерть. Но случилось опять чудо.

Появился на закате дня всадник неведомый защищать Бригитту. Ошиблись воины, и пробило вражеское копье неведомого защитника насеквозд. Думали люди, что падет он насмерть на землю, но он остался в седле. Второе копье пробило его латы, но он не отступил. А в третий раз уже враг его пал с коня бездыханным. Бросились оруженосцы к неведомому рыцарю, но он лишь рукой махнул.

Упали с него доспехи, и люди увидели деревянное лицо и фигуру, вместо человеческих.

— Да это дело ведьмы! — завопил народ и хотел наброситься на Бригитту. Но увяли ее прочь в тюрьму, чтобы казнить на следующее утро. В замке Бой-ген должна была свершиться казнь. Заточили Бригитту в башне и приставили стражу. А ночью протянулись ветви Гинго сквозь решетку и коснулись девушки. Что с ней стало, никто не понял. Только пустой оказалась башня, куда ее заточили. А на вершине дерева распевала песни какая-то звонкая птица.

Опять потекли года. А вочные часы появлялась в замке одинокая фигура Гинго. Ни с кем больше он не говорил, а лишь кивал да улыбался какой-то тоскливой улыбкой.

— А что теперь? Остались ли следы этого предания, кроме самого дерева Гинго? — спросил я старого привратника, раскуривавшего трубку. Он задумчиво взорвался на меня, а затем задал мне вопрос.

— Уж коли вы знаете всю историю замка, то не могли бы представить этого странного Гинго, что живет вместе с деревом?

— Отчего же, пожалуй. Худощавый человек, со смуглым лицом, высоким лбом, тонкими, слегка удлиненными чертами. Нос с горбинкой, красиво вырезанные ноздри и губы. Чуть выступающий подбородок. Большие темные глаза с какой-то зелено-искоркой в глубине. Блестящие черные волосы, поседевшие на висках. Закутан в старинный плащ, скрывающий одежду... Вот, пожалуй, и все.

Старик глубоко затянулся и пустил струю дыма в воздух.

— Теперь подойдите к дереву с другой стороны и скажите, что там!

Я нерешительно последовал его совету, думая, что меня разыгрывают. С другой стороны толстого ствола Гинго сидел человек, которого я столь отчетливо представил себе минуту назад.

Он смотрел куда-то сквозь меня. Быстрые сумерки спустились на замок. Образ Гинго бледнел и сливался с темнотой. Все неотчетливее становилось видение, пока не исчезло. Ночь пришла в замок Бойген.

ДУБ

У Сугдейских берегов над скалистым обрывом стоял старый могучий дуб. Мор-екая соль вместе с пеной, сорванная с волн и принесенная ветром, пропитала его белесоватую кору. Ветви его протянулись над обрывом, словно звали солнечные лучи забраться в самые узкие щели каменного хребта, надвигающегося на море. И по ночам из этих скал вылетали летучие мыши, и на крыльях своих несли они горячий шепот, вздохи и непонятные звуки. Души ли существ, прошедших когда-то по этим землям, напоминали о себе или голоса природы, истомленной зноем, открывали свое сердце ночной прохладе, кто знает.

Только жил в этих местах когда-то Юсуф-бей. Юность свою провел он в скитаниях и сражениях. Говорили, что в свое время служил он турецкому султану и был первым среди янычар, кто удостоился за верность и отвагу получить халат визиря и туфлю с

султанской ноги для ношения на груди. Однако не любил о себе рассказывать Юсуф-бей. Устал, видно, от суеты и захотелось ему покоя и простого счастья вдали от людей. Построил он дом над обрывом и привел в него молодую красавицу-жену. Звали ее Гюльсун, и отдал за нее Юсуф-бей на кафском базаре чуть ли не половину своего состояния. Да и то, если б не взялся за свою саблю, потерял бы Гюльсун. Сам паша из Стамбула торговал ее для своего гарема и затем пытался с боем отобрать у соперника.

Поначалу, казалось, счастлив был Юсуф-бей. Редко кто спускался с гор к его дому, который скорее напоминал крепость на скале среди глубоких обрывов. А с моря и подавно нельзя было подняться по скользкому утесу. Не беден был Юсуф-бей, и не нужно было ему возделывать поля или пасти скот. То, что хотел он, доставляли ему редкие соседи и, получая от него золотые монеты, восхваляли его щедрость. Сидел обычно у крыльца своего дома Юсуф-бей, в тени виноградной беседки, курил душистый табак из кальяна, смотрел на море, солнце и радовался жизни: «Зачем я столько дорог истоптал, столько душ загубил, когда мог бы сидеть здесь и ничего другого не желать?» Только напрасно Юсуф-бей думал, что обрел счастье. Как ни баловал он Гюльсун богатыми подарками, как ни старался угодить ей, все зря. Сердце ее было закрыто для мужа. Покорно принимала она свою судьбу, но полюбить его не могла.

Как одинокий волк, захвативший добычу, не знает радости от своей победы, потому что не с кем разделить ее, так мучился Юсуф от бессилия пробудить чувства Гюльсун. Она же ощущала себя пленицей, тосковала в дальних краях, откуда ее похитили, чтобы затем продать, как рабыню, в чай-нибуль гарем. Единственным утешением ее был дуб. Когда грусть одолевала Гюльсун, она забиралась на него и пряталась в его густой кроне. Ей чудилось, что он нежно поддерживает ее на своих могучих ветвях и, превратив листву свою в зеленые паруса, несет в море на свободу или обратно к ее родине. Захватывало дух у женщины, и сладко грезилось под шум морского прибоя и завораживающий шум ветра. Порой засыпала она и видела чудесные сны. Дерево давало ей силу и отраду и, мысленно ли, но она любила дуб так, как не могла любить мужа.

И заметил это Юсуф-бей. Словно птичка, пряталась жена от него среди дубовых ветвей, а когда обижал он ее, скорей бежала к дереву и прижалась к его стволу, чтобы найти утешение. Разгневался однажды Юсуф-бей и, чтобы не убить

Гюльсун, срубил могучий дуб. Долго рыдала на пне Гюльсун, а муж угрюмо собирал вещи, чтобы переехать в другой дом, подальше от старого.

Меж тем тут незаметно срок подошел, и родила Гюльсун Юсуф-бею дочку. Родить родила, да и исчезла. Пошел искать следы ее муж с собаками. Дошел до старого дома, и оборвался след у громадного пня, что остался от дуба. Глухо шумело море, и над обрывом с криками вились белые чайки. «Вот, наверное, и Гюльсун с таким же криком упала со скалы», — подумал Юсуф-бей, но сколько ни бродил у подножья, никаких останков жены не нашел. Вернулся домой и стал растить дочь. Вскоре, однако, узнал об очередном несчастье. Феллис-ханум, его дочь, оказалась глухонемой. Больной ребенок еще дороже здорового. Сердце Юсуф-бея чуть не разрывалось от любви и жалости к дочери. И жадно ловил он в лице Феллис-ханум черты исчезнувшей Гюльсун.

Проходило время, и вот странные вещи стали твориться на берегу Сугден. По ночам чай-то нежный голос распевал тосклиевые незнакомые песни, и эхо в горах разносило их по всем ущельям.

Дивились люди, шептали, что не к добру это, но кто поет, понять не могли. Юсуф тоже обратил внимание на ночное пение. Поначалу казалось ему, что то ветер воет, но не похоже, слишком по-человечески звучал голос. И тут обнаружил он, что его дочь по ночам исчезает. Страшно стало Юсуф-бею. Подумал он, что какой-то колдун его дочь заманивает к себе. И вот решил проследить, куда уходит Феллис-ханум. Ночь спустилась, и лишь луна выглядывала сквозь низкие облака. Долго крался вслед за дочерью Юсуф-бей, сжимая в руках свою саблю, пока не понял, что опять оказался у старой усадьбы. Только вот чудо: на месте пня стоял, как прежде, громадный старый дуб. Феллис-ханум подошла к нему и исчезла в его тени. Не смог выдержать этого Юсуф-бей и бежал прочь, а вслед ему немыслимо высокий голос пел тосклившую песню.

Утром вернулась дочь его и, словно ничего не случилось, стала хлопотать по хозяйству. Пошел Юсуф-бей советоваться, как дочь излечить. Все без утайки рассказал одному святому дервишу.

— Плохо ты сделал, что дуб срубил, — сказал старик. — Теперь попробуй вернуть к жизни его, тогда, может, и проклятие с дочери твоей сойдет.

Снова пришел к старому своему дому Юсуф-бей и увидел, что опять вместо дуба лишь пень стоит. Попробовал Юсуф-бей полить его своей кровью, ничего не случилось. Нашел он два старых желудя от дуба и посадил их поблизости, но ни один не взошел. Меж тем запретил он дочери выходить вечером за ворота и, чтоб не ослушалась она, на ночь стал приковывать ее цепью к стене. Горько плакала Феллис-ханум, только ничего не могла поделать.

И вот однажды в день рождения дочери уставший Юсуф-бей уснул, и приснилось ему, что опять старый дуб ожил. Стали расти его ветви и дотянулись до нового дома Юсуф-бея. Как гнилые веревки разорвали они цепи, подняли Феллис-ханум и унесли. Проснулся Юсуф-бей, кинулся в комнату дочери. Там лишь разорваные цепи остались. Бросился он к скале по знакомой дороге. Рассвет приподнял завесу ночи, и в утренних лучах восходящего солнца зелеными облаками раскачивались кроны трех громадных дубов. Остановился Юсуф-бей, думая, что это грезится ему и что вот подует сильный ветер и рассеет мираж. Но так и не случилось этого. И вернулся Юсуф-бей в старый дом и до смерти своей жил подле деревьев, охраняя их от чьей-либо злой руки.

КОНЦЕРТ

Наверное, каждому, чьи мечты исполнялись слишком поздно, знакомо это чувство досадного разочарования. Может, и впрямь лучше было бы не мечтать или, во всяком случае, сохранить свои иллюзии, не пытаясь узреть их реальное воплощение. Но это уже голос собственника или труса — тогда не надо очаровываться, увлекаться, радоваться... Всему свое время, и каждый живет в свой срок. Если бы мечта вознесла ребенка на Луну в тот момент, когда он протянул к ней руки, может, он очутился бы не в мертвой ледяной пустыне, озаренной отраженным светом, а в таинственной мерцающей глубине огненного опала, среди неведомых благоуханий, нежнейших на свете звуков и красок. Воистину жизнь едина и лишь наше восприятие двойственно. Чуть приподнимись над чувствами — и примешь равно и печаль и радость, а за ними этот огромный, непознанный мир — лицо Бога, который вне времени и пространства.

В пасмурную дождливую осень насмешливая судьба нечаянно занесла меня в Альпы. Стоит ли говорить, что впечатление от окружающего накладывались на душу, а в ней тоже царила осенняя пора перегоревших желаний, остывших чувств, печальных

воспоминаний. Не я ли так стремился в эти края, мечтая увидеть грандиозную панораму снежных хребтов, сверкающих в лучах солнца, яркую голубизну небес, прихотливый ковер цветов и трав на дне долин и склонах гор. О, сколько раз я встречал эти картины на полотнах знаменитых художников! В сотнях вариантов они украшали стены лучших музеев и дворцов Европы. Я уж не поминаю тысячи их копий, дубликатов, репродукций, наводняющих рынки и жилища менее требовательного сословия. Но всюду одно уже слово «Альпы» заставляло сжиматься сердце в сладком и в то же время томительном предчувствии. Да, там сердце прекрасного континента, взрастившего изысканную культуру, там средоточие чудес природы, ее величие и гармония, прообраз горного царства и высшего мира. Но не так-то просто заглянуть в это святая святых. Многими жизнями оплачены пути в него. Незримые хранители не перестают собирать дань, и если оставляют человеку жизнь, то порой лишают разума. Странная связь. Я слышал уже столько историй, как гениальные мыслители устремлялись сюда и вместе с переживанием экстаза навеки теряли рассудок, и не было средства вырваться из этого мрака кроме как через смерть.

Альпы, Альпы... Всего я ожидал, но вместо ослепительного и грозного великолепия меня окружал густой туман, прерываемый то шквальным ветром, то ливневыми дождями. Серая хмурь облаков, забивших долины, стонущий лес, красно-желтое месиво из листьев и глины, плывущее под ногами, лавины грязного снега, сползающие с вершин на дороги, и за всем этим — отдаленный и постоянный гул. То ли эхо водопадов, переполненных бешеною силы, то ли рев горных пиков, разрывающих ледяной броней живое тело злобной бури.

В этом кошмаре продолжение путешествия было бы безумием, зато все прелести маленьких старинных городков и селений становились особенно милыми и притягательными. За каменными стенами в уютных гостиницах жарко пылали камины. Горячее вино, свежие фрукты, приветливые хозяева... и конечно же, слегка растерянные путешественники, застигнутые осенней непогодой. Люди жались друг к другу, охотно знакомились, рассказывали свои истории и всячески старались скоротать время. В одной из таких гостиниц я и поселился. Она стояла в стороне от дороги на обрывистом берегу глубокого каньона и являла собой остатки маленького укрепленного замка. Часть стен от времени развалилась, часть подмыли стремительные ручьи, и они рухнули в обрыв. Зато сохранилось центральное строение и круглая башня с заржавленным подъемным мостом, перекинутым через ров. Приспособливать весь замок для жилья не имело смысла из-за малочисленности постояльцев, потому для гостей хватало комнат в привратной башне и небольшой пристройке во дворе. Центральное здание замка оставалось пустым, если не считать разнообразных пернатых, населивших многочисленные бойницы. Вечерами там бесшумно сновали летучие мыши, ночью ухала сова, утром стонали голуби. Все вкупе создавало довольно мрачный колорит, хотя он вполне соответствовал вкусам путешественников, ценящих красоту и старину. С интересом спускаясь в холл, я слушал разноязычную речь и присматривался к соседям. Среди довольно живописной толпы постояльцев, пожалуй, самыми колоритными являлись сами хозяева. Ряд признаков явно свидетельствовал, что они не из местных жителей и скорее всего приобрели это рыцарское гнездо для своих нужд. Думаю также, что вряд ли они собирались поправить свои дела и получить хороший доход с путешественников, превратив свой дом в гостиницу. Плата за ночлег была смехотворно мала, так что, остановившись здесь, ты ощущал себя скорее гостем, чем постояльцем.

Вероятно, в этом был свой резон. Никто не чувствовал себя зависимым, и в первую очередь сами хозяева. Придираться к меню или скромной обстановке комнат при таких условиях было немыслимо.

Верно, лишь врожденное милосердие да гостеприимство побуждало владельцев замка держать свои двери открытыми для каждого путника, проходящего через горы. Но забавным было то, что сами хозяева казались едва ли не большими странниками, чем их скучающие гости. Что-то неспокойное проплывало в их позах, движениях, манерах. Вот еще мгновение — и они встанут и исчезнут навсегда из этих стен. Словно какой-то бесконечной лентой ползла через них дорога, и голубой дымок походного костра незримо, но постоянно овеял их фигуры. Имена их удивительно соответствовали их образу и звучали каким-то музыкальным аккордом. Гилль — звали хозяина, и с него словно начиналась пьеса в минорной тональности. Извея — имя хозяйки определяло дальнейшее направление мелодии и завершало первый посып тремя последними шажками.

Необычна была и внешность этой пары. Гилль, человек в летах с курчавыми седеющими волосами. Высокий лоб давал приют не только любым фантазиям и длинным мыслям, в нем сохранялась чистота и непосредственность детских устремлений. В самом деле, хотя Гилль имел не маленький рост, на его кряжистой фигуре голова казалась несколько великоватой и сам он напоминал великовозрастного ребенка. Ярко-синие глаза дополняли бы это впечатление, если бы не так часто обращались внутрь себя.

Зато пристальный взгляд не давил на собеседника, а скорее обволакивал и приглашал приобщиться к своей внутренней жизни. Пожалуй, еще можно сказать о его способности к перевоплощению. Он говорил о море — и поразительно точно, во всех деталях, являя собой тип старого моряка. Он повествовал о войне — и вы видели перед собой бывшего легионера. Речь заходила о религии — и перед вами стоял смиренный монах, проведший жизнь в постах и молитве. Но, наверное, более всего его характеризовала связь с какой-то древней стихией. Не отгадать, какие начала в ней преобладали: огня, воды, земли или воздуха. Просто вокруг Гилля явственно ощущались незримые энергии. Вероятно, рядом с ним не было холодно в самую ледяную стужу, но также возможно, что и в знойной пустыне от него исходила живительная прохлада родника. Мускулистое тело Гилля могло принадлежать самому неутомимому ходоку, но движения его словно подчинялись законам полета... Ноги его касались земли, а руки, туловище, голова постоянно летели.

Столь же необычна была жена его. Впрочем, как-то мало она напоминала ту пресловутую половину, разделившую годы жизни со своим мужем и носящую на себе отпечаток его личности. Нет, вовсе ничем не походила она на Гилля. В картинах, иллюстрирующих волшебные сказки, сложно встретить облик женщины — грезы, женщины-цветка, женщины-влюбленной. Такова была Извея. Ее чувства, столь гармоничные и искренние могли соперничать с самыми пылкими юношескими страстью. И хотя возраст ушел далеко вперед ее сердца, однако именно эта яркость переживаний делала ее красоту и молодость вне временными. Тонкие нежные черты ее несли ощущение хрупкости. И не родился еще тот фантастический принц, чьи руки могли бы без боязни коснуться ее. Вот так не смел бы и помыслить о том случайный зритель, встретив во плоти эту женщину-подростка с лицом воздушных Боттичеллиевых фей. В Извее за тончайшей оболочкой старинной красавицы существовала сложная и сильная душа. Чтобы чуткость не стала жертвой своей беззащитности, она должна опираться на какую-нибудь твердую опору. Я не смею

утверждать, но мне кажется именно принадлежность души Извей иному миру, а может быть, и иным планетам, давала ей силы выстоять в этой жизни. Она не пыталась чему-то соответствовать и сохранила верность своему свету... А он лился через ее ясную улыбку, через вечно утреннюю зарю ее волшебных глаз, сквозь прозрачную ткань, что плели ее плавные движения, ибо и руки, и ноги, и тело Извей подчинялись какому-то внутреннему ритму. Для наблюдателя же он являлся постоянным танцем, то медленным, то порывистым, но неизменно чарующим. Магия пластики, которой владели, по словам историков, жрицы древних египетских храмов. Где, какие раскопки могли бы это подтвердить? В лицах на изысканных рельефах гробниц фараонов да в почти утраченных традициях храмовых индийских танцев проглядывает намек на эти тайны. Вот почему так драгоценна была встреча с Извеей. В ней открывался мир давно прошедшего Золотого Века и, может, угадывалось блистательное повторение его в будущем. Мое описание будет неполным, если я не упомяну о голосе Извей. В нем было столько разнообразия, столько оттенков, тембров, созвучий, что, закрыв глаза, в том богатстве ты мог внимать целой гамме, знаменующей голоса природы от веселого ручейка до печального зова кукушки.

Однако я настолько отвлекся, что пожалуй, выдаю явное неравнодушие к этой паре. Да простят меня ревнивые защитники иных достоинств. На Востоке есть пословица: чтобы увидеть Лейлу, надо взглянуть на нее глазами влюбленного Меджнуна. Пусть так каждый взглянет на другого глазами любви — и тогда эти сравнения не покажутся преувеличением. В ином случае эта повесть не для них. В заключении этой мысли мог бы добавить одно: в природе существует не один, а множество ракурсов, и также каждый из нас имеет свое место, с которого нужно взглянуть на мир, и ты увидишь, что «он», или «некто», или ты сам ослепительно красив. Через мгновение изменишь точку зрения, сойдя вниз, и вдруг ужаснешься безобразию того, что казалось невыразимо прекрасным.

О, нет в жизни нашей ничего законченного! Все бесконечно меняется, и не пытайтесь навешать окончательных ярлыков. Закон психологических перспектив — это изнанка закона относительности. Но я продолжаю. После всех перечисленных восторгов я неожиданно обнаружил еще одну необъяснимую странность моих хозяев.

Однажды ночью сильная головная боль не давала мне уснуть, и я попробовал постучать в комнату Гилля и Извей за помощью. Они не отвечали. Я толкнул дверь. Комната, увшанная немыслимой коллекцией старинных музыкальных инструментов, была пуста. За стеной бушевала буря, а хозяева покинули свой дом для ночной прогулки по горам! Мое открытие заставило меня забыть о недуге. Темные мысли о волшебниках, разбойниках и прочем невольно ринулись в мой мозг. Я решил дождаться их прихода. Вернувшись в свою комнату, я приоткрыл окно, которое как раз нависло над порогом. Ветер немедленно загудел по всей комнате, превратив ее в органную трубу. Рев бури над лесом, покрывающим долину, то нарастал, то затихал. Прислушавшись, я внезапно уловил звуки мелодии, словно какой-то оркестр давал концерт среди ночной темноты. Фантастика! Вот звуки труб, вызывающих врага на поединок, вот топот копыт незримого воинства, гулкие удары барабана, как шаги судьбы, грохот литавр, как взрывы адского хохота, заглушающего стоны гобоев. Отчаянная скорбь смычковых, прощальные голоса валторн... Я не верил своим ушам, мне казалось, что я схожу с ума. Неслыханная, грандиозная симфония влилась в стихию урагана и подчинила его своей воле. Не знаю, сколько длился этот концерт, чем кончился, ибо очнулся я от внезапной тишины. Окно захлопнуло сквозняк. Я лежал на кушетке, и серый рассвет медленно проникал в комнату. Послышался стук копыт. Двое наездников остановились у дома.

Это были мои хозяева. Сам не зная почему, я спустился в холл. Они встретили мое появление молчанием. Я неловко пытался вовлечь их в разговор:

— Что непогода?

— До захода солнца успокоилась, — ответил Гилль.

— Наверное, выбилась из сил, — молвил я.

— М-да, возможно.

А ночью опять они исчезли в самый разгар бури, и опять я слышал музыку. Так повторялось из ночи в ночь. Я уже не сомневался, что попал к троллям, и полный самых диких идей, решил раскрыть их карты, чего бы это мне не стоило. В очередное их возвращение я снова встретил их у порога:

— Вы, кажется, любите ночные прогулки? — приступил я.

— Почему вас это заботит? — спросил Гилль.

Я молчал, не зная как отвечать. Извея внезапно шагнула ко мне и дотронулась до руки:

— Не бойтесь, наше поведение ничем не угрожает вам.

— Я не боюсь, — отвечал я торопливо. — Но я каждую ночь слышу звуки музыки, и мне кажется, что я схожу с ума.

Гилль вдруг радостно засмеялся и, как дитя, хлопнув в ладоши, повернулся к жене:

— Извея! Это наш человек! Это друг, ведь он слышит нашу музыку.

В следующее мгновение он обнял меня:

— Мы не будем скрываться от вас. Вы из тех, кто может воспринимать сокровенное, потому узнайте нашу историю, и пусть музыка в горах будет подтверждением наших слов.

Так я приобщился к тайне, подаренной странными людьми, что стали моими друзьями.

Гилль был единственным ребенком в семье. Обстоятельства не позволили ему получить хорошее образование. Большую часть своего детства и отрочества он был предоставлен самому себе, и лишь природа скрашивала его одиночество. Под формальным присмотром дальних родственников мальчик проводил лето в горах. Общение с пастухами и горцами, случайные путешественники не в меньшей мере, чем старые книги и природа, воспитывали в нем мечтательный характер. Он верил в сказки, разговаривал с деревьями, искал среди камней жилища гномов. Чтобы остыдить его воображение и пресечь его попытки забираться подальше в горы, взрослые решили попугать его. Как-то они поведали мальчику, что во время грозы из горных пещер выходят гигантские тролли. Они хватают тех, кто ушел далеко от дома и уносят в страшное горное царство. Там лишь голые скалы и ледники. Сбежать мешают бездонные пропасти и бурные реки. Похищенных людей тролли заставляют пить волшебную воду, и они превращаются в уродов, а иногда и в самих троллей.

Как ни странно, эта история оказала на Гилля противоположное воздействие. Вместо испуга он воспыпал желанием познакомиться с троллями. С тех пор, как только приближалась гроза, мальчик старался улизнуть за порог и отправиться в горы. Однажды он преуспел, и гроза застала его на одной из вершин. Ураганный ветер оторвал его от земли и, закрутив, бросил в воздух. Трудно сказать, сколько времени мальчик парил в объятиях бури, как его швыряло над долиной под раскаты грома среди сверкающих молний! Наконец, ветер закинул его в небольшое озеро. Гилль выбрался на берег. Потрясенный пережитым он, однако, не плакал, а повторял без конца, что хочет лететь еще и еще! Он раздвигал руки, машал ими, пытаясь вдохнуть побольше воздуха, чтобы подняться... Но буря потеряла силу. Последние порывы ее кружили около мальчика, и он внезапно вдохнул в себя то, что можно назвать семенем бури. Не сразу он понял, что в груди его поселился настоящий ураган. Он быстро рос, и, по желанию Гилля, мог вырываться наружу. Теперь с полным правом мальчик мог считать себя повелителем воздушных стихий. Много раз он уходил в горы и устраивал себе на потеху самые невероятные бури, но та сила, что жила в нем самом, всегда хранила его отувечья. Невредимым он возвращался домой, и никто не догадывался, что еще совсем недавно он носился в воздухе над острыми пиками гор и мог даже побывать у лазурных берегов Адриатического моря. Впрочем, владение силами бури не могло не отразиться на нем. Что-то особенное выделяло его среди сверстников, и случайно ли он получил среди них прозвище Тролля? Гилль мало внимания уделял пересудам, ни разу он не использовал свою силу для сведения счетов с недоброжелателями. У него в это время открылась новая страсть. Гром небесный так потряс его нервную систему иль безумные полеты над горами, но душа его раскрылась для музыки. С настойчивостью маньяка Гилль собирал самые различные инструменты и пытался научиться играть на них. Увы, это было не так легко, и его поначалу удовлетворяло собирание различных звуков, которые он мог издавать. Затем фантазия подсказала ему соединить свои музыкальные увлечения со способностью управлять бурей. Привязав инструменты к деревьям, Гилль стал устраивать для себя дикие какофонии. Он загонял ветер в медные трубы, и они ревели, как стадо диких слонов, он рвал струны арф, он швырял горсти камней и сучьев в барабаны,. Прошло много лет, но Гилль не замечал времени, он учил деревья владению инструментами, и вот ценою немыслимых усилий или с помощью таинственных горных сил он сотворил настоящий лесной оркестр.

Много мелодий жило в душе его, но он не знал музыкальной грамоты, и лишь фантастические импровизации сопровождали его выплескивающиеся наружу бури. Наконец, это перестало удовлетворять его. Он не мог упрекнуть никого из своих послушных музыкантов. Березы в его лесу владели тайнами скрипичной игры, рябины — альтами. Ивы могли исполнять виолончельные партии, вязам были подвластны контрабасы. Духовые инструменты требовали простора и высоты, и, конечно, тополя, сосны, ели и тиссы, лиственницы и осины делили меж собой трубы, гобои, кларнеты и валторны. Дубам, липам и букам принадлежали ударные. Завидный оркестр! Но Гилль ощущал бессиление дирижера, который отстал от своих музыкантов. Они были способны на многое большее, чем хаотическое звучание, иногда находящее случайные гармонические сочетания под напором управляемой бури.

И вот Гилль решил найти солиста для своего дикого оркестра. Он знал, где искать, но долго не решался, зная, что его прежде всего примут за безумца. Наконец он преодолел себя и отправился к людям. Ему нужен был профессиональный музыкант, который бы смог, прослушав его фантазии, перенести их на ноты, дать им ритм, гармонию и соединить их с необузданной стихией бури.

Так Гилль встретил Извею. Она была пианисткой, настоящим профессиональным музыкантом, преданным классике, но открытым и для любых импровизаций, если они не нарушали в ней то природное чувство гармонии, которым она обладала. О, непросто складывалась их история. Жизнь Извей была полна и богата, хотя судьба успела нанести ей достаточно жестоких ударов. Начать с того, что ее сердце уже открыло двери иному избраннику. Муж ее был мастером архитектуры, и союз их знаменовал редкое единение. Стара мысль, что архитектура суть застывшая музыка, но в этом случае она получила неожиданно выразительное воплощение. Архитектор замыслил увенчать свою любовь небывалым строением — он решил создать храм музыки и посвятить его жене. Он вложил все свои силы, средства, талант, всю свою жизнь в это строение. Трудно описать его архитектуру. Самые неожиданные решения, смелые сочетания, немыслимые находки воплощало это здание. В нем не было явной симметрии, обусловленности пропорций... Как живая волна, внезапно превращавшаяся в сложную кристаллическую форму, как музыкальный экспромт, прихотливо рожденный фантазией и готовый мгновенно и навсегда исчезнуть, ибо повторение невозможно... Таков был этот причудливый храм, вознесшийся к небу на вершине холма. Гребень его венчала улиткообразная башня, создававшая возможности для дополнительного резонанса, и шпиль ее заканчивался фигурой бронзового кентавра. Напряжение мифического существа передавалось четырьмя копытами, сведенными в одну точку, а также мощным порывом вверх. Кентавр натягивал лук, целясь в небо. «В этом храме будет заключена тайна, — сказал архитектор жене. — Когда ты достигнешь совершенства в своем искусстве игры, моя скульптура выстрелит, и стрела устремится к солнцу». Увы, ему не пришлось пережить свое творение, и только тогда, когда глаза его навсегда сомкнулись, Извея вспомнила другую его фразу, сказанную при закладке здания: «Я вложу в это строение всю свою жизнь». Он сдержал слово, и оставалось ждать исполнения следующего пророчества. Тяжело было горе Извей, пока она не встретилась с Гиллем. И вправду он показался ей поначалу безумцем, но с того момента, как он привел ее в свой лес, она поверila в него. Идея подчинить фантастическую стихию Тролля законам ритма, влить ее в законченную форму, захватила Извею. Разум человека соединился с чувствами природы в единой гармонии, и однажды их концерт был готов. Среди спокойного безоблачного вечера над горами разразилась чудовищная буря. Ее сопровождала фантастическая музыка... Раскаты настоящего грома сливались с партиями барабанов, разноцветные молнии сверкали почти беспрерывно, словно спаянные со звуком, и облака окрашивались всеми цветами радуги. Багровые отблески заходящего солнца то тут, то там прорывались сквозь ключья клубящихся туч. В апофеозе игры пальцы Извей вдруг потеряли клавиши инструмента. Мощный порыв урагана рванул ее в небо, и руки ее превратились в лебединые крылья. Но музыка не прервалась, только теперь она подчинялась белому комочку перьев, затерявшемуся в самом сердце бури. И вот наступил момент коды. Шквал вместе с музыкой достиг заветного храма. Тысячами сверкающих огней рассыпались молнии, ударив в башню. Вздрогнул проснувшийся кентавр, и глаза его отыскали на немыслимой высоте белого лебедя. Со звоном лопнула тетива, но волшебная стрела охотника успела набрать силу. В бескрайнем небе она дognала прекрасную птицу, и та камнем понеслась к земле. Едва успели ее подхватить руки Гилля. Обливаясь кровью, умирала Извея, и лишь немедленная жертва могла выкупить ее у смерти. Все силы Земли и Неба призвал Тролль на помощь себе. Страшной клятвой заклинал он природу оставить жизнь его возлюбленной, обещая отдать обратно свой волшебный дар. И вот слова его были услышаны, и буря уже не вернулась в его грудь. Он потерял силу, Извея — способности к игре, но зато они обрели друг друга, чтобы не разлучаться в остаток жизни. Лишь во сне они могли слушать свои фантазии, да во время непогоды эхо их концертов давало им утешение, если воспоминания способны утешать.

ЛУННЫЙ МАЛЬЧИК

В декабрьской суете Рождественских дней царило веселое ожидание. Даже самые серьезные люди начинали хоть чуточку верить в счастливые перемены. Вот что-то случится, и чудо подарит сказочное счастье или удачу. И это предвкушение радости, эта тайная надежда заставляет толпу горожан двигаться торопливо и бессмысленно. Как дети, попав в стихию чувств, бегут и шутят, смеются и толкают друг друга от избытка жизненных сил, так и волнение города с пестрым людским потоком создает то тут, то там маленькие бури, приливы и отливы. Больше всего это возникает в центре у сверкающих огнями магазинов. Зато на окраине торжественная тишина. Дома словно притаились и ждут. По какой-то из дорог придет время Нового года и вместе с ним волшебство и подарки фортуны?

В ночь на 22 декабря я вырвался из русла центральных улиц Санкт-Петербурга и оказался в районе Старой Деревни. Аккуратные двухэтажные коттеджи окружали заснеженные деревья. Яркий лунный свет заливал сугробы. Чуткая морозная тишина заставляла сдерживать дыхание. Людей не было видно. Зато какие-то фантастические существа, подобно теням, вдруг бесшумно возникали на дороге и тут же исчезали. Вначале я принял их за расшалившихся собак, спущенных с цепи для ночной прогулки, но приглядевшись, испытал невольный страх, если не сказать больше. Вот гигантская черная пантера, совершив семиметровый прыжок, перемахнула через узкую улочку, следом упругими скачками пронеслось полосатое чудовище, в котором нельзя было не узнать тигра. Еще и еще немыслимые звери, огромные птицы вихрем проносились мимо меня, оставляя глубокие следы или сбивая снег с ветвей деревьев. «Неужто что-то случилось в зоопарке, и его обитатели оказались на свободе?» — было первой моей мыслью. Я остановился, думая, куда бы мне понадежнее укрыться.

От ствола старого клена отделилась тоненькая фигура мальчика.

— Добрый вечер, —тихо, но отчетливо произнес он. — Не правда ли, последнее полнолуние этого года самое прекрасное из всех?

Я не сразу мог ответить ему, столь поразительным показался мне его вид. Удивительно нежное лицо, словно отлитое из фарфора, тихие светящиеся глаза с каким-то зеленоватым блеском. Казалось, в них жило само время. Они останавливались на чем-то, и время прекращало свой ход. Они устремлялись дальше, и их движение мгновенно освобождало мир от застылости. В самом деле, когда это дитя задумчиво смотрело на меня, все окружающее, деревья, дома, небо уподоблялось ледяным узорам на оконном стекле в сильный мороз. Потом он улыбнулся и перевел взгляд, и тотчас реальность вернулась. Да, я забыл сказать, что тонкие руки его с длинными пальцами являли такое совершенство формы, словно на фигурах египетских фараонов, где каждая деталь несет законченность и красоту целого. Гармонию лица и фигуры можно прочесть уже по ладони или стопе. Наряд его больше всего походил на какой-то средневековый, какие обычно были на пажах. Бледно-сиреневые лосины, короткий плащ с серебряными звездочками, камзол, расшитый парчовыми узорами. На голове густая шапочка русых волос, своей белизной напоминающая седину снега. В руках букет переливающихся перламутром цветов. Они казались стеклянными и слегка позванивали при соприкосновении, но в то же время издавали сильный, но приятный аромат.

Мальчик стал рассказывать о чудесах этой ночи. Слова его звучали, как сказка, но все подтверждалось и заставляло верить ему. Это был Лунный мальчик. Раз в году в период зимнего солнцестояния он мог спускаться на землю и приносить с собой

лунные цветы. Конечно же, они были волшебными, но исполняли желания не людей, а животных, и в первую очередь кошек. Надо ли подробно говорить об эволюции? О том, что со слов мальчика жизнь вначале существовала на Луне, а затем перешла на Землю, что растения Луны стали животными на Земле, так же как минералы растениями, а животные людьми и т. д. И вот этот лунный принц на одну ночь приходил с подарками с покинутой планеты. Вот, оказывается, чем объяснялась эта зимняя фантасмагория. Кошки, вечно униженные, беззащитные в мире людей и животных, получив лунные цветы, немедленно желали превращений. Одни становились собаками, другие пантерами тиграми, третьи получали способность побывать в тела своих хозяев, людей. Конечно же, некоторые сложившиеся отношения с домашними животными предполагали и особые трансформации. Так, иные люди вдруг обнаруживали себя в шкурах своих питомцев, и на себе могли ощутить все прелести и невзгоды кошачьей или собачьей жизни. Попробуйте-ка хоть раз на мгновение представить, что вы стали каким-то захудальным котяром. Вы можете говорить только «мяу». Вы не предполагаете, какая последует реакция, вполне возможно в вас швырнут чем-то и крикнут «брысь». Нужда хозяев может и вас выгнать на улицу, а там законы куда более жестокие, чем в джунглях. Впрочем, в конце ночи, с рассветом все вернется обратно, и вы примете свое приключение за дурной сон.

Не так было со мной. Лунный принц дал мне цветок и сказал, что тот будет мне пропуском на особый концерт. И вот я оказался в старинном особняке. Блестящие кавалеры и дамы восседали в креслах, ожидая начала. Они сохраняли абсолютное молчание, обмениваясь лишь красноречивыми взглядами, и я догадался, что вокруг животные, принявшие облик людей. Меж тем оркестранты заняли места. Вышел дирижер и раскланялся с публикой. Я узнал своего Лунного мальчика. Не стану описывать музыку, поскольку не смог бы описать и тех музыкальных инструментов, которыми пользовался оркестр. Просто я вдруг обнаружил себя высоко над землей на хребте звуковой волны, и она серебряным потоком неслась к Луне. И дальше я пролетал над пустыми городами с великолепной архитектурой, над давно умершими лесами, которые в нетленной красоте своей застыли стеклянным памятником самим себе. Горы, долины, моря, подобные гигантским зеркалам. Сколько изысканных творений было собрано здесь. Увы, Дух покинул Луну, и, как объемная картина, реальнейший из муляжей, эта планета являла собой царство мертвых. Но нет у Смерти вечной власти над Жизнью. В глубинах вулканических кратеров я услышал тихое ворчание, то просыпались древние силы Луны. В фантастической долине, где хранились

памятникиластителей Луны, я увидел фигуры королей. Там же оказалось жилище Лунного принца. Он сам встретил меня у порога и повел показывать памятники. История Лунного царства пронеслась перед моими глазами от начала до конца. Вот мы остановились у одной из последних статуй.

— Взгляните внимательно. Не напомнит ли вам кого-нибудь этот король? — произнес мальчик.

Я вздрогнул, узнав в каменном изваянии свои собственные черты. Мальчик протянул руку к гигантскому темному шару, закрывшему полгоризонта:

— Отец! Перед великим исходом на Землю достигшие следующей ступени приняли свой будущий вид, поэтому вы узнали себя в человеческом облике. Однако не всем выпал жребий покинуть Луну. Среди них был я. Вы оставили меня хранителем мертввой страны, обещав вернуться и взять на Землю. Вот уже протекли века и тысячелетия, а я

все жду и тоскую. Царствование в заснувшем мире превратилось для меня в проклятие. Душа моя состарилась от страдания, и лишь надежда на встречу еще сохраняет мою вечную жизнь!

Я со слезами взглянул на чудесное дитя:

— Что я должен сделать, скажи! Мы встретились, и как мне взять тебя отсюда? Ведь ты можешь посещать Землю раз в году?

— Ты забыл про мать, — ответил он, — Только вдвоем вы можете открыть мне путь на Землю. Найди ее на земных дорогах.

— Как это сделать?

Он внимательно взглянул на меня:

— Отец, ты обратил внимание на то, что я отдаю свои цветы прежде всего кошкам? Это связано с памятью о матери и с надеждой, что я встречу ее, и она, вспомнив о своем лунном ребенке, загадает желание о встрече со мной и тобой.

— Но разве она существует в образе кошки, и я должен искать ее среди них? — воскликнул я в изумлении.

— Нет, она человек ныне, но на Луне она пришла к тебе из кошачьего племени, и поскольку ее превращение осуществилось совсем незадолго до момента, когда она покинула Луну, то в декабрьское полнолуние она превращается в кошку на одну ночь. Порой мне кажется, она ищет тебя и меня. Молю тебя, иди ей навстречу. Я жду вас!

Прохладные губы его коснулись моего лица, и он исчез. Я же снова очутился на Земле, на той же пустынной дороге петербургской окраины.

Луна бледнела и истаивала в лучах близящегося рассвета. Подул ветер, и какой-то белый комок, напоминающий снежный, зашевелился у моих ног и словно покатился к ближайшему домику. Я взгляделся и увидел пушистую ангорскую кошку. Она плавно скользила по тропинке среди сугробов, и в зубах был желтый цветок Лунного принца. Через несколько минут одно из окошек дома осветилось мягким светом и послышалась тихая музыка. У меня перехватило дыхание: она повторяла мелодии лунного концерта. Наконец волшебные звуки смолкли. Солнечные лучи высветили деревья и крышу дома с гирляндой хрустальных сосулек, скрипнула замерзшая дверь, и на балкон, кутаясь в шаль, вышла прелестная молодая женщина. Увидев меня, она улыбнулась такой ясной и дивной улыбкой, что я мигом согрелся и словно прозрел Весну.

— Доброе утро! — сказала мне моя чудесная фея. — Не правда ли, последнее полнолуние этого года самое прекрасное из всех!

ОПАЛ

Еще с детских лет во мне обнаружилось странное влечение к драгоценным камням. Нет, его не объяснить обычным любопытством ребенка к сверкающим игрушкам взрослых. При виде драгоценностей я погружался в какое-то особое состояние молчаливого восторга и не только не привыкал к ним, но скорее всего больше и больше упивался их красотой. Они словно гипнотизировали меня, и я не мог отвлечься ни на

что другое. Интересно, что я никогда не стремился завладеть ими или хотя бы взять в руки. Достаточно было их видеть. Поначалу эта страсть казалась объяснимой теми людьми, которые носили на себе драгоценности. Чаще это были женщины, причем молодые, и их художественная легкость, позволявшая парить над миром обыденности, вероятно, привлекала мое внимание, как и всякого другого. Камни же просто служили их отличительным знаком. Но потом я стал встречать людей, далеких от искусств и молодости, но также владевших заветными сокровищами. И в их присутствии волшебный мир ювелирных творений немедленно погружал меня в свою чарующую пучину. Я употребил слово «пучина» не случайно. Наряду со жгучим наслаждением, темный непонятный страх обволакивал меня, будто в этих сверкающих камешках таилась для меня угроза, тайная опасность.

Наверное, тогда пришла в голову мысль о душе камней. Что, если только незнание мешает нам признать за царством минералов ту ведущую роль, которое оно играет в нашей жизни? Ведь не столь уж были невежественны древние алхимики, приписывающие определенные свойства камням. В самом деле, почему не предположить, что не только люди владеют камнями, но и, наоборот, камни людьми? Вплоть до того, что определяют их поведение, выбор, судьбу и наконец саму жизнь.

Каноны Авиценны, врачебные рукописи Индии, Китая, Египта, средневековая астрология и медицина рекомендуют при различных болезнях носить те или иные минералы. Да и в быту нашем символика камней отнюдь не изжила себя. Изумруд хранит чистоту и невинность, алмазы дают смелость, аметисты притягивают святость и являются любимым украшением кардиналов. А рубины, топазы, аквамарины — десятки и сотни других редких камней? Но моим воображением как-то раз и навсегда завладели чары огненного опала. Ускользающая красота этого камня, которому покровительствует луна, таит в своей туманной глубине все времена года. Вглядитесь, сквозь весеннюю голубизну морской зыби на его поверхности вдруг вспыхивают раскаленные искры знойного лета. Чуть поверните камень — и вот перед взором янтарный разлив осенних закатов, еще мгновение — и слепящая белизна северного сияния посыпает вам свое ледяное пламя! Целая радуга переливающихся красок, вечный танец фантастических цветов, замкнутых в крошечном пространстве.

Каким же смыслом окружен торжественный путь опала среди других драгоценностей? Почему его считают несчастливым камнем, отчего его красота не венчает царских корон? Да, из многочисленных характеристик я встречал одну наиболее частую — это камень изменчивости. Если алмаз несет в себе определенность мужского начала и силы, так же как рубин, а изумруд и голубой сапфир заключают женскую ипостась, то опал — это камень без пола, камень-джокер, способный надеть любую маску. Но для меня в его многоликисти видится сама жизнь. Жизнь в вечном парадоксе реальности и иллюзии. Мы живем в мире и не в силах отличить того, что есть, от того, что кажется. Трагичен поиск истины, которая манит, но которой не достичь. Но я должен вернуться к событиям, связавшим мою судьбу с опалом.

Я увидел его впервые в кольце своей тетушки. Это была необычная дама, умевшая разделить свою жизнь так, что одна видимая сторона ее казалась образцом добропорядочности и покоя, а другая, тайная, рождала целые легенды о ее обольстительности в молодые годы, невероятных приключениях, опасных связях и коварнейших проделках. Наверное, точнее всех слухов о ней ее могло характеризовать прозвище Амazonка, которое она, конечно, знала, но носила с хорошо скрытым тщеславием. Заметив мой интерес к кольцу, она обещала подарить его мне, если я сумею поладить с опалом.

— Дело в том, — поведала она, — что это не мой камень. Мы с ним обладаем одинаково твердым характером, и в последнее время приходится решать, кто кому должен подчиниться. Он не хочет служить мне по принуждению и, видимо, расценивает свое существование как плен. Думаю, если я не отпущу его, он может убить меня. — Насладясь моими круглыми от удивления глазами, тетушка продолжала: — Его тактика очень коварна. Он возбуждает во мне жажду постоянно его носить. Но когда я его надеваю, то чувствую, что не он украшает меня, а я словно становлюсь его частичкой. И тогда меня безумно тянет ко сну, но стоит мне отдаваться ему, я не получаю отдыха. Яркие сновидения вовлекают меня в неведомую жизнь. Однако она так обессиливает меня, что я встаю, чувствуя, как тело каменеет, а душа в нем скована, как в могиле.

Долго я ждал, когда кольцо придет ко мне. Но, верно, тетушке пришлось перенести нелегкую борьбу с собой, прежде чем она решилась расстаться с опалом.

Полный тревожного нетерпения, я повесил кольцо себе на шею, и через каждые пять минут с упоением вглядывался в свое сокровище. Камень же будто впитывал мой восторг и сам открывал мне все новые стороны своих чар. Перламутровые лучи его с тихой лаской прикасались ко мне, и я был счастлив, как если бы открыл целый мир, где маленько божество готово было вести меня по тайным тропам в самое сердце красоты и света, хранящиеся в его глубинах.

Когда, наконец, я несколько пришел в себя, то обнаружил странное явление. Днем, несмотря на присутствие солнца, я мог видеть луну. Более того, ее лучи не сливались с солнечными, а падали самостоятельно. Самые жаркие часы летнего зноя теперь потеряли надо мной свою власть. Достаточно было взглянуть на лунный серп, и холодные лучи его, превратившись в ветер, освежали мою разгоряченную голову. Окружающий мир также изменился, и я мог замечать у предметов не одну, а две тени, я улавливал рядом со своими чувствами чувства опала, который дарил мне свое видение. И самое невероятное, что я словно получил способность останавливать время.

Внимание и память обострились настолько, что я мог вызвать перед глазами любое событие прошлого, и реальность его, буквальная осозаемость, могли ввести в заблуждение, споря с миром настоящего, который окружал меня. Кому не доводилось сожалеть, что он не успевает проследить полет летучей мыши, узоры на крыльях редкой бабочки, сверкающие танцы стрекоз над гладью тихого пруда? Так вот, я получил эту возможность, как и тысячи других. Я вновь слушал колыбельные песни матери, я вновь встречал тех славных людей, которые некогда прикоснулись к моему детству и ушли за порог смерти. Я вновь с затаенным дыханием оценивал те богатства Земли, что встретились на моем пути, но тогда я бежал мимо них, лишь скользнув по ним взглядом, теперь же они принадлежали мне, и ни они, ни я никуда не спешили. Да поймет меня тот, кто также пролетал по своей жизни, устремленный в будущее, пока не догадался, что истина живет всегда в настоящем. Так вот, мой опал создал мне величайшую иллюзию — превращать прошлое в настоящее. Сколько весен вернулось ко мне вместе с благоуханием тысяч роз, сколько осеней одарило меня пестрым листопадом и сочностью своих плодов так, что наполненность моей души грозила мне реальным голодом, ибо в изобилии фантазий я забывал о насущном хлебе. Однако даже в стране, куда я попал, во мне срабатывал неизживаемый инстинкт будущего. Я хотел найти душу моего Божества, которое вело себя так прихотливо. Мой опал мог грустить, и тогда тщетно было заглядывать в его туманные глубины, в иные минуты он смеялся, сердился, капризничал, как ребенок и, конечно, был абсолютно не похож на тех послушных джиннов, которые служили волшебным перстням в сказках Шехерезады. Но, так же как в «Тысяча и одной ночи», я пожелал узнать историю моего опала.

Не стану затягивать повествование о том, как решил искать дорогу через страну Морфея, как однажды мне подсказали древний рецепт алхимиков, и я, перейдя предел сна, очутился в лунном море. Воглеа — повелительница призраков и лунного царства, разгневанная моим вторжением, явилась предо мной. Из ее слов я понял, что Луна хранит прошлое Земли, и все формы, достигшие совершенства, рано или поздно попадают в эту полуночную обитель. Но именно здесь я жаждал найти объяснение моему опалу, и, видно, в сердце древней богини возникло сочувствие. Впрочем, может, скорее это следовало бы назвать коварством. Подобно Янусу, ей была присуща двуликость. Одна ее ипостась являла суровый мужской принцип, другая воплощала мягкость женской стихии. Пустив перед облачной лодкой моей быстрокрылую ласточку, она повелела мне плыть за ней.

— Ты пройдешь через время и пристанешь к острову, где хранится прошлое нашей дочери, душа которой заключена в твоем опале.

Сердце мое, предчувствовавшее разгадку, чуть не разорвалось, когда я ступил на призрачный берег, и мой камень, обретя человеческую плоть, превратился в прелестную хрупкую деву с опаловыми глазами. Странную историю, более похожую на вымысел, поведала мне она.

— В давние времена при дворе могущественного короля жила красавица фрейлина. Множество знатных и богатых поклонников искало ее руки, но, чтобы добиться ее благосклонности, нужно было подарить ей самые драгоценные камни на свете. Каприз ее вначале вызвал удивление, но затем подзадорил соперников. Поднялись паруса на мачтах кораблей, тронулись в путь кавалькады вооруженных всадников, чтобы в странах Востока найти редчайшие камни и привести их на суд красавицы. И когда исполнился срок, у ног фрейлины были сложены самые дивные драгоценности, которые когда-либо создавались на земле. Тщетно пыталась она выбрать лучшее, но внезапно явился еще один претендент. Это был загорелый моряк, убеленный сединами. Он пришел последним, но, не приветствуя никого, приблизился к хозяйке и преклонил колени. Тихо вскрикнула фрейлина и побледнела, когда он вынул свои глаза и протянул их на ладони. В его орбитах были два опала, которые он обменял на свое зрение у лунных колдунов. «Не жалейте меня, — молвил моряк, — я все равно вас вижу, а для моей любви большего не нужно». Никто из женихов не посмел оспаривать красоту его дара, и была отпразднована пышная свадьба. Прошел год, и король страны, прослышиавший о чудесных опалах, решил устроить во дворце бал драгоценностей. Конечно, фрейлину пригласили в первую очередь. Тщеславие или иное чувство руководило юной красавицей, но она отправилась на праздник одна, и в ушах ее, оправленные в серебро, светились чудесные опалы. Король был восхищен и просил продать их или обменять на что угодно. Фрейлина ответила вежливым отказом. Ее сопротивление подхлестнуло необузданного владыку. Год назад он потерял супругу. «В таком случае я имею честь просить вас стать королевой. Вы будете принадлежать мне, как и все ваше достояние. Одним шагом я приобрету утешение и для казны и для моего сердца!»

«А как же мой муж?» — спросила, сдаваясь, фрейлина. «Он всего только муж, а я еще и король. Не волнуйтесь, я позабочусь о нем. Ему сообщат о несчастном случае с вами, а мои слуги сумеют создать ему уютное гнездо в замке, из которого он и не захочет никуда выходить. Его слепота спасет его от удара». Но король ошибся. Узнав от гонца, что его возлюбленная погибла, моряк поднялся на башню и заперся в ней. Семь дней он не выходил, и когда на восьмой слуги взломали двери, то нашли его мертвым.

Исполненная раскаяния, фрейлина похоронила его и, покинув замок, вернулась к королю. Пышная свадьба с королем оказалась не очень веселой. Прошло еще немного времени, и у нее родилась дочь. Увы, память о моряке не удалось стереть так легко. Принцесса родилась слепой. Никто не знал, как это случилось, но вскоре опаловые глаза оказались в ее орbitах. Угрызения совести или странные толки о принцессе заставили короля удалить ее от двора. На берегу моря для нее выстроили небольшой замок и поселили там вместе с немногочисленной челядью. Однако против желания королевской четы принцесса стала занимать умы всего государства. Вначале обнаружилось, что у нее чудесный голос, и, когда она пела в замковой капелле, сам король приезжал тайно послушать ее. Сопровождавшие его придворные нередко видели, как он ронял слезы. Потом поползли слухи, что в лунные ночи принцесса обретает зрение. В самом деле, к ней собирались друзья, она звала музыкантов, и, не зажигая свечей, они танцевали до рассвета, причем слепая ни разу не споткнулась и никого не задевала. И, наконец, по просьбе принцессы, ей подарили небольшую парусную лодку. Не внимая уговорам слуг, она уплывала в море одна и могла возвратиться лишь через несколько дней, когда луна бывала на ущербе. Приближалось совершеннолетие юной наследницы престола, и никто не сомневался, что способности принцессы затмят ее главный недостаток. Король и королева приглядывались к женихам, но в день своего рождения принцесса исчезла. В канун праздника, по словам испуганной прислуки, какое-то странное облачное судно бросило якорь против замка. Старый моряк сошел на берег и, взяв принцессу за руку, перевез на свой призрачный корабль. Подул ветер, туман рассеялся и лишь лунная дорожка осталась на том месте, где недавно виднелись очертания судна. Никто при дворе не сомневался в том, что похитил принцессу тот, кто некогда достал опалы.

Вот так я узнал историю моего опала, и хотя осталось неведомым, как человеческая душа могла воплотиться в камень, страстное желание оставить в человеческой плоти сказочную принцессу обуяло меня. Не помню, сколько слов я потратил, пытаясь убедить ее. Как я клялся отдать за нее свою душу, чтобы вырвать ее из-под власти Лунной богини! Как молил вернуться на Землю с ее страданиями и нищетой, но зато с живой жизнью, которой правит горячая кровь! Она молчала в ответ. Затем внезапно улыбнулась. Странную речь услышал я от нее:

— Послушай, я сама выбрала свою судьбу, и разве не помогло мне это сохранить в другой материи красоту и совершенство? Разве не они пленили тебя, когда я была заключена в камне? Но многое еще недоступно твоему пониманию, и память твоего прошлого существования скрыта в тумане лунного моря. Хорошо, я принимаю твою любовь и клятвы. Мы вернемся с тобой на Землю и разделим твою жизнь на двоих. Но и ты должен по истечении срока дней твоих вернуться со мной на лунную дорогу. Твоя душа войдет в камень и будет принадлежать вечно прекрасному прошлому. Мы соединимся воедино в капле опала, и ты будешь всегда мною, как я тобою.

Разве мог я в ту минуту понять ее? Для меня значило только то, что она отвечает на мою любовь. С пылом я протянул к ней руки. Она же вдруг растаяла в воздухе, как сновидение. В ладони моей осталась опять серебряная змейка кольца, сжимающая загадочный камень. Долго все случившееся казалось немыслимой фантазией. Я заперся в доме и, никуда не выходя, мучительно перебирал до деталей своей странствие. Образ Боглеа сливался с образом принцессы. История фрейлины представляла предо мной так ярко, будто я сам пережил ее и принимал в ней участие. В какие-то мгновения я видел себя тем несчастным моряком, и на меня ложилась вина, что я первый открыл двери иного мира и вызвал к жизни силы Луны. Не они ли затем определили судьбу принцессы да и мою собственную? То мнилось, что я — самовластный король в темном

углу замковой капеллы, и пение слепой дочери разрывает мое сердце. Эти возвращающиеся переживания доводили меня до полного изнеможения, и, когда наступал вечер, я засыпал так, словно проваливался в могилу. Но вот силы постепенно стали возвращаться, и вместе с тем какое-то воспоминание или навязчивое впечатление стало стучаться в сознание. И однажды среди ночи прозрение явилось ко мне. Я проснулся с чувством, совершенно незнакомым прежде. Дом, постель, окружающая обстановка, все оставалось знакомым и принадлежало мне, но тело, тело было чужим! Я стал ощупывать себя, протирать глаза, пытаясь избавиться от остатков сна, но ощущение не только не проходило, но усиливалось. Я прилагал неимоверные усилия, чтобы сохранить, хоть частичку своего «я», которая будто выдавливалась из меня новым сознанием. Как эквилибрист на канате, балансируя между центрами, раздвоившими мою личность, я подошел к зеркалу и с ужасом взгляделся в него. Из сумеречного сияния стекла пропустило нежное лицо принцессы, и опаловые глаза ее струили тихий лунный свет. Чудо преображения смяло последнее сопротивление моего прежнего сознания. «Ты будешь мною, как я тобой», — вспомнил я. Да, это не грэза. Я поднимаю руку и отражение в зеркале делает то же. Я кружусь, и волна разлетающихся волос обвивает мое лицо и стан. До самого рассвета я буду владеть этим легким телом, буду танцевать и петь лунные песни. Но с первыми лучами солнца мой возлюбленный сменит меня. Снова и снова будет он искать следы мои, снова и снова пытать свой драгоценный опал о том давнем королевстве на берегу моря.

СЕРДЦЕ

В глазах одиноких женщин обычно можно угадать какое-то особенное выражение: не то затаенной грусти, не то ожидания, не то нарочитой замкнутости... Трудно подобрать определение, но, вероятно, более, чем мужчины, созданные для любви и лишенные ее, они несут в себе тихую боль, которой не скрыть, как ни старайся. Однако нет ничего ошибочнее, чем делать обобщения и руководствоваться ими.

В прелестном mestечке Гессель-Винкеле, прогуливаясь по утрам, встречаешь почти всех жителей. Одни выносят в свои аккуратные садики столы для завтрака, другие выводят на улицу своих четвероногих друзей, третья спешат за продуктами или новостями в ближайшие магазины. Как звон колокольчиков, в воздухе звучит: «Доброе утро, доброе утро, доброе утро». Знаком ты со встречным или нет — неважно, приветствие летит к тебе и ждет ответа. Среди многих встречаемых людей я обратил внимание на немолодую женщину с огромной собакой. Она шла так легко и грациозно, словно всю жизнь танцевала и эта готовность осталась в ней. Наверное, этот порыв исходил из самой глубины ее души, потому что в лице ее, прекрасном и гармоничном, отражалась та же окрыленность, тот же полет и одухотворенность. Но главное, это было лицо счастливого человека, которому нечего желать, кроме того, чтобы просто продолжать так идти, ведя на поводке собаку, и вдыхать утренний воздух.

— Вот самое удивительное существо, что проживает здесь, — поделился я впечатлениями со своим хозяином, у которого гостили. — Представляю себе, сколько радости дарит она одним присутствием своим близким.

— Не тут-то было, — отвечал мой собеседник, — если вы имеете в виду Янтарную Сибиллу, а иной, я думаю, в нашем Гессель-Винкеле и нет. Так вот, она абсолютно одинока.

— А почему ее так прозывают? — заинтересовался я.

— О, это целая история, не то выдумка, не то безуминка.

Уступая моим настояниям, он рассказал мне ее. И вот как все это выглядело.

Лет двадцать назад здешние леса были еще достаточно глухие и обширные. Немало охотников собирались в Гессель-Винкеле, чтобы отправиться отсюда за кабанами, оленями, а порой и на медведя. Среди них был один молодой человек по имени Генрих. Внешность имел он самую заурядную, да и состояние самое среднее, поэтому хоть и робким его нельзя было назвать, но только со стороны он мог любоваться прекрасной Сибиллой. В те времена она многих с ума сводила, но держалась, как королева. Холодна, величава, и никто не мог похвастаться ее благосклонностью. Однажды Генрих в очередной раз отправился на охоту и заблудился. Собаки его куда-то исчезли, дело было к вечеру, и решил он забраться на дерево, чтобы отыскать путь. И с вершины увидел, что над лесом, словно пламя без дыма, высится дерево с золотыми листьями. Слез Генрих вниз и поспешил к чуду, которое увидел. Но чем дальше шел, тем труднее был путь. То бурелом, завалы из павших стволов, то овраги, то скалы. Выбился из сил охотник. Сел под дерево и закрыл глаза. Очнулся от света. Видит, что рядом с ним костер пылает, а вокруг какие-то дети. Он пригляделся, а у детей — бороды! Хочешь верь, хочешь не верь, а попал Генрих к гномам.

— Что тебе здесь надо? — спрашивают его. Он и отвечает, как было: что заблудился, увидел дерево с золотыми листьями и пошел к нему.

— Опять это проклятое дерево! — говорят гномы. — Столько несчастий нам приносит. Если ты поможешь нам срубить его, мы тебя отпустим и дорогу покажем, а нет, так останешься с нами и станешь таким же, как мы.

Из их объяснений он понял, что дерево с золотыми листьями ему не пригрозилось, и оно — беда для гномов. Выросло дерево из подземных недр, где обитали гномы, и вытягивает их золото наружу. Срубить его им не под силу. И вот взялся Генрих за топор. Но сколько не рубил, только лезвие тупил, да топорище ломал. Каменный ствол был у дерева. Тогда пришла в голову Генриху мысль — не рубить дерево, а выкопать все его корни. Взялись все вместе за работу. Все корни освободили, а один, главный, не могут. Уходит он глубоко под землю. Пришлось Генриху лезть в подземное жилище гномов. И там увидели они озеро. Прямо из середины его и рос этот корень. Видит охотник, что гномы боятся в воду лезть. Тогда прыгнул сам в озеро. Нырнул глубоко и стал, держась за корень, копать основание его. И тут в руках его оказался скользкий камень. Из него и росло дерево. Он вынырнул и увидел, что камень светится изнутри. Тем не менее оборвал он корень и на берег вышел. В этот же момент загремела земля от тяжелого удара. Это свалилось дерево. Выбрались они на поверхность. Проводили гномы Генриха, дорогу ему показали. С тем он и вернулся, а камень тот, конечно, с собой взял. Оказалось при свете дня, что это кусок янтаря в виде сердца. Ничем особенным он не отличался, только в темноте начинал светиться. Какие-то облики в нем плыли, фигуры проходили, цветы распускались. И вот стали Генриху сниться чудесные сны. И явился ему однажды маленький гном в золотой короне. Рассказал о своей судьбе печальной и просил помочь ему.

Случилось гному в годы его царствия встретить среди людей прекрасную девушку. И влюбился он в нее, но сколько не молил о любви, только смеялась над ним красавица. И впрямь, какая может быть пара из гнома и человека. Проходило время, давно уже забыла о гноме девушка, а он все любил ее. Узнав об этом, рассердились гномы на своего владыку. Требовали, чтоб отрекся он от своего сумасбродства и жил, как все

гномы. Он же отказывался и все норовил уйти к людям, чтобы хоть на мгновение вновь увидеть свою избранницу. Тогда казнили его злые гномы и бросили тело в подземное озеро. Но любовь не дала умереть сердцу короля, и выросло из него дерево с золотыми листьями. Теперь Генриху досталось оно, и вот крошка-король умолял пойти на поиски его возлюбленной. Взял Генрих янтарь в карман и отправился по Гессен-Винкелю. Первой, кого он встретил, была Сибилла. Как огонь запылал янтарь, а Сибилла вдруг взглянула на Генриха так, словно впервые увидела его. Долго они разговаривали и все наговориться не могли. Почувствовал Генрих, что у девушки вдруг вспыхнул интерес к нему, и пожалуй, он может надеяться, что это не пустой каприз красавицы. Однако решил он проверить, что будет, если он без янтаря к ней подойдет. Так и сделал. И смотрела на него Сибилла с удивлением, и будто искала чего-то, но не находила. Одна только вежливость не позволяла ей тотчас повернуться к нему спиной и уйти прочь. А ночью гном опять снился Генриху и в слезах благодарил его.

— Это она, я узнал ее. Спасибо тебе, добрый человек!

Стыдно стало Генриху, что хотел он стать соперником на пути любви гнома. Ведь тот даже жизнью своей пожертвовал ради возлюбленной. Только не мог он понять, когда это гном успел встретить Сибиллу и полюбить ее. Судя по дереву с золотыми листьями, то было не меньше, чем сотня лет назад.

— Ты прав! — ответил ему гном. — Случилось это сто лет назад, когда жила Сибилла другой жизнью. Но я ее душу узнал. Лишь тело меняется, а душа остается у человека вечной!

И тогда снова пошел Генрих к Сибилле. Рассказал ей все приключившееся с ним и отдал ей янтарное сердце гнома. С тех самых пор словно ушла в сновиденья свои и стала там королевой гномов. Что для нее стало главным в жизни, теперь трудно сказать. Ни в ком она не нуждается. Можно, конечно, и о безумии ее подумать. Кто-то рассказывал, что видел, как она ночью в лес гулять уходит и на голову надевает маленькую корону. Но чего не случается в Гессель-Винкеле!

— А что с охотником стало? — спросил я.

— Да ничего, зажил, как все. Гостей порой принимает. Вы, верно, не поняли, что я и есть тот охотник. Меня ведь Генрихом зовут, а многие по привычке добавляют — охотник Генрих.

ПРИНЦ АВГУСТА

Не следует спешить, даже если тебе предлагают стать Принцем. Эргель Данк, поэт и бродяга, как-то странствуя по незнакомому краю, наткнулся на пустой старый дом. Время было позднее, накрапывал дождь, и он решил переночевать в этом заброшенном жилище. Среди ночи ему послышались голоса в соседней комнате. Карманы Эргеля были пусты, так что будь это даже разбойники, терять ему было нечего. Он осторожно выбрался наружу, а затем громко постучал в двери. Никто не ответил, тогда Эргель решительно толкнул двери и вошел в дом. Полоска света указала ему путь, и он попал в тускло освещенную комнату. Семь человек находились в ней, и среди них одна женщина. Одетая в старинное платье, так же как и остальные, она выделялась своей яркой внешностью. Отблески пламени из камина падали на ее лицо, и оно резко меняло выражение. Вот, словно темно-красный цветок распускался на нем, и оно становилось гневным и зловещим.

Мгновение спустя светлая волна смывала эту маску, и на ее месте возникало лицо Белоснежки. Печаль туманила черты ее, и в детских губах застывал немой упрек. Еще миг, и оранжевый блеск рысых глаз, исполненных колдовской, звериной силы, устремлялся из омута ее смеющегося лица. Да, от него трудно было оторваться, тем более что остальные ее спутники казались мало примечательными, кроме одного. Молодой человек в бархатном наряде голландского художника.

Черный берет нависал над его непомерно высоким лбом. Большой нос с горбинкой скорее напоминал птичий клюв, лицо выражало глубокую печаль, и ее не могли изменить никакие тени.

После нескольких извинительных слов компания приняла Эргеля, как своего товарища. Пиво из солидного бочонка, черный хлеб с сыром, которыми его угожали, явно не соответствовали роскошному убранству стола. Золотые чаши, инкрустированные драгоценными камнями, вазы из перламутра, обрамленные затейливым серебряным литьем — все это явно напоминало натюрморты голландских мастеров XVI века. Впрочем, хмель вскоре ударили в голову Эргеля, и он с трудом воспринимал окружающее. Лишь отрывками вспоминал он эти события на следующий день. Помнилось ему, что хозяйка, желая подразнить печального юношу, старалась уделять особое внимание пришельцу. Потом сели играть в карты, и Эргель обыграл всех. Наградой должен был быть поцелуй красавицы.

Печальный «белый ворон», как про себя прозвал Эргель человека в берете, предложил горсть золотых, прося отказаться от приза.

Эргель лишь качнул головой. Тогда тот молча указал на шпагу. Разгоряченный победой, бродяга со смехом выхватил ее у противника и сломал. Окружающие захлопали его ловкости, однако видя неподдельное страдание молодого человека, Эргель отказался от своей награды. Его освистали остальные присутствующие. Но он отвернулся от них к стене. Там висела странная картина в золоченой раме. Пустой темный холст словно ждал, чтобы на него легли краски. Но одна фигура была вырисована на нем, и она являла собой самого Эргеля, стоящего спиной к зрителю. Потом компания куда-то заспешила и исчезла. Холодное прикосновение их рук оставляло неприятное впечатление. Лишь одно пожатие было искренним и благодарным, и, конечно же, оно принадлежало печальному юноше. Потом Эргель долго спал, а когда проснулся, сумбур этой ночной пирушки продолжал терзать его. Он опять осмотрел дом. Все исчезло, как будто и не было. Одна картина осталась на стене. На ней теперь была изображена вся ночная компания вокруг с драгоценной посудой стола. Лишь самого себя он уже не нашел на ней.

Прошел, вероятно, год, и снова Эргель бродил по дорогам. Однажды, в конце июля, в годовщину странной встречи в пустом доме, он заблудился в лесных дебрях. Темнота сгущалась вокруг него, и ему казалось, что какие-то маленькие фигурки крались за ним по сторонам тропинки. Однако стоило ему сделать шаг в их сторону, как они тут же замирали, сливаясь с кустами и деревьями.

Для волков они были слишком малы, для детей — слишком проворны. В тревоге путник ускорял шаги, порой бежал, но преследователи не отставали. Наконец, выбившись из сил, он сел под деревом посреди небольшой поляны. Глаза его слипались несмотря на страх. Он предался раздумьям, но вдруг услышал со всех сторон нарастающий шум. Эргель напряг зрение. Сотни крошечных фигурок, взявшись за руки, двигались по краю поляны. Этот странный хоровод вокруг него повторял какие-

то слова или мелодию, и теперь Эргель не сомневался больше. Это были гномы. Они мелькали все быстрее и быстрее, и у путника закружилась голова. Когда он очнулся, то почувствовал, что не может двинуться.

«Я, очевидно, привязан к дереву», — мелькнуло у него в голове.

Но нет, ни одна веревка не оплетала его рук и тела. Он просто превратился в огромную ель. Та ель, у которой он присел, стояла рядом, и ее ветви участливо касались его. Наступил день. Гномы исчезли. Эргель видел лесных животных, группа охотников выехала на поляну верхом на стройных лошадях. Он хотел окликнуть их, но не мог. Лишь шевельнул ветвями. Тихий шорох слетел с вершины дерева, но никто не обратил на него внимания. В ужасе от своей участи, Эргель стал уверять себя, что это лишь сон и он проснется человеком. Увы, он не спал. На закате дня пришли гномы. Его снова превратили в человека и стали с ним разговаривать.

— Зачем ты явился в наши владения, незнакомец? Ты нарушил течение нашего времени. В Священный час гномов мы вынуждены были сопровождать тебя, пока ты шел в самые заповедные места нашего королевства.

— Я сбился с пути и заблудился, — отвечал Эргель, — но я готов сделать все, чтобы искупить свою вину!

Гномы пошептались, а затем принесли лук со стрелами.

— Мы хотим посмотреть, на что ты способен. Выстрели из лука в заходящее солнце, а затем постараитесь найти стрелу до того, как наступит полночь!

Эргель понимал, что спорить или ставить условия бесполезно, зато у него есть шанс спастись. Изо всех сил натянув лук, он пустил золоченую стрелу в медно-красный диск, опускающийся за деревья.

Вслед за тем он побежал. Гномы ринулись следом за ним. Догадались ли они о его намерении бежать, но он слышал их крики, и маленькие стрелы свистели у него над головой. Он опередил их и, петляя как заяц, выскочил к реке. В сотне метров от него был узкий мост.

Спасение было рядом. На другом берегу меж деревьями виднелись дома людей. Внезапно Эргель услышал крик о помощи. Крошка гном, видимо еще ребенок, удивший рыбку, упал в реку, и течение уносило его к омуту. Забыв о себе, Эргель прыгнул в воду и вытащил малыша на берег. Быстро огляделся, он хотел бежать к переправе, но его преследователи уже отрезали ему дорогу. Он побежал прочь от моста вдоль реки. Снова ему удалось оторваться от погони. Грозное хрюканье раздалось впереди него. Из леса выскочил огромный вепрь и ринулся на Эргеля. Беглец увернулся от его громадных клыков, а затем прыгнул ему на спину, вцепившись в жесткую холку. Вепрь рванулся вперед и запутался среди кустов и корней поваленных деревьев. Эргель вдруг увидел, что под шкуру зверя загнаны под самую шляпку три золотых гвоздя. Сам не зная, зачем он это делает, Эргель вытащил гвозди и отбросил их в сторону. Вепрь внезапно успокоился. Вероятно, именно боль от гвоздей привела его в такую неистовую ярость. Теперь он успокоился. И снова, задыхаясь, Эргель бежал прочь от погони. На этот раз удача, казалось, была рядом. Он видел край леса, а за ним возделанные людьми поля. Стук молоточков обратил на себя его внимание. У крошечного домика под холмом стоял гном и ковал сверкающую золотую чашу. Она

была инкрустирована бриллиантами и рубинами. Увидев беглеца, гном выпустил молоток и бросился бежать.

Драгоценная чаша упала и подкатилась к ногам Эргеля. Рука его потянулась к сокровищу, но он отдернул ее. Он не желал зла гномам и тем более не хотел посягать на их добро. Отвернувшись, Эргель рванулся вперед и упал в яму. Там лежала его стрела. Придя в себя, он вновь увидел, что находится на поляне. Гномы окружали его, но теперь в их обращении к нему звучало уважение.

— Ты выдержал испытание, человек! И мы предлагаем тебе стать принцем Августа. Ты станешь таким же, как мы, и женишься на нашей королеве!

— Нет, — отвечал Эргель. — Я благодарю вас за честь, но отказываюсь. Я хочу вернуться к людям.

— У тебя есть время подумать, но знай, что твой отказ превратит тебя навсегда в дерево этого леса, — сказали гномы. — Оставайся здесь и думай. Сбежать с этой поляны ты уже не сможешь. Оцени это место, которое может стать твоим до скончания твоих дней.

Наступила ночь, и Эргель сел под елью, не зная, что предпринять. Шелест ветвей над ним заставил его насторожиться. Он вспомнил, как, будучи елью, хотел заговорить с людьми, и они не услышали его. Теперь он может что-то узнать от дерева. Да, это была говорящая ель, и она пыталась его поддержать и утешить, когда он стоял рядом с ней.

— Ты не можешь узнать меня, но я тебя вспомнил, путник. Год назад мы встретились в пустом доме, и, когда ты пришел, гномы приняли образы людей с картины голландского мастера. И я был тогда твоим соперником, и ты дважды победил меня. Первый раз в карты, второй — когда сломал мою шпагу. Но я не мог забыть твоего благородства, когда ты отказался от поцелуя женщины, которую я любил. Знай же, что меня постигла почти такая же участь, как и тебя. Меня превратили в дерево, хотя я был человеком. Мое имя Нольд, и судьба моя печальна. Еще среди людей я встретил и полюбил прелестную девушку Герану. Увы, она играла со мной и со всеми, кто попадался на ее пути. Трудно представить, чего она хотела, но я думаю, что ее свою нравственную натуру хотелось власти над теми, кого она увлекала собой. Вероятно, это послужило причиной ее внезапного исчезновения. Она ушла от людей к гномам, чтобы стать их королевой. Я решил последовать за ней. Не стану рассказывать, как это удалось, но я встретил в лесу светлых духов сосновых деревьев и дал клятву верности им. Тогда же узнал, что Герана владычествует над лесными гномами, которые враждуют с соснами. Они заключили союз с хмурыми елями из черного леса, и те пришли в эти леса отвоевывать место у светлых сосен. Немало людей попало под колдовские чары лесных гномов и превратилось в воинство еловых деревьев. Я сказал тебе что стал защитником солнечного леса, и дал клятву верности им. Наверное, ты поймешь меня. Сосновый лес светел, солнечные лучи касаются их корней и питаются ими. Ели — темны, и закрывают землю от света, потому темные силы пользуются их покровительством. Но духи природы ищут союза с людьми. Этот союз дает им шанс победить в войне друг с другом. Лесные гномы также ищут предводителя для своих полчищ среди людей. Каждый месяц они находят себе принца, который должен повести их в бой. Герана помогает им, и ее красота служит приманкой. В ту ночь, год назад, я пришел на свидание с Гераной и попал в плен к гномам. Они хотели, чтобы я выступил против сосен, и я отказался. Тогда они превратили меня в дерево и оставили

здесь. Теперь ты, волею судьбы, так же оказался в плену у гномов, и тебе предложили стать принцем Августа. От твоего выбора многое зависит.

— Но что происходит с теми принцами, когда проходит их время? Например, с Маэм, Июнем или Июлем? Ведь это столь короткое время?

— Ты ошибаешься, — прошептала ель. — Время у природы иное, и то, что для людей месяц, для гномов может тянуться как год. Что же касается принцев, то они засыпают в подземном королевстве гномов и становятся памятниками самим себе и своему царствованию.

— Есть ли возможность спастись? — спросил Эргель.

— Пожалуй, ты можешь попробовать, — ответил Нольд. — Тебе не уйти за пределы поляны, но под моими корнями есть ход в подземелье. Там, если ты передвинешь стрелки каменных часов, гномы начнут встречу месяца раньше, чем надо. Может быть, ты узнаешь их тайный клич и песню, которые дадут тебе власть над ними. Они все подчиняются тайному гимну и не смогут сражаться против того, кто поет его.

Эргель скользнул в подземелье. Множество гномов сновали по узким галереям. Все были заняты подготовкой к встрече нового месяца, и на Эргеля не обращали внимания. Он долго пробирался по дорожкам, тускло освещенным светляками и фонариками, пока не оказался на широкой площади, посреди которой возвышалась статуя королевы.

Вокруг нее на пьедесталах стояли семь принцев, превращенных в янтарь. Сердце Эргеля сжалось, и он пошел дальше. У озера с темной ледяной водой он увидел громадные каменные часы. Изнутри шел тяжелый стук, словно билось огромное сердце. Эргель хотел подойти к часам, когда внезапно на него кинулся громадный вепрь.

Однако приблизившись к Эргелю, он успокоился и отошел в сторону, давая дорогу. Два гнома, стоящие на страже, так же пропустили его, и он узнал в одном из них ребенка, которого спас, а в другом — кузнеца, который ковал золотую чашу. На циферблате часов вместо цифр стояли имена месяцев и над ними отшлифованные каменные лица.

На месте Августа было пустое место. Эргель схватился за стрелку и передвинул ее. Раздались тяжелые удары колокола, пробившего восемь раз. Загремела музыка, приветственные крики, смех, шум. Гномы пустились в пляс, и начался праздник. Вскоре были раскупорены бочонки с пивом, и гномы запели свои сокровенные песни. Эргель старался запомнить все, что слышал. Наконец, он почувствовал, что пора возвращаться. По дороге обратно он случайно увидел у подножий памятников принцам оброненную кем-то старинную шпагу. Прихватив ее с собой, Эргель поднялся наверх. Ель раскачивалась и скрипела.

— Что с тобой? — обратился к Нольду юноша.

— В твоих руках моя жизнь и мое спасение! — ответило дерево. — Скорее ударь шпагой в мой ствол!

Эргель повиновался, и через мгновение перед ним стоял такой же, как и он, молодой человек с ясными голубыми глазами.

— Теперь я могу бежать, но тебе нельзя пересечь границу поляны. Боюсь, что мы можем встретиться с тобой в битве деревьев, тогда я уже не смогу быть твоим другом.

— Но я не собираюсь становиться принцем и сражаться на стороне гномов!

— Ты еще не видел королевы. Ее красота пленит тебя, и ты все забудешь! — сказал Нольд.

— Посмотрим! — ответил Эргель.

И той же ночью он увидел королеву Герану. Ничем не напоминала она той женщины с картины голландского художника, которую он встретил в пустом доме. Действительно, перед ним была настоящая королева. Красота ее напоминала красоту драгоценного камня, вплетенного в изысканный узор золотой оправы. Но он вспомнил фигуру королевы, стоящую в подземной стране гномов, где ее окружали мертвые принцы. Нет, он не хотел подчиниться такой красоте, хотя не мог не восхищаться ею. Меж тем затрубили рога и загремели барабаны.

— Мы идем за победой! — сказала Герана, и Эргель молча кивнул ей в ответ. На рассвете два войска встретились в долине среди горных кряжей. Гномы двигались позади сумрачных, мохнатых елей, и в руках у них были острые боевые секиры. С другой стороны выстроились светлые стройные сосны, и их розовеющие стволы казались всадниками с устремленными в небо копьями. Эргель выехал вперед, и навстречу ему помчался Нольд, размахивая мечом.

— Стой! — крикнул предводитель гномов, но противник не слышал его. Тогда Эргель увернулся и подставил свое копье под удар Нольда. В этот момент меч его переломился и упал на землю. Нольд повернулся и взглянул глаза Эргелю. Сломав свое копье, Эргель запел священную песню гномов. Растворяясь, гномы бросали на землю оружие и подхватывали эту мелодию. Вскоре вся армия пела, и сосны ответили тем же. Битва кончилась, не успев начаться. Три человека сошлись в центре долины.

— Итак, твое решение, Эргель. Хочешь ли ты быть принцем Августа? — спросила королева Герана.

— Нет! — ответил он. — Я возвращаюсь к людям.

— Что скажешь ты? — обратилась она к Нольду.

— Да! — ответил он. — Если ты добавишь к этому титулу еще одиннадцать остальных.

— Больше не будет войны меж деревьями, и нет нужды искать новых принцев, — молвила Герана, протягивая ему руки.

Солнце спускалось к закату, и фигура Эргеля отбрасывала тень на лесную дорогу. Он шел дальше, и даже не заметил, как миновал пустой дом, в котором началась вся эта история.

ОСЕННИЙ БАЛ

Глубокой осенью в вечернюю пору одинокий всадник медленно двигался по заброшенной дороге среди пустынных холмов, озаренных печальным светом

заходящего солнца. Вооружение, доспехи, запыленный плащ свидетельствовали о том, что путник принадлежал к немногочисленному братству странствующих рыцарей, которые, презрев суету и довольство светской жизни, искали вдохновения среди природы, стоит ли говорить, что чаще всего это были поэты и художники и потому их приключения и слава давали пищу фантазии. Действительные события или воплощения их грез ложились в основу мелодичных баллад, которые распевали на пирах и балах. Насмехаясь над странностями мечтательных чудаков, люди украшали себя их доблестями и служением идеалу.

Гелар, как звали рыцаря, уже много лет скитался по дорогам, и земля, которая ложилась под копыта его коня, казалась ему близкой и родной, словно была его владениями, которые он объезжал, как заботливый хозяин. Ясные дни и непогода, ярость солнца и звездные ночи будто рождались в его душе и вместе с настроением уходили, оставляя его то радостным, то печальным.

Осенью какая-то тревога поселялась в его сердце. Он спешил, погоняя коня, хотя никто не ждал его, и путь его не имел ни цели, ни конца. Дорога, по которой он ехал, раздваивалась, одна шла на юг, другая поворачивала на север. В сомнении рыцарь придержал коня, он увидел на северной дороге красные кленовые листья. Они казались угольками, упавшими на землю, чтобы зажечь бурью сухую траву. Меж тем поблизости не было видно ни одного дерева. Ветер или судьба бросили их на пути рыцаря? Но именно они повлияли на его выбор. Гелар направился к северу. Совсем уже поздно, когда солнце уже почти полностью скрылось за горизонтом, он увидел прекрасную рощу, обнесенную узорчатой чугунной решеткой. За деревьями, одетыми в пышный золотой наряд, слышалась чарующая музыка, старинный парк был полон гостей. Среди аллей и полянок мелькали богато наряженые танцующие пары. Решетка высоких ворот, украшенная изогнутыми драконами, растворилась перед рыцарем, полыхнув огненным блеском золотых копий, венчающих ее верх. Слуги, молча поклонившись, приняли его коня и пригласили принять участие в празднике.

Небольшой дворец в середине парка казался прозрачным. Огромные полукруглые окна размером почти во всю стену открывали богатое убранство дворца с многочисленными канделябрами, мраморной скульптурой, роскошными старинными картинами, как если бы это была гигантская беседка. Никто не обращал внимания на Гелара, никто не указал ему хозяев этого бала, но это не смущило рыцаря. Утолив голод и жажду у великолепных столов, уставленных фруктами и вином, рыцарь принял участие в веселье. Здесь никто не соблюдал этикета, гости танцевали кто как умел, поддаваясь чарующей мелодии и своему собственному порыву.

Вскоре Гелар обратил внимание на прелестную женщину, стоявшую у колонны. Необыкновенные рыжие локоны спускались по ее плечам, бледное лицо с глубокими тихими глазами, тонкие руки, двигающиеся в такт музыке, словно она дирижировала невидимым оркестром, алый цвет ее платья словно впитал в себя краски закатного солнца. Заметив внимательный взгляд Гелара, она улыбнулась

и кивнула ему. С бьющимся сердцем Гелар пригласил ее на танец. Ее звали Кленисса. Мелодия сменялась другой, вторая третьей, а Гелар не мог оставить свою даму. Время разом и остановилось и летело с головокружительной быстротой, пытаясь догнать его чувства. А они мчались быстрее, чем его конь во время турнирного боя. Гелар и сам не мог объяснить своего состояния, ему казалось, что он знает эту даму давным-давно, безумно ее любит и готов умереть, если она отнимет свою руку. Меж тем все медленнее и тише звучала музыка во дворце. Зато снаружи деревья стали раскачиваться

от порывов налетевшего ветра, который срывал листву, деревья становились голыми, и тысячи желтых, красных, оранжевых листьев кружились, залепляя окна дворца и заглушая музыку своим тоскливым шуршанием. Кавалеры и дамы то и дело исчезали выскользывая наружу и не возвращаясь обратно. Зал пустел, уже редкие пары скользили по драгоценному паркету. В тревоге Гелар решил посмотреть, что происходит и, взяв с Клениссы слово подождать его, вышел в парк. Страшная буря чуть не сбила его с ног. Он увидел, как гости бросаются к воротам парка. Кавалеры выхватывали свои шпаги, дамы закрывали лица. Бесформенные фигуры каких-то чудовищ в развеивающихся темных одеждах штурмовали парк. Один за другим падали его защитники, и дикий рев бури сливался с жалобными выкриками и сухим треском ломающихся деревьев. Гелар едва нашел своего коня и, вернувшись в зал, увидел, что он пуст. Кленисса со слезами на глазах стояла у окна, прижавшись лицом к стеклу.

— Вокруг бой, здесь нельзя больше оставаться, — сказал Гелар. — Мы должны попробовать прорваться. Но прежде вы должны довериться моему сердцу, я не знаю, что нас ждет, но люблю вас и буду верен до последнего вздоха. Утерев слезы, она улыбнулась и заглянула ему в глаза: — Я верю и люблю так же, как и вы.

Через мгновение они уже мчались к воротам. Трудно описать этот бой с вихрем, но удача сопутствовала рыцарю, он пробился сквозь осаждающих и, бережно укрыв плащом свою драгоценную ношу, едва держась в седле от усталости, всю ночь ехал по неизвестной дороге, доверившись своему коню. Он уже не помнил, как остановился на какой-то поляне, спустился с коня. Устроив ложе для своей возлюбленной, лег у ее ног, сжимая в руках обнаженный меч. Сон принял его, как бездонная пропасть принимает падающий камень.

Когда он проснулся, вокруг него был пустой голый лес. Ни листочка не было на деревьях, его дама исчезла. В отчаянии оглядываясь по сторонам, он увидел, что дерево, под которым он лежал, — чудесный клен с бордовыми и желтыми листьями. Это было чудо. Обняв ствол, рыцарь закрыл глаза, чтобы не дать пролиться слезам. И словно объятия его встретили сочувствие, ему показалось, что ветви золотого дерева склонились и коснулись его плеч и головы.

— Кленисса! — прошептал он и уже не ушами, а сердцем услышал тихий голос:

— Я здесь!

Гелар остался подле дерева, оберегая его от любых напастей, он укрывал его корни снежными сугробами и укутывал ствол своим плащом. И на удивление листья дерева не опадали вопреки всем законам природы. Пришла весна, и снова лес оделся зеленым убором. Гелар выстроил себе небольшой домик вблизи леса, и каждый день навещал свой клен.

Однажды он отправился к известному чародею, чтобы узнать свою судьбу и что с ним произошло.

— Ты побывал на осеннем балу деревьев, — молвил ему мудрец. — Знаешь ли ты о том, что Творец создал весь мир, наделив его способностью расти. Так, камни должны когда-то стать деревьями, деревья животными, а животные людьми, люди же ангелами и так далее. В осенний бал время настоящего и будущего сливаются. Ты встретил душу дерева, какой она должна стать через много веков. Твоя любовь вырвала дерево из-под законов природы и, вероятно, от тебя зависит, как сложится ее дальнейшая судьба. Раз

в году в осенний бал ты сможешь встречать свое дерево в человеческом облике. Но удастся ли тебе сохранить свою любовь к той, которая приходит к тебе скорее, как мечта, нежели как реальное существо?

И снова рыцарь вернулся к своему дереву. Он посвящал своей возлюбленной песни, стихи и пел их среди людей. Вскоре весть о новом рыцаре-трубадуре облетела страну. Не проходило праздника или бала, где бы не исполнялись песни Гелара. Как-то о нем услышала королева:

— Не было еще ни одного менестреля, который бы не посвятил своих песен мне, — заявила она придворным. — Я хочу, чтобы он явился ко двору и стал служить мне.

Гелар подчинился приказу. Его песни очаровали повелительницу.

— Мы довольны тобой, рыцарь, — сказала она. — Но теперь ты должен сочинить песни для меня.

— Я могу петь лишь тогда, когда в моем сердце звучит любовь.

— Уж не хочешь ли ты, дерзкий, признаться в своей нелюбви к королеве? Однако я не буду торопить тебя. Ты будешь оставаться при дворе, пока в твоем сердце не проснется новое чувство к своей повелительнице.

И для Гелара наступили дни испытаний. Придворная челядь издевалась над ним, королева обращалась с ним, как если бы он был шутом и должен был веселить толпу приближенных. В редкие ночи Гелару удавалось, оседлав коня, мчаться в заветный лес, чтобы облегчить свое сердце, обнимая чудесное дерево. Вскоре, однако, королевские шпионы выследили его. Он был вызван на суд:

— Нам донесли, что вы подозреваетесь в чародействе. Что вы делаете в лесу подле дерева? Может быть, вы замышляете сглазить королеву?

Рыцарь молчал. Его связали, и вот кавалькада всадников во главе с королевой прибыла в лес и остановилась под чудесным раскидистым кленом. Королева оглядела дерево. Затем подозвали Гелара.

— Рыцарь, я отдаю должное вашей преданности, так же как и вашим песням, но на что вам далось это дерево? Откажитесь от него, и я обещаю вам, что вы займете престол вместе со мною.

— Нет, — ответил Гелар.

— Тогда я предлагаю вам второй выбор: откажитесь от дерева, иначе оно будет срублено.

— Моя душа связана с душой дерева, которую вам не убить.

— Посмотрим! — ответила королева. Она дала знак, и двое дровосеков разом взмахнули топорами, чтобы свалить клен. Алая смола, похожая на кровь, выступила на коре и тотчас исчезла. Дерево мгновенно зарубцевало свою рану и стояло невредимым. Снова взмахнули дровосеки сверкающими топорами. На этот раз они отскочили,

словно дерево превратилось в камень. Что бы ни пытались сделать с ним, все было напрасно. Гелар бледный стоял, стиснув зубы и молча глядя на дерево.

— Кажется, я должна признать поражение, — сказала королева. — Но этого никогда не случится, скорее я казню вас, добрый рыцарь. Есть ли у вас последнее желание?

— Да, — ответил Гелар. — Похороните меня рядом с деревом.

Королева дала знак слугам, но не успели они прикоснуться к рыцарю, как тот упал мертвым. Удовствовавшись в этом, придворные обернулись к королеве.

— Верно, он оказался вне нашей власти. Погребите его у корней этого проклятого дерева.

Прошло несколько лет, а королева не могла забыть Гелара, она запретила трубадурям петь его песни, но сама постоянно вспоминала его мелодии и стихи, и некуда было деться от этого. Вскоре пришла болезнь и заставила королеву считать дни своей жизни. Ужас перед смертью охватил повелительницу. Ни пиры, ни веселье, ни охота не отвлекали ее. В отчаянье она пришла к чародею:

— Я хочу жить во что бы то ни стало, в каком угодно образе, лишь бы жить. Помоги мне! Или я отправлю тебя своим гонцом в царство смерти.

— Нет нужды, — ответил волшебник, — если Ваше величество готово обменяться с деревом своей душой, то я могу помочь Вам жить вечно.

— Но деревья не живут вечно! — возразила королева.

— Вы правы и Вы ошибаетесь, — ответил чародей, — есть одно дерево, которое живет вечно благодаря любви человека, чья душа бессмертна. И Вы знаете это дерево.

Странный указ прочли приближенные в завещании своей королевы: «Тот, кто первым окажется под кленовым деревом, которое ни зимой, ни летом не меняет свою листву, и где погребен рыцарь Гелар, тот должен занять после меня трон». В смущении придворные отправились к дереву, поскольку их королева исчезла. У подножья прекрасного клена, пылающего своей листвой в лучах восходящего солнца, как настоящий костер, они обнаружили прекрасную рыжеволосую девушки, кутающуюся в алый плащ. Склонив колени, придворные водрузили на ее голову корону. А вскоре пронеслась молва, что каждое полнолуние одинокий всадник скачет из леса ко дворцу. Но на этот счет новая повелительница не задавала никаких вопросов своим подданным и сама не отвечала на возникающие толки. Именно после этих ночей она была необычайно прекрасна и радостна. И так было до конца ее дней. Когда же она умерла, и тело ее оставили ночью в часовне, стражи опять увидели ночного всадника. В ужасе они не могли преградить ему дорогу, узнав в нем Гелара. Он взял тело королевы и умчался с ним в лес. Это было осенью, в пору, когда деревья праздновали ОСЕННИЙ БАЛ.